

ISSN 2542-2197

ВЕСТНИК

МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

2019 9 (825)

МГЛУ

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Год основания издания – 1940

1930

**ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА**

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

Москва
ФГБОУ ВО МГЛУ
2019

9

ВЫПУСК 825

MSLU

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION
FEDERAL STATE BUDGETARY
EDUCATIONAL INSTITUTION OF HIGHER EDUCATION
"MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY"

The year of foundation – 1940

1930

**VESTNIK
OF MOSCOW STATE
LINGUISTIC UNIVERSITY
HUMANITARIAN SCIENCES**

Moscow
FSBEI HE MSLU
2019

9

Issue 825

Печатается по решению Ученого совета
Московского государственного лингвистического университета

Главный редактор
доктор филологических наук, профессор **Г. Г. Бондарчук**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Алиева Н. М., д-р филол. наук, проф. (Азербайджан)
Воронина Г. Б., канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)
Гаспарян Г. Р., д-р филол. наук, проф. (Армения)
Голубина К. В., канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)
Гомес М. К., проф. лингвистики (Кадис, Испания)
Дудик Н. А., канд. филол. наук (МГЛУ)
Имомзода М. С., д-р филол. наук, проф. (Таджикистан)
Ирисханова К. М., канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)
Ирисханова О. К., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Краева И. А., канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)
Красноженова Г. Ф., д-р социол. наук, проф. (МГЛУ)

Кунанбаева С. С., д-р филол. наук, проф. (Казахстан)
Медведева Т. В., канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)
Моисеенко Л. В., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Мусаев А. И., д-р филол. наук, проф. (Кыргызстан)
Ноздрина Л. А., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Писанова Т. В., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Радченко О. А., д-р филол. наук, проф. (Россия)
Русецкая М. Н., д-р пед. наук, проф. (Россия)
Сорокина Т. С., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Убин И. И., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Бондарев А. П., д-р филол. наук, проф.
Василюк И., канд. филол. наук
Воробьев В. В., д-р филол. наук, проф.
Ганин В. Н., д-р филол. наук, проф.
Голубкова Е. Е., д-р филол. наук, проф.
Гусейнова И. А., д-р филол. наук, доц.
Евдокимов А. Ю., академик РАН, д-р техн.
наук, канд. культурологии, доц.
Евтушенко О. В., д-р филол. наук, доц.
Жаринов Е. В., д-р филол. наук, доц.
Жданова Л. М., канд. филол. наук, доц.
Захари Захариев, д-р филол. наук, проф.
Карневская Е. Б., канд. филол. наук, проф.
Косиченко Е. Ф., д-р филол. наук, доц.
Кузнецов В. Г., д-р филол. наук, проф.
Малыгина И. В., д-р филос. наук, проф.
Осьминина Е. А., д-р филол. наук, проф.
Полетаева М. А., канд. культурологии, доц.
Порохницкая Л. В., д-р филол. наук

Потапова Р. К., д-р филол. наук, проф.
Семина И. А., д-р филол. наук, доц.
Силантьев Р. А., д-р истор. наук, доц.
Собакин А. Н., д-р филол. наук, доц.
Сомова Е. В., д-р филол. наук, проф.
Сухарев Ю. А., д-р филос. наук, проф.
Тёмкин В. А., канд. истор. наук, доц.
Толкачев С. П., д-р филол. наук, проф.
Травников С. Н., д-р филол. наук, проф.
Трыков В. П., д-р филол. наук, проф.
Уралова Л. А., канд. филол. наук, доц.
Фадеева Г. М., канд. филол. наук, доц.
Харитончик З. А., д-р филол. наук, проф.
Хитина М. В., д-р филол. наук, доц.
Цветаева Е. Н., канд. филол. наук, доц.
Ченки А. Дж., д-р наук по славянским языкам
Чернозёмова Е. Н., д-р филол. наук, проф.
Янулевичене В., д-р гуманитарных наук, проф.

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Бакаев И. В.

Роль военной и анималистической метафоры
в концептуальной системе романа Робера Мерля
«Разумное животное» («Un animal doué de raison») 11

Бойкова С. Е.

Особенности франкоязычного дискурса русско-французских
детей-билингвов 20

Борисов О. В.

Лексико-семантические свойства модальных глаголов
в составе двойного инфинитивного сказуемого 34

Бубнова Г. И.

Артикуляционная база русского и французского языков:
динамический аспект 47

Гуревич Д. Л.

Проблема интерпретации переходности в испанских
и португальских грамматиках 57

Коголова Е. А.

Специфика социальных медиа: фонетический аспект 71

Комарова Е. А.

Особенности авторского стиля Ж.-К. Гюисманса
в художественном переводе 82

Мурадова Л. А.

Антропонимы в заглавиях русскоязычных художественных
произведений и особенности их передачи на французский язык 94

Петрова С. А.

Транскультурный подход к прочтению художественного дискурса,
сочетающего в себе два лингвокультурных кода
(на материале франкоязычного художественного дискурса
антилльского писателя Патрика Шамуазо) 105

<i>Разумова Л. В.</i>	
Проблема выработки единой наддиалектной языковой формы на территории Бельгии в XII–XIV вв.	114
<i>Сдобнова Ю. Н., Манухина А. О.</i>	
«Доблесть» как основа военной культуры Франции: от крестоносного рыцарства до современного французского иностранного легиона ВС (на материале анализа понятий «valeur», «honneur» и «fidélité» в диахроническом аспекте)	125
<i>Цыбова И. А.</i>	
О парадигматических отношениях в лексической системе французского языка	136
<i>Школьникова О. Ю.</i>	
«Homo piger et Homo otiosus»: понятие бездействия и его лексическая репрезентация в русском и итальянском языках (на материале перевода романа И. А. Гончарова «Обломов»)	148
<i>Шпетный К. И.</i>	
Гомилетический и политический дискурсы в диахронии: Джироламо Савонарола и Дональд Трамп	167
<i>Шумакова А. Н.</i>	
Англицизмы в статьях о гастрономии (на материале современной французской прессы)	184
<i>Порохницкая Л. В., Теплякова С. М.</i>	
Реализация метонимических концептов в семантической структуре эвфемизмов (сопоставительный ракурс)	196

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

<i>Жолудева Л. И.</i>	
Комедии Ф. де Форнариса и А. Кальмо: ранние образцы italiano regionale?	203
<i>Эйснер С. Н.</i>	
Поиски идентичности в романах Ромена Гари «Обещание на рассвете» и «Жизнь впереди»	215

Шевлякова Д. А.

«Италия во Франции»: проектный метод
на уроках итальянского языка 226

Назаренко А. И.

Защита миноритарных языков в Трентино – Альто-Адидже и Венето:
плюсы и минусы 236

CONTENTS

LINGUISTICS

<i>Bakaev I. V.</i> Role of Military and Animalistic Metaphor in the Conceptual System of the Novel “The Day of the Dolphin” by Robert Merle	11
<i>Boykova S. E.</i> Features of French Discourse of Russian-French Bilingual Children	20
<i>Borisov O. V.</i> Lexico-Semantic Features of Modal Verbs in the Double Infinitive Predicate	35
<i>Bubnova G. I.</i> Articulation Basis of Russian and French: the Dynamic Aspect	47
<i>Gurevich D. L.</i> Interpretation of Transitivity in Spanish and Portuguese Grammars	57
<i>Kogalova E. A.</i> Specifics of Social Media: the Phonetic Aspect	71
<i>Komarova E. A.</i> J.-K. Huysmans’ Writing Style in Literary Translation	82
<i>Muradova L. A.</i> Anthroponyms in the Titles of Russian Literature and Their Translation into French	94
<i>Petrova S. A.</i> Transcultural Approach to Literary Discourse Including Two Cultural Codes (based on the works by Patrick Chamoiseau)	105
<i>Razumova L. V.</i> The Problem of Developing a Unified Language Form in Belgium in the 12th–14th Centuries	114

<i>Sdobnova Yu. N., Manuhina A. O.</i> The «Valor» as the Basis of the Military Culture of France: from Crusader Chivalry to the Modern French Foreign Legion (based on the analysis of the notions «valeur», «honneur» and «fidélité» in the diachronic aspect)	125
<i>Tsybova I. A.</i> On Paradigmatic Relations in the French Lexical System	136
<i>Shkolnikova O. Ju.</i> «Homo Piger et Homo Otiosus»: the Notion of Inactivity and Its Lexical Representation (based on Ivan Goncharov's novel «Oblomov» and its Italian version)	148
<i>Shpetny C. I.</i> Homiletic and Political Discourse in Diachrony: Girolamo Savonarola and Donald Trump	167
<i>Shumakova A. N.</i> On the Use of Anglicisms in Articles about Gastronomy (based on the present-day French periodicals)	184
<i>Porokhnitskaya L. V., Teplyakova S. M.</i> Actualisation of Metonymic Concepts in the Semantic Structure of Euphemisms (comparative analysis)	196

LITERARY STUDIES

<i>Zholudeva L. I.</i> Comedies by F. De Fornaris and A. Calmo: Early Evidence of Italiano Regionale?	203
<i>Eysner S. N.</i> The Search for Identity in the Novels "Promise at Dawn" and "The Life before Us" by Romain Gary	215

CULTUROLOGY

<i>Shevlyakova D. A.</i> "Italy in France": Project Method at the Lessons of Italian	226
<i>Nazarenko A. I.</i> Protection of the Minority Languages in Trentino – Alto Adige and Veneto: Benefits and Costs	236

УДК 811.133.1

И. В. Бакаев

аспирант кафедры лексикологии и стилистики французского языка
факультета французского языка Московского государственного лингвистического
университета; e-mail: ivbakaev@rambler.ru

РОЛЬ ВОЕННОЙ И АНИМАЛИСТИЧЕСКОЙ МЕТАФОРЫ В КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ СИСТЕМЕ РОМАНА РОБЕРА МЕРЛЯ «РАЗУМНОЕ ЖИВОТНОЕ» («Un animal doué de raison»)

В статье приводится анализ военных и анималистических метафор и их роли в концептуальной системе романа Робера Мерля «Разумное животное». Согласно представлениям когнитивной лингвистики метафора является ментальной операцией, основанной на взаимодействии двух областей человеческого знания. Метафоры, использованные в тексте, являются частью концептуальной системы, в которой каждая метафора дополняет и уточняет другие, позволяет раскрыть авторскую картину мира. В работе рассматривается, как с помощью сближения различных концептов в рамках концептуальных метафор автору удастся создать картину мира, отличную от существующей у читателей, с целью воздействия на них с определенной задачей.

Ключевые слова: концепт; концептуальная метафора; военная метафора; анималистическая метафора.

I. V. Bakaev

Postgraduate, Department of Lexicology and Stylistics of the French Language,
Faculty of the French Language, Moscow State Linguistic University;
e-mail: ivbakaev@rambler.ru

ROLE OF MILITARY AND ANIMALISTIC METAPHOR IN THE CONCEPTUAL SYSTEM OF THE NOVEL “THE DAY OF THE DOLPHIN” BY ROBERT MERLE

The research is devoted to the analysis of the role of military and animalistic metaphors in the conceptual system of Robert Merle's novel “The Day of the Dolphin”. According to the cognitive science, metaphor is a mental operation based on the interaction between two spheres of human knowledge. Metaphors used in a text

make part of a system in which each metaphor completes and specifies the other metaphors, makes it possible to reveal the author's worldview. The analysis shows how the integration of different concepts through conceptual metaphors allows the author to create a worldview different from the existing worldview of other readers in order to make an impact on them for a specific reason.

Key words: concept; conceptual metaphor; military metaphor; animalistic metaphor.

Введение

Тексты, относящиеся к художественному стилю, характеризуются наличием большого количества различных изобразительно-выразительных языковых средств. Они позволяют автору художественного текста не только доставить эстетическое удовольствие читателю, но и воздействовать на его восприятие описываемых событий. Считается, что эта задача художественных текстов обуславливает их образность, широкое использование в них не прямых номинаций и имплицитных средств для выражения оценки и мнения [Богданова 2016, с. 134]. Кроме того, художественный текст представляет собой реализацию индивидуальной картины мира автора, созданной с использованием вышеупомянутых языковых средств. Метафора считается одним из наиболее релевантных языковых художественных средств и может рассматриваться одновременно как элемент авторской картины мира и механизм воздействия на читателя.

Следует различать понимание метафоры в узком и широком смысле. В узком значении метафора представляет собой сравнение, усеченное до одного элемента. В широком смысле – это любое употребление слова или выражения в переносном значении, в основе которого может быть сходство между двумя предметами или явлениями по различным признакам [Нагорный, Чересюк 2018, с. 357]. В нашем исследовании метафора будет рассматриваться в широком смысле.

Когнитивная лингвистика определяет метафору как ментальную операцию, способ познания, категоризации, концептуализации, оценки и объяснения мира. Основу метафоризации составляет взаимодействие двух областей человеческого знания – сферы-источника и сферы-мишени [Лакофф, Джонсон 2004, с. 9], отсюда проистекает двойственная природа метафоры. Когнитивная метафора является элементом концептуальной системы. Концепт – это когнитивная

структура, представляющая собой совокупность знаний об определенном предмете или явлении [Шевченко 2005, с. 83]. Метафора является механизмом взаимодействия концептов и тесно связана с понятием «авторская картина мира». Авторская картина мира представляет собой определенный набор концептов, принадлежащих концептуальной картине мира автора текста. Смысл метафоры полностью раскрывается лишь в широком контексте метафор, используемых автором в тексте. Метафора целостно интегрирована в структуру текста и может формировать определенную систему, в которой каждая метафора дополняет и уточняет другие.

Метафора и концептуальная система образуют нерасторжимое единство, поскольку, с одной стороны, анализ концептуальной метафоры невозможен в отрыве от концептуальной системы авторского текста, а с другой – анализ самой системы может быть проведен посредством метафорических выражений [Шевченко 2005, с. 80].

Следует отметить и большой прагматический потенциал метафоры – ее способность вызывать ту или иную реакцию у адресата. Метафора, обладающая высокой степенью оценочности и экспрессии, позволяет передать не только основное содержание, но и более тонкие смыслы, характеризующие отношение автора к содержанию. Метафора также может становиться мощным средством преобразования уже существующей в сознании читателя картины мира.

Особенности военной метафоры в романе

В исследовании мы проанализировали военные метафоры, использованные французским писателем Робером Мерлем в романе «Разумное животное». Основная сюжетная линия романа – обучение дельфинов человеческому языку. Группа американских ученых-кетологов добивается больших успехов в данной области – им удастся обучить самца и самку дельфина читать и разговаривать на английском языке. Это, на первый взгляд, совершенно мирное достижение науки сразу же заинтересовывает военные ведомства США, которые рассматривают дельфинов как новый наделенный разумом вид подводного оружия. Подобные когнитивные метафоры («дельфины – это оружие», «дельфины – это солдаты») часто встречаются в тексте. Однако, прежде чем перейти к анализу данного типа метафор, хотелось бы привести слова, которыми был охарактеризован

один из главных героев романа – профессор Севилла, руководитель группы кетологов:

Ce qui intéresse Sevilla, c'est d'établir une communication entre espèces. Il estime que ce serait là **une grande conquête** pour l'humanité [Merle 1967, с. 81].

Здесь автор раскрывает своего рода антитезу романа – противоположное отношение к дельфинам: с одной стороны, позиция профессора Севиллы, который видит свое открытие в исключительно мирном свете, и позиция военнослужащих, которые стремятся найти военное применение открытию. Данное противоречие возникает в результате того, что дельфины в картине мире обычного человека представляются как общительные, неагрессивные животные. Известны случаи, когда дельфины спасали тонущих людей, подталкивая их к берегу. Существует особый метод психотерапии – «дельфинотерапия», основанный на общении человека и дельфина, используемый для лечения различных заболеваний. Мысль о том, что дельфины могут быть использованы для нанесения вреда человеку, идет вразрез с бытующими представлениями о данных животных. Автор приводит в тексте следующее замечание:

Mais de mémoire d'homme il (dauphin) n'a jamais **tourné ses armes** contre notre espèce [Merle 1967, с. 26].

В данном случае оружие – это мощные челюсти и зубы дельфинов, которыми они ловят добычу и которые используют в качестве средств защиты.

Подобный конфликт представлений становится возможен благодаря использованию когнитивной метафоры, именно она позволяет объединить концепты «дельфин» и «война». Подобные когнитивные метафоры противоречат общепринятому мнению о дельфинах как миролюбивых животных. К таким метафорам в романе прибегают представители военных структур:

Je vais vous dire notre doctrine : le dauphin est à la fois **un sous-marin non décelable et une torpille intelligente** [Merle 1967, с. 80].

Il (dauphin) file **comme une flèche**, dit C [Merle 1967, с. 67].

Le dauphin resta une demi-seconde immobile, puis il donna un prodigieux coup de queue, et démarra comme s'il avait été **lancé par une catapulte** [Merle 1967, с. 67].

Nous pourrions alors prélever sur ce nombre une vingtaine de **dauphins kamikazés** [Merle 1967, с. 80].

Сами ученые:

Après quoi, on lui met un harnais, et ce harnais, Suzy, **c'est le sac à dos du soldat** [Merle 1967, с. 203].

Fa cessa de nager autour de son demi-bassin, respira, s'immobilisa et de nouveau **se lança comme un boulet** contre la porte [Merle 1967, с. 215].

...(dauphins) **filant comme des flèches**, propulsés par les mouvements souples et puissants de leur caudale...**une arme terrible** sous la gaine de leur peau élastique... [Merle 1967, с. 499].

И представители общественности:

Si les dauphins devaient devenir pour la Marine U.S. de précieux auxiliaires, encore fallait-il prendre sans tarder toutes les dispositions utiles pour **assurer leur recrutement** [Merle 1967, с. 285].

...les (dauphins) autoriser à faire, de temps à autre, **des séjours en mer libre, comparable aux permissions de détente des soldats** [Merle 1967, с. 280] – в данном случае речь идет о наделинии дельфинов способностями, которыми обладают солдаты.

...recevront des États-Unis **ce bouclier de dauphins** sans lequel une flotte de guerre, à l'heure actuelle, n'a plus qu'à retourner à la ferraille [Merle 1967, с. 290].

В последнем примере дельфины становятся «родом войск» и обозначаются метафорой «щит из дельфинов».

Следует отметить, что в вышеперечисленных примерах метафора воздействует на читателя по схеме «персонаж – читатель», что является эффективным средством экспрессивности текста.

Автор укрепляет противоречие между концептами «мирных дельфинов» и «войны», сравнивая открытие речи у дельфинов одновременно с первым испытанием термоядерной бомбы и первым полетом человека в космос:

...une journée aussi mémorable dans l'histoire des États-Unis et de la planète que celles qui virent *l'explosion de la première bombe A expérimentale à Alamogordo et le premier vol humain dans l'espace* [Merle 1967, с. 250].

Следует отметить, что с помощью когнитивных метафор автор также отражает и агрессивную сторону дельфинов, которая может проявлять себя во время брачных игр и конфликтов:

«Mais dans la parade, *la danse de mort devient ludique... C'est une charge. Une charge meurtrière* qui se termine en caresse» [Merle 1967, с. 144] – *данные метафоры описывают брачные игры дельфинов.*

Cette bataille de dames a été interrompue par Jim [Merle 1967, с. 445] – *в данном случае метафора «битва дам» использована по отношению к стычке, которая произошла между двумя самками дельфина.*

Немаловажную роль в романе играют описания взаимоотношений между персонажами, диалоги. Автор стремится провести определенную параллель между взаимоотношениями дельфинов, их отношением к людям, и взаимоотношениями людей, их отношением к себе подобным. В своей речи персонажи нередко прибегают к использованию военных метафор для описания взаимоотношений:

...nous allons *être rivales et nous baigner dans le sang* [Merle 1967, с. 103] – *данная метафора представляет отношения двух женщин, влюбленных в одного мужчину.*

...*il m'aurait égorgée*, quelque chose qui ressemblait à un sentiment d'acquiescement remua quelque part en elle... [Merle 1967, с. 104] – *данная метафора была использована по отношению к диалогу между возлюбленными.*

...Marian lui avait volé ses fils, elle *avait distillé en eux le venin* dont elle regorgeait... [Merle 1967, с. 164] – *«ядом» здесь обозначено негативное отношение к отцу, которое бывшая жена привила детям.*

Et ça vous gêne, de jouer avec sa vie ? dit tout d'un coup Lisbeth *avec tant de venin dans la voix* que Sevilla tressaillit [Merle 1967, с. 214].

...elle avait l'impression d'être séparée d'elle par *d'énormes remparts* derrière lesquels Arlette vivait avec son sourire, ses yeux, son joli corps dans le monde grossier des hommes... [Merle 1967, с. 193].

...elle se ramassait sur elle-même *comme une forteresse*, il fallait deux fois plus de temps à un argument raisonnable pour *percer ses défenses* [Merle 1967, с. 310].

Особенности анималистической метфоры и метафор «война – сфера-мишень» в романе

Следует отметить, что в романе наличествует большое количество анималистических метафор, используемых для обозначения людей. Данные метафоры в совокупности с военными метафорами формируют образ человека как «агрессивного животного» и позволяют автору провести параллель между «человечностью» дельфинов и «звериной сущностью» людей, стоящих на грани третьей мировой войны:

...elles se regardèrent, se sourirent d'un air réservé *et rentrèrent en même temps leurs griffes*... [Merle 1967, с. 192] – в данном случае речь идет о вербальном конфликте двух женщин.

...Sa merveilleuse gentillesse, *un minimum de griffes*... [Merle 1967, с. 432] – данная метафора была использована для описания характера женщины.

Il *charmerait un régiment de serpents à sonnettes* [Merle 1967, с. 85] – данной метафорой была описана способность одного из персонажей нравиться людям и находить с ними общий язык.

...il n'y a jamais une police secrète, il y en a toujours plusieurs, et même parfois, à l'intérieur de chaque police, il y a des *clans qui se combattent, les polices, c'est comme les serpents*, à force de se lover sur elles-mêmes, elles finissent par se mordre la queue [Merle 1967, с. 174] – в данном случае змеями были названы группировки, существующие внутри полицейских структур.

Представляют интерес когнитивные метафоры, в которых концепт *война* и связанные концепты становятся «сфера-мишенью»:

Il n'y a pas scandale, dit lentement Michael, si la guerre où nous comptons les utiliser *est une guerre juste* [Merle 1967, с. 203] – в данном примере один из героев поднимает вопрос о существовании определенной «справедливой войны», в которой использование дельфинов в качестве орудия не порицалось бы моралью.

Çа, dit Mike, *ça s'appelle le « réalisme politique »*, et c'est au nom de ce réalisme qu'Hitler a essayé de conquérir l'Europe...Ce que Hitler a essayé de faire *avec un vocabulaire cynique et des moyens limités*, nous sommes en train de l'accomplir au nom de la morale et avec des moyens énormes [Merle 1967, с. 204] – *данные метафоры обозначают политику, направленную на ведение войны.*

Une race de dieux tout-puissants attaquée dans son Olympe par une espèce inférieure n'aurait pas été plus surprise [Merle 1967, с. 366] – *в данном случае «расой богов» названы США, атакованные войсками Китая.*

Mais nous nous voyons contrains d'intervenir quand elle n'hésite pas à recourir à *l'arme de la terreur* pour servir ses desseins subversifs [Merle 1967, с. 375] – *в данном примере метафора обозначает оружие массового поражения.*

Pour déclarer la guerre à la Chine, qui a placé *cette bombe à retardement* sous mon fauteuil ? [Merle 1967, с. 398] – *в данном примере «бомбой замедленного действия» для президента США становится решение об объявлении войны Китаю.*

Заключение

Таким образом, мы видим, что военная и анималистическая метафора являются ключевыми элементами концептуальной системы проанализированного романа. Когнитивная метафора позволила сблизить такие концепты, как «человечность», «разумность», «война», «мир» посредством сравнения дельфина и человека и показать, что не всё, что делает человек, является действительно разумным, ведь именно благодаря действиям человека мир может оказаться на грани третьей мировой войны. В то же время спасение мира в романе зависит от дельфинов – разумных животных, которых сделал таковыми человек, обучив речи. Благодаря концептуальным метафорам «дельфины – это оружие», «дельфины – это солдаты» автор противопоставляет существующему в сознании читателя образу дельфина как дружелюбного существа, приносящего добро человеку, образ дельфина, обученного в военных целях. Военные метафоры, используемые для описания межличностных отношений, в совокупности с анималистическими метафорами формируют образ человека как «агрессивного животного». Данный образ в романе противопоставляется «человечному»

образу дельфинов. Когнитивные метафоры также способствуют передаче общей атмосферы напряженности в мире, находящемся на грани третьей мировой войны. Подобное использование концептуальной метафоры демонстрирует ее высокий прагматический потенциал, а именно – возможность влиять на картину мира читателей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Богданова Е. С.* Метафора в художественном тексте: функции, восприятие, интерпретация // Вестник Рязанского государственного университета им. С. А. Есенина. 2016. С. 134–145.
- Лаккофф Дж., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живем : пер. с англ. / под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. М. : Едиториал УРСС, 2004. 256 с.
- Нагорный И. А., Чересюк П. А.* Прагматические функции метафоры в тексте (на материале романа Л. Н. Толстого «Анна Каренина») // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сентябрь 2018. Т. 37, № 3. С. 355–368.
- Шевченко Л. Л.* Метафора как средство моделирования концептуальной системы автора : дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2005. 194 с.
- Merle R.* Un animal doué de raison. Éditions Gallimard, 1967. 505 p.

REFERENCES

- Bogdanova E. S.* Metafora v khudozhestvennom tekste: funktsii, vospriyatie, interpretatsiya // Vestnik Ryazanskogo gosudarstvennogo universiteta im. S. A. Esenina. 2016. S. 134–145.
- Lakoff Dzh., Dzhonson M.* Metafori, kotorymi my zhivem : per. s angl. / pod red. i s predisl. A. N. Baranova. M. : Editorial URSS, 2004. 256 s.
- Nagornyi I. A., Cheresyuk P. A.* Pragmaticcheskie funktsii metafori v tekste (na materiale romana L. N. Tolstogo «Anna Karenina») // Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Sentyabr' 2018. T. 37, № 3. S. 355–368.
- Shevchenko L. L.* Metafora kak sredstvo modelirovaniya kontseptual'noi sistemy avtora : dis. ... kand. filol. nauk. Barnaul, 2005. 194 s.
- Merle R.* Un animal doué de raison. Éditions Gallimard, 1967. 505 p.

УДК 81'246.2

С. Е. Бойкова

преподаватель кафедры медиалингвистики
факультета журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова,
аспирант кафедры французского языкознания
филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова;
e-mail: boyykova_stella@rambler.ru

ОСОБЕННОСТИ ФРАНКОЯЗЫЧНОГО ДИСКУРСА РУССКО-ФРАНЦУЗСКИХ ДЕТЕЙ-БИЛИНГВОВ

В статье анализируется франкоязычный дискурс детей-билингвов разных типов. Цель работы – выявить особенности, присущие франкоязычному дискурсу каждого билингвального типа на разных языковых уровнях. В качестве материала использован авторский корпус детской русско-французской билингвальной речи. Рассматриваются некоторые теоретические аспекты билингвизма, уточняется терминология в области билингвологии и онтогенеза. Рассматриваются различные типы билингвизма (естественные и искусственные). Приводятся особенности, характерные для каждого из типов дискурса (на уровне грамматики, лексики, синтаксиса).

Ключевые слова: билингвизм; детская речь; взрослая двуязычная речь; межязыковая интерференция; языковая компетенция.

S. E. Boykova

Lecturer, Department of media linguistics,
Faculty of journalism, MSU;
Post-graduate, Department of French linguistics,
Faculty of Philology, MSU;
e-mail: boyykova_stella@rambler.ru

FEATURES OF FRENCH DISCOURSE OF RUSSIAN-FRENCH BILINGUAL CHILDREN

The paper provides an analysis of the French discourse of different types of bilingual children. The purpose of the work is to identify features inherent in the French discourse of each bilingual type at different language levels. The author's corpus of children's Russian-French bilingual speech was used as the material. The article looks into some theoretical aspects of bilingualism, specifies terminology in the field of bilingualism and ontogenesis. Different types of bilingualism («natural» and «artificial») are considered. Features characteristic of each type of discourse (at the level of grammar, vocabulary, syntax) are given.

Key words: bilingualism; children's speech; adult bilingual speech; interlingual interference; linguistic competence.

Введение

Билингвизм – явление неоднородное. При попытке дать ему точную дефиницию возникают трудности. К настоящему моменту насчитывается несколько десятков определений билингвизма [Чиршева 2012, с. 45]. Почему так происходит? «Il y a autant de bilinguismes que de sujets bilingues» (существует столько разновидностей билингвизма, сколько и билингвов) [Tupula Kabola 2016, с. 33]. Языковое развитие каждого ребенка происходит по уникальному сценарию и зависит от многих **факторов**, таких как возраст знакомства с каждым из языков; окружение ребенка; статус языков; степень родства языков и др.¹

Паскаль МакКарти, вслед за Франсуа Грожаном, отмечает, что современное определение билингвизма базируется не на качестве владения двумя языками, но на их регулярном использовании в повседневной жизни². Типичное определение мы находим в работах по непосредственно детскому билингвизму: «Un enfant est qualifié de bilingue lorsqu’il est exposé à deux langues sur une base régulière» [Tupula Kabola 2016, с. 25].

В статье мы предлагаем обратить внимание на феномен детского русско-французского билингвизма. Мы рассмотрим и проанализируем франкоязычный дискурс детей-билингвов разных типов: *естественных* (включая их разновидности) и так называемых *искусственных*. **Цель работы** – выявить особенности, присущие франкоязычному дискурсу каждого билингвального типа на разных языковых уровнях (лексическом, грамматическом, синтаксическом). В качестве материала использован авторский корпус детской русско-французской билингвальной речи.

Речь русско-французских детей-билингвов: классификация и анализ особенностей

Прежде всего остановимся подробнее на классификации билингвизма. Этот вопрос имеет не только чрезвычайную теоретическую важность. Он имеет также непосредственное отношение

¹ Подробно ознакомиться с факторами, влияющими на усвоение языков ребенком, можно в [Grosjean 2012; Tupula Kabola 2016, с. 29–34].

² «Les chercheurs ont peu à peu changé leur définition de la personne bilingue ; elle n’est plus basée essentiellement sur l’aisance que cette personne possède dans ses langues, mais sur l’utilisation régulière de celles-ci dans la vie quotidienne» [McCarthy 2017, с. 119]

к организации лингвистического воспитания ребенка и – шире – к организации преподавания иностранных языков в школе и вузах. Для нашей работы классификация билингвизма и уточнение терминологии в этом отношении позволяет разбить испытуемых на группы и увидеть, в чем заключаются отличительные особенности, и есть ли общие тенденции.

Тип билингвизма может быть выявлен на основе различных параметров. Так, например, Hamers и Blanc выделяют пять таких параметров: *la relation entre langage et pensée; la compétence; l'âge d'acquisition; le rapports des satuts socioculturels; l'appartenance et l'identité culturelle* [Hamers et Blanc 1983]. Кроме вышперечисленных есть и другие параметры типологии билингвизма – *способ формирования двуязычия*. Некоторые из параметров классификации вызывают споры среди исследователей. Так, различие составного (*composé*), координативного (*coordonné*) и субординативного (*subordonné*) типов на основе взаимоотношения языка и мысли, впервые введенное еще в работах У. Вайнрайха [Протасова 2013, с. 27], ныне не представляется актуальным, поскольку не имеет под собой реальных оснований: «Après plusieurs années de recherche ... il a bien fallu admettre que cette dichotomie ne reposait sur aucune réalité psychologique» [Grosjean 2015, с. 150].

В работе мы будем опираться на следующие параметры для дифференциации билингвизма:

1. Возраст формирования билингвизма: *младенческий (0–1 год); детский (1 – 12 лет); подростковый (12–17 лет); взрослый*.
2. Языковая компетенция (*сбалансированное двуязычие; доминантный билингвизм; полубилингвизм*).
3. Порядок введения языков в общение (*одновременное двуязычие; последовательное двуязычие*).
4. Способ формирования (*естественный и искусственный билингвизм*).

На наш взгляд, последний параметр требует отдельного пояснения. Определение терминов *естественный* и *искусственный* билингвизм достаточно спорно. Ранее естественному билингвизму противопоставлялся специально изученный¹. Однако в связи с появлением так называемого интенционального билингвизма, при котором один

¹См., например, работы Л. В. Щербы.

из родителей с рождения говорит с ребенком на неродном для себя языке, данная оппозиция утратила свою четкость. По мнению Г. Н. Чиршевой, дихотомия «естественный – искусственный» является особенностью всех способов формирования детского двуязычия: при *одновременном* усвоении возможен только естественный способ, а при *специальном* обучении – только искусственный [Чиршева 2012, с. 60]. Во многих случаях это действительно так. Однако является ли интенциональный (искусственный) билингвизм естественным? Barbara Abdelilah-Bauer предостерегает о проблемах, связанных с таким методом передачи языка ребенку. Она говорит о том, что прежде чем ставить себе цель говорить с ребенком на выученном языке, родители должны быть уверены, что смогут создать и поддерживать в дальнейшем эмоциональную связь со своим ребенком: «Avant de se lancer dans une telle aventure, le parent doit être certain de pouvoir créer et maintenir une relation affective avec son enfant sans que l'utilisation de la langue étrangère compromette les interactions émotionnelles» [Abdelilah – Bauer 2015, с. 181]. Исследование, проведенное в 2011 г. во Флориде, показало, что дети, осваивающие английский с родителями-носителями языка, имеют лучшую компетенцию в этом языке, нежели дети, родители которых говорили с ними на английском не будучи носителями языка [Place, Hoff 2011]. Другое исследование, проведенное группой ученых в 2009 г. среди испаноязычных матерей, говорящих на английском языке с детьми, показало еще более тревожные результаты [The effect of maternal language on bilingual children's vocabulary ... 2009]. Согласно его результатам, у детей не только не улучшился английский язык, но и замедлилось усвоение испанского языка.

Стоит отметить, что интенциональный билингвизм становится популярным также и в России. На наш взгляд, этот вид билингвизма заслуживает отдельного серьезного исследования.

А. А. Залевская предлагает следующее разграничение искусственного (учебного) и естественного двуязычия: «Эти два типа двуязычия различаются по условиям их формирования, по характеру задействованных при этом психических процессов и по конечным продуктам таких процессов» [Залевская 2011, с. 36]. Каждому из видов автор дает подробную сравнительную характеристику. Так, например, по условиям формирования к позитивным чертам естественного билингвизма А. А. Залевская относит наличие языковой среды, неограниченное

время общения, естественные ситуации общения, большую речевую практику в различных ситуациях. Среди минусов этого вида упоминаются отсутствие системы в освоении языковых явлений, отсутствие целенаправленного обучения и профессионального педагога, редкое и не всегда точное исправление ошибок. В то же время искусственный билингвизм, напротив, характеризуется отсутствием языковой среды, ограниченным временем и искусственными ситуациями общения, ограниченной речевой практикой. Зато этот вид имеет такие преимущества, как системная презентация языковых явлений, наличие целенаправленного обучения и профессионального педагога, возможностью работы над ошибками и применением методики. Также каждый из видов билингвизма имеет свои особенности когнитивных процессов, что приводит к формированию разных конечных продуктов [Залевская 2011, с. 36–38].

В целом, с таким пониманием естественного и искусственного билингвизма нельзя не согласиться, но некоторые пункты кажутся спорными. Прежде всего, думается, что о неограниченности времени общения на двух языках при естественном двуязычии можно говорить лишь условно. Все зависит от того, являются ли оба языка «домашними», сколько каждому из них уделяется внимания.

Кроме того, вопрос о формировании образа мира кажется нам неоднозначным. А. А. Залевская говорит о об образовании двух картин мира у естественных билингвов, осваивающих языки с детства. Однако нам кажется уместнее говорить об образовании некой третьей картины мира, создаваемой билингвом на основе постоянного анализа имеющихся.

Также среди когнитивных процессов А. А. Залевская указывает перевод с одного языка на другой как процесс, присущий исключительно искусственному билингвизму, а переключение кода характерный для естественного. Полагаем, однако, что как переключение кода, так и перевод могут встречаться у билингвов обоих видов. Если мы имеем дело с коммуникативной методикой преподавания иностранных языков, то там преподавание предполагается на изучаемом языке с минимальным применением перевода. В то же время билингвы не всегда только переключаются с одного языка на другой. Часто они также так или иначе испытывают влияние другого языка и вынуждены прибегать к переводу. Это проявляется, например, в многочисленных кальках, встречающихся в их речи.

Преимущество естественного билингвизма представляется очевидным. Очень важную роль играет спонтанная мотивация при овладении языком как средством общения и познания в детском возрасте [Залевская 2011, с. 36].

Е. Ю. Протасова пишет, что чем младше ребенок, тем больше у него шансов овладеть вторым языком в совершенстве, но только в том случае, если обучение организовано правильно, и вовремя принимаются превентивные меры для сохранения гармоничного языкового и личностного развития [Протасова 2013, с. 10].

Итак, в нашем исследовании принял участие 21 ребенок. Среди них можно выделить *искусственных* билингвов (два человека) и *естественных* (19 человек), среди которых 17 билингвов полностью естественных (14 с доминантным французским языком и три со сбалансированным двуязычием), и два ребенка с доминантным русским языком, являющиеся *промежуточным* типом (до пяти лет они изучали французский язык как искусственные билингвы, а затем пошли во французскую школу, и сейчас в их отношении можно говорить, скорее, как о естественном билингвизме).

Исследованию особенностей дискурса *естественных* билингвов были посвящены другие работы автора [Бойкова 2019; Бойкова 2016; Бойкова 2015]. В настоящей работе мы ограничимся кратким представлением ранее опубликованного материала.

Нами был собран и транскрибирован для последующего анализа корпус диалогов с детьми-билингвами, в возрасте от трех до 14 лет, носителей французского и русского языков. Речь детей была сгруппирована по возрасту и типу билингвизма.

По теме беседы можно разделить сбор материала с каждым участником на три этапа. На первом этапе дети рассказывали об учебе и хобби. На втором они могли составить рассказ по сюжетным картинкам или просто описать, что на них изображено (на французском или русском языках – по желанию). Затем детям предлагалось рассказать другую историю на втором языке. Третий этап эксперимента – фиксация спонтанной речи билингвов в ситуации естественного общения.

Были выявлены следующие особенности франкоязычного дискурса *естественных* билингвов: у детей с доминантным русским языком частотны затруднения с выбором рода имени существительного (в большинстве случаев, под влиянием русского языка):

A., 11,3,5: L'hérisson qui s'appelait Georges vit dans **un forêt profond** (cf: *une forêt profonde*), à la campagne.

Также не всегда верен выбор вспомогательного глагола в сложных временах:

C., 9,6,8: Et...il **a monté** (cf: *il est monté*) sur... sur cet arbre.

Артикль не всегда наличествует:

A., 11,3,5: On n'a pas seulement les nationalités **français-russe**, on a **anglais**, on a **italien**, on a **espagnol**, on a **marocain...** et une Américaine (cf.: *On n'a pas seulement les nationalités française-russes*, on a **des Anglais**, on a **des Italiens**, on a **des Espagnols**, on a **des Marocains...** et une Américaine).

Встречается калькирование словосочетаний из русского языка:

A., 11, 3,5: Il y avait un hérisson, qui a... qui **a été** très faim (cf: *...qui avait faim*).

Глагол «avoir» в устойчивом выражении «avoir faim» заменен на глагол *être* (*être faim), что является калькой русского выражения «быть голодным».

Дети с доминантным французским языком чаще всего допускали ошибки на род существительных:

Э., 11: Elle a habité au Qatar, **au Pologne** (ср.: *en Pologne*), mais pas en France.

Также дети до 7 лет испытывают трудности с использованием *subjonctif*:

E., 6,1: En fait il y a une feuille et sur cette feuille il y a des problèmes et il faut que tout le monde les **résout** (cf.: *il faut que tout le monde les résolve*).

Порядок слов также периодически нарушается в речи детей до шести – семи лет:

S., 6,4,15: Elle vole! On appuie sur un bouton, après **on met y la main** et elle va comme ça (показывает). (cf.: *on y met la main*).

К общим особенностям речи естественных билингвов, вне зависимости от доминантного языка, можно отнести следующие пункты:

- переключение кода в зависимости от целого ряда факторов (уровень языковой компетенции ребенка, языковая компетенция собеседника, тема разговора, присутствие других участников общения и их языковая компетенция).

- N., 5: Вот я читала книгу «Mon frère Paul est maladroit».
— Et il s'agit de quoi?
- N., 5,3: Paul est maladroit, *он пишет очень плохо*. Вообще я очень люблю читать. Вот вчера я читала историю про дядю, который сломал свой *rasoir*.
- I., 9,5: Мы ездили на дачу. И там было много всяких... ну... *activités*, мы играли, бегали...

Важно обратить внимание на то, что в речи детей-билингвов прослеживалось не только влияние сильного языка на слабый, но и обратное явление. Причем это влияние может проявляться на всех языковых уровнях. Так, например, в речи R. (доминантный французский язык) были замечены ошибки на род существительного под влиянием русского языка:

- R., 8,2,14: Bon... Ok... C'est Noël. Le petit garçon et la petite fille veulent décorer *une sapin* (cf.: *un sapin*).

Также для R. и его сестры С. характерно опущение артикля:

- D'accord. R., et toi, tu fais quelques activités ?
- R.: Oui, *piscine*. (cf.: *la piscine*)
- S., 6,4,15: Et il fait *football* (cf.: *Il fait du football*), mais maintenant il fait plus.

При этом отметим также, что случаи влияния слабого языка на доминантный были отмечены, в основном, у тех детей, которые осваивают языки одновременно с самого раннего возраста. У них нет устойчивой матрицы первого языка, поэтому взаимодействие языковых систем выражено более ярко. Мы можем предположить, что эти дети проходят стадию активного развития слабого языка, результатом которого может стать переход доминантного билингвизма в сбалансированный.

Корпус речи *искусственных* билингвов собирался несколько иначе. В группу *искусственных* билингвов вошли две девочки: Катя

(четыре года) и Лида (девять лет)¹. Наблюдения за девочками велись в течение нескольких месяцев: трех (Катя) и пяти (Лида).

Остановимся подробнее на характеристике искусственных билингов. Катя из русскоязычной семьи. Дома все говорят по-русски, няня русскоязычная. Ходит в английский детский сад. Занимается французским с одного года (приходит преподаватель – носитель языка). Часто и подолгу бывает с родителями во Франции.

Лида также из русскоязычной семьи. Учит французский язык с трех лет (два раза в неделю с носителями языка). Сначала на курсах, затем был перерыв в обучении (два месяца), сейчас занимается с репетитором раз в неделю. Во Франции была один раз.

Уровень языковой компетенции девочек различен, но всё же сопоставим. Катя владеет французским увереннее. На наш взгляд, перво-степенную роль играет то, что она имеет возможность периодически погружаться в страну изучаемого языка. Девочки относятся к разным возрастным группам, однако обе подходят под определение *детского* билингвизма (от 1 до 12 лет).

Самой частотной проблемой, отмеченной в речи обеих девочек, **на уровне грамматики** является выбор вспомогательного глагола в сложных временах:

К.: *J'ai allé* en voiture (cf.: je suis allée).

К.: *Une fois j'ai tombé* (cf. : je suis tombée) sur le dent.

Л.: *J'ai allé* à l'école. (cf. : je suis allée);

Л.: *Nous avons allé* (cf. : nous sommes allés) en vacances.

Примечательно, что ошибка эта допускается регулярно и в самых частотных глаголах (таких как *aller*, например). В нашем корпусе правильное употребление вспомогательного глагола встречается только в двух высказываниях у Лиды и в пяти у Кати. Незнанием правила это объяснить нельзя, поскольку обе девочки проходили образование сложного прошедшего времени *Passé composé*. На наш взгляд, такое количество ошибок на это правило объясняется, с одной стороны, неавтоматизированным навыком, а с другой – отсутствием так называемого языкового чутья, интуитивно правильного выбора грамматической формы, присущей носителям.

¹ Имена всех детей изменены из этических соображений.

Много трудностей вызывает также род имени существительного. Примечательно, что девочки используют разные языковые стратегии: Лида старается опускать артикль, если не уверена в роде имени существительного, а Катя чаще делает выбор под влиянием русского языка:

К.: C'est un bébé dort, c'est *un fenêtre*;

К.: *le dent* était très-très noir;

Л.: On a donné *sac*; Je ferai *devoir*.

Аналогичные тенденции отмечены в отношении числа существительных. Здесь также прослеживается интерференция русского языка:

Л.: A l'école on va faire *la mathématique* (cf.: *les mathématiques*).

К.: J'aime *tes pantalons* (cf. : *ton pantalon*).

Был отмечен также в речи Кати случай образования множественного числа существительного на *-al* путем прибавления окончания *-s* (генерализация правила):

К.: Parce qu'il y a *les animals...* (cf.: *les animaux*).

В речи Лиды была отмечена тенденция заменять *participe passé* в сложном прошедшем времени на инфинитив:

J'ai... *avoir* les cours de maths (cf.: *j'ai eu* les cours de maths).

Также отмечен нестандартный порядок слов.

Л.: *Je ne pas fais ça*. (cf.: *je ne fais pas ça*).

Мы предполагаем, что французское двухкомпонентное отрицание *ne... pas* воспринимается как русское *не*.

В речи Кати в отдельных случаях встречается также использование инфинитива вместо других глагольных форм: *Et moi apporter ça !*

Встречаются также другие отклонения от нормы, но поскольку они носят, скорее, нерегулярный характер, мы не можем пока говорить о них как о тенденции. В любом случае необходима проверка на более серьезном по объему материале.

В плане речевого поведения искусственных билингвов обращает на себя внимание то, что при нехватке словарного запаса или других речевых средств обе девочки не пытаются придумать, как это можно

сказать, не подключают речевую креативность, а либо переходят на русский язык, либо отмалчиваются. Речь девочек, скорее, фрагментарная, с большими паузами. Явно прослеживается нацеленность на правильность высказывания, а не на его смысл. В то же время *естественные* билингвы направлены на донесение содержания высказывания. Они не боятся экспериментировать с языком, придумывают новые слова, легко «вкрапляют» заимствования из одного языка в другой.

Приведем основные трудности, с которыми, на наш взгляд, сталкиваются искусственные билингвы:

- *Мотивация.* Жильбер Далгальян (Gilbert Dalgalian) в книге «Enfances plurilingues» подробно анализирует вопрос, почему мотивация первостепенна для изучения языков. Будучи сам билингвом, лингвист отмечает: «A tous les niveaux, une autre langue est une autre façon d'être» [Dalgalian 2000, с. 97]. Различия на всех языковых уровнях, а также особые социокультурные аспекты, заложенные в языке, делают изучение нового языка чрезвычайно сложным: «Oui, apprendre une langue, c'est bel et bien tourneboulé de partout: de l'ouïe, de la vue, de la bouche et du gosier, de la tête, du visage et des mains» [Dalgalian 2000, с. 99]. Наше исследование показало, что основным стимулом к успешному овладению языком является необходимость его использования. Дети, у которых нет такой необходимости, показывают очень скромные результаты даже при системном долговременном обучении и активной поддержке родителей (случай искусственных билингвов в нашей работе).

- *Поддержание языка.* Барбара Абделила-Бауэр отмечает, что язык, с легкостью усвоенный в раннем детстве, также легко может быть утрачен: «...une langue facilement acquise durant la petite enfance peut être perdue aussi facilement» [Abdelilah – Bauer 2015, с. 180]. Для поддержания языковой компетенции необходимы каждодневные усилия. В противном случае билингвизм превращается в несбыточную мечту.

- *Несбалансированность языкового инпута.* Искусственные билингвы окружены монолингвальной языковой средой (Я1), тогда как второй язык присутствует лишь эпизодически.

- *Ограниченность контакта с носителями языка.*

Заключение

Результаты показали, что французский язык детей-билингвов (как естественных, так и искусственных) претерпевает существенные

изменения на всех уровнях. И естественные, и искусственные билингвы допускают в речи ошибки разного рода. Однако искусственные билингвы делают ошибки, не характерные для естественных билингвов (такие как нарушение порядка слов, употребление инфинитива вместо *participe passé* и других глагольных форм, образование множественного числа существительных). Кроме того, искусственные билингвы часто прибегают к опущению артикля перед именем существительным, особенно, если не уверены в родовой принадлежности последнего. В речи естественных билингвов, особенно с доминантным русским языком, также встречаются проблемы с артиклем, однако намного реже. В целом, можно отметить, что искусственные билингвы стремятся максимально упростить язык, пытаясь, таким образом, минимизировать ошибки.

Кроме того, мы вынуждены отметить, что у искусственных билингвов изучаемый язык развивается намного медленнее и требует сознательных усилий со стороны ученика. Огромную роль играет мотивация овладения языком. Также нами были отмечены разные речевые стратегии у двух групп билингвов. Естественные билингвы, в отличие от искусственных, меньше обращают внимания на форму высказывания, концентрируясь на его содержании. В целом, естественные билингвы показали значительно лучшие результаты.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бойкова С. Е. Опыт анализа особенностей детской билингвальной речи в сопоставлении с взрослой билингвальной речью на примере русского и французского языков // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология, издательство. 2019. № 3. С. 54–70.
- Бойкова С. Е. Проблемы переключения кода в условиях русско-французской детской билингвальной речи // Русская словесность. М. : Школа пресса, 2016. № 5. С. 23–28.
- Бойкова С. Е. Некоторые особенности детского билингвального дискурса на материале корпуса речи русско-французских детей билингвов // Scripta manent. 2015. № 21. С. 13–21.
- Залевская А. А. Некоторые спорные вопросы теории двуязычия // Путь в язык: Одноязычие и многоязычие : сб. статей / отв. ред. С. Н. Цейтлин, М. Б. Елисеева. М. : Языки славянских культур, 2011. С. 33–47.
- Протасова Е. Ю., Родина Н. М. Многоязычие в детском возрасте. 3-е изд. СПб. : Златоуст, 2013. 276 с.

- Чиршева Г. Н.* Детский билингвизм: одновременное усвоение двух языков. СПб. : Златоуст, 2012. 488 с.
- Abdelilah – Bauer B.* Le défi des enfants bilingues: grandir et vivre en parlant plusieurs langues. Paris : La Découverte, 2015. 213 p.
- Dalgalian G.* Enfances plurilingues: Témoignage pour une éducation bilingue et plurilingue. Paris : L'Harmattan, 2000. 169 p.
- Grosjean F.* Parler plusieurs langues: Le monde des bilingues. Paris : Albin Michel, 2015. 229 p.
- Hamers J., Blanc M.*, Bilingualité et bilinguisme. Bruxelles : Mardaga, 1983. 498 p.
- McCarty, P.*, Comment repenser le Bilinguisme? // Wolf-Fédida M (sous la direction de) Bilinguisme et intelligence : don de soi – perte de soi. – MJW Fédition, Paris, 2017. P. 119–126.
- Place S., Hoff E.* Properties of dual language exposure that influence 2-year-olds' bilingual proficiency // Child development. 2011. Vol. 82. P. 1834–1849.
- The effect of maternal language on bilingual children's vocabulary and emergent literacy development during Head Start and kindergarten / C. S. Hammer, M. D. Davison, F. R. Lawrence, A. W. Miccio // Scientific Studies of Reading. 2009. Vol. 13. P. 99–121.
- Tupula Kabola A.* Le bilinguisme, un atout dans son jeu: pour une éducation bilingue réussie. Québec : Editions du CHU Sainte-Justine, 2016. 189 p.

REFERENCES

- Bojkova S. E.* Opyt analiza osobennostej detskoj bilingval'noj rechi v sopostavlenii s vzrosloj bilingval'noj rech'ju na primere russkogo i francuzskogo jazykov // Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 9: Filologija, izdatel'stvo. 2019. № 3. S. 54–70.
- Bojkova S. E.* Problemy perekljuchenija koda v uslovijah russko-francuzskoj detskoj bilingval'noj rechi // Russkaja slovesnost'. M. : Shkola pressa, 2016. № 5. S. 23–28.
- Bojkova S. E.* Nekotorye osobennosti detskogo bilingval'nogo diskursa na materiale korpusa rechi russko-francuzskih detej bilingvov // Scripta manent. 2015. № 21. S. 13–21.
- Zalevskaja A. A.* Nekotorye spornye voprosy teorii dvujazychija // Put' v jazyk: Odnोजazychie i mnogojazychie : sb. statej / otv. red. S. N. Cejtlin, M. B. Eliseeva. M. : Jazyki slavjanskikh kul'tur, 2011. S. 33–47.
- Protasova E. Ju., Rodina N. M.* Mnogojazychie v detskom vozraste. 3-e izd. SPb. : Zlatoust, 2013. 276 s.
- Chirsheva G. N.* Detskij bilingvizm: odnovremennoe usvoenie dvuh jazykov. SPb. : Zlatoust, 2012. 488 s.
- Abdelilah – Bauer B.* Le défi des enfants bilingues: grandir et vivre en parlant plusieurs langues. Paris : La Découverte, 2015. 213 p.

- Dalgalian G.* Enfances plurilingues: Témoignage pour une éducation bilingue et plurilingue. Paris : L'Harmattan, 2000. 169 p.
- Grosjean F.* Parler plusieurs langues: Le monde des bilingues. Paris : Albin Michel, 2015. 229 p.
- Hamers J., Blanc M.*, Bilinguisme et bilinguisme. Bruxelles : Mardaga, 1983. 498 p.
- McCarty, P.*, Comment repenser le Bilinguisme? // Wolf-Fédida M (sous la direction de) Bilinguisme et intelligence : don de soi – perte de soi. – MJW Fédition, Paris, 2017. P. 119–126.
- Place S., Hoff E.* Properties of dual language exposure that influence 2-year-olds' bilingual proficiency // *Child development*. 2011. Vol. 82. P. 1834–1849.
- The effect of maternal language on bilingual children's vocabulary and emergent literacy development during Head Start and kindergarten / C. S. Hammer, M. D. Davison, F. R. Lawrence, A. W. Miccio // *Scientific Studies of Reading*. 2009. Vol. 13. P. 99–121.
- Tupula Kabola A.* Le bilinguisme, un atout dans son jeu: pour une éducation bilingue réussie. Québec : Editions du CHU Sainte-Justine, 2016. 189 p.

УДК 811.133.1

О. В. Борисов

преподаватель кафедры английского языка
гуманитарных факультетов
факультета романо-германской филологии
Воронежского государственного университета;
e-mail: oleg140993@mail.ru

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ СВОЙСТВА МОДАЛЬНЫХ ГЛАГОЛОВ В СОСТАВЕ ДВОЙНОГО ИНФИНИТИВНОГО СКАЗУЕМОГО

В статье анализируются лексико-семантические свойства модальных глаголов, употребленных в позиции матричного сказуемого в составе двойного сказуемого в комплексе с инфинитивом, выступающим в функции второго инфинитивного сказуемого (*Je dois partir*). Исследование позволило обнаружить дополнительные значения модальных глаголов, обусловленные влиянием конструкции двойного сказуемого и контекстом.

Ключевые слова: семантико-функциональный подход; двойное сказуемое; второе сказуемое; второе инфинитивное сказуемое; матричное сказуемое.

O. V. Borisov

Lecturer, Department of English for Humanitarian Faculties,
Faculty of Romance and Germanic Philology,
Voronezh State University; e-mail: oleg140993@mail.ru

LEXICO-SEMANTIC FEATURES OF MODAL VERBS IN THE DOUBLE INFINITIVE PREDICATE

The article is devoted to the analysis of lexico-semantic features of modal verbs used in the function of a matrix predicate as a part of a double predicate in conjunction with an infinitive in the function of a second infinitive predicate (*Je dois partir*). The study reveals additional meanings of modal verbs due to the influence of the construction of the double predicate and the context.

Key words: semantic-functional approach; double predicate; second predicate; second infinitive predicate; matrix predicate.

Введение

Существует большое количество исследований, посвященных изучению семантических свойств модальных глаголов, тем не менее вопрос о семантических значениях модальных глаголов остается

дискуссионным, так как, в зависимости от подхода, исследователи выделяют различные оттенки значения модальных глаголов.

Целью настоящего исследования является анализ лексико-семантических свойств модальных глаголов, употребленных в синтаксической функции матричного сказуемого в составе двойного сказуемого, состоящего из матричного сказуемого, выраженного модальным глаголом, и второго сказуемого, выраженного инфинитивом, в предложениях типа *Je dois partir*.

Исходя из поставленной цели, мы выделяем следующие задачи исследования: определить синтаксическую функцию сказуемого блока *dois partir*, в рамках которого функционирует модальный глагол; рассмотреть лексико-семантические свойства модальных глаголов, отмеченные в научной литературе; рассмотреть, какие лексико-семантические свойства модальных глаголов реализуются в синтаксической функции матричного сказуемого, коррелирующего со вторым инфинитивным сказуемым.

Теоретической базой нашей работы послужили исследования, проведенные в рамках семантико-функционального подхода, разработанного А. М. Ломовым [Ломов 1994] в русле семантического синтаксиса для описания и классификации типов простого двусоставного предложения на материале русского языка. В рамках подхода исследователь предлагает идею двойного сказуемого. По мнению А. М. Ломова, двойное сказуемое представляет собой особый вид сказуемого, носящего двучастный характер. Оно состоит из первого (матричного) сказуемого и второго сказуемого, ориентированных на одно и то же подлежащее. Исследователь определяет второе сказуемое как явление, пониженное в ранге по сравнению с матричным сказуемым [Ломов 2004, с. 61].

Второе сказуемое характеризуется двойственной связью, т. е. соотносится с подлежащим основного предложения, с одной стороны, и с матричным сказуемым – с другой. Исследователь отмечает, что матричное сказуемое, в зависимости от его лексического наполнения, может разрешать или не разрешать употребление второго сказуемого [там же].

Идеи А. М. Ломова были успешно реализованы на материале французского языка Е. А. Алексеевой, разработавшей семантико-функциональную классификацию французского предложения и классификацию иерархически организованной системы сказуемого

[Алексеева 2015, с. 329–335; Алексеева 2014, с. 49–54; Алексеева 2011, с. 42–50; Алексеева 2017]. Идеи А. М. Ломова также получили свое развитие применительно к французскому языку в работах Я. А. Ковалевской [Ковалевская 2010, с. 199–203; Ковалевская 2010, с. 50–55], С. Л. Лукиной [Лукина 2004, с. 136–148], А. В. Щербаковой [Щербакова 2018, с. 137–145; Щербакова 2015, с. 205–208; Щербакова 2010, с. 100–108].

Е. А. Алексеева в рамках своей классификации выделяет следующие типы второго сказуемого: второе процессное сказуемое, второе признаковое сказуемое; второе предметное сказуемое [Алексеева 2017].

Для целей нашей статьи релевантно второе процессное сказуемое, которое подразделяется на второе деепричастное сказуемое, второе причастное сказуемое и второе инфинитивное сказуемое [там же].

В рамках исследования нас интересует второе инфинитивное сказуемое: *Je dois partir*, где модальный глагол занимает позицию основного (матричного) сказуемого, а инфинитив является вторым инфинитивным сказуемым. Нами были выделены следующие модели второго инфинитивного сказуемого во французском языке [Борисов 2018, с. 32–35]:

1. Второе инфинитивное беспредложное сказуемое:

- 1) V1 (полнозначный глагол) + Vinf;
- 2) V1 (модальный глагол) + Vinf;
- 3) V1 + Vinf (être) + Adj;
- 4) V1 + Vinf (être) + Nom;
- 5) V1 + Vinf (être) + participe passé;
- 6) V1 + Vinf (avoir) + participe passé;

2. Второе инфинитивное предложное сказуемое:

- 1) V1 + de + Vinf;
- 2) V1 + à + Vinf;
- 3) V1 + à + Vinf (être) + participe passé;
- 4) V1 + pour + Vinf;
- 5) V1 + de + Vinf (être) + nom;
- 6) V1 + participe passé + à + Vinf;
- 7) V1 (être) + adj + à + Vinf;
- 8) V1 + par + Vinf.

Лексико-семантические значения модальных глаголов, реализуемые в бипредикативном комплексе со вторым инфинитивным сказуемым

Для изучения значений модальных глаголов в синтаксической функции матричного сказуемого, построенного по модели Vm+Vinf: *Je dois partir*, рассмотрим основные подходы к определению таких понятий, как «модальность» и «модальный глагол».

Проблема модальности вызывает интерес большого количества зарубежных и отечественных исследователей. Существует целый ряд трактовок этого понятия, которые можно разделить на два подхода. Большая часть исследователей [Ахманова 1966, с. 228; Ярцева 1998, с. 303; Матвеева 2010, с. 214; Гак 2004, с. 641] рассматривает модальность в качестве категории, отражающей субъективное отношение говорящего к сообщаемой информации. Отношение может выражаться посредством различных грамматических, а также лексических средств, среди которых выделяют формы наклонения, модальные глаголы, интонацию, модальные слова и частицы и т. д. [Ахманова 1966, с. 228; Гак 2004, с. 646].

Другие исследователи определяют модальность как сумму элементов, которые отражают тот или иной тип отношения говорящего к содержанию своего высказывания [Riegel 2004, с. 579].

Что касается модальных глаголов, то, с точки зрения И. П. Жарниковой, их функция заключается в демонстрации отношения говорящего к действию. С помощью таких глаголов говорящий может оценивать какое-либо действие в качестве возможного, невозможного, вероятного или желательного [Жарникова 2006, с. 4].

Вопрос о количестве модальных глаголов и их значении также является дискуссионным. Проанализировав подходы зарубежных и отечественных исследователей, мы обнаружили, что количество глаголов, которые исследователи относят к модальным, варьируется от 2 до 4.

М. Рижель выделяет два базовых модальных глагола: *pouvoir* и *devoir* [Riegel 2004, с. 254]. Р. Е. Батчелор [Batchelor 2011, с. 339] и Е. Е. Корди [Корди 1988, с. 28–49] в качестве модальных выделяют три глагола: *pouvoir*, *devoir* и *vouloir*. Ряд других исследователей в качестве модальных выделяют четыре глагола. В. Г. Гак [Гак 2004, с. 643] и Б. Поттье [Pottier 1976, с. 40–41] в качестве модальных рассматривают

глаголы *pouvoir*, *savoir*, *devoir* и *vouloir*. Р. Хокинс к модальным причисляет глаголы *devoir*, *pouvoir*, *savoir* и *falloir* [Hawkins 2001, с. 259].

Мы, вслед за Е. Е. Корди и Р. Е. Батчелор, признаем модальными три глагола: *devoir*, *pouvoir*, *vouloir*. Далее, опираясь на анализ точек зрения исследователей о значениях модальных глаголов, проведем анализ семантического потенциала модальных глаголов, употребленных в изучаемой позиции. Для анализа было использовано 356 примеров употребления модальных глаголов в синтаксической функции матричного сказуемого в составе двойного инфинитивного сказуемого, извлеченных из французской прессы.

Глагол ***pouvoir***, согласно исследователям, может иметь следующие значения:

- 1) способность (интеллектуальная или физическая) [Riegel 2004, с. 254]: *Elle peut chanter* [там же];
- 2) позволение (запрет) выполнения действия [Hawkins 2001, с. 259–260]: *Il pourra m'en parler quand il voudra. – Non, tu ne peux pas aller chez ce garçon* [там же];
- 3) возможность (прогноз), основанная на внешних обстоятельствах [Корди 1988, с. 32–33]: *De toute façon cette situation ne peut plus durer. Votre père supporte mal la colonie* (Bazin);
- 4) выражение вежливости [Hawkins 2001, с. 260–261]: *Puis-je vous demander de m'aider* [там же].

Для глагола ***vouloir*** Е. Е. Корди выделяет три основных значения [Корди 1998, с. 86–87]:

- 1) намерение, признаками которого являются воля и целенаправленность: *Attends! dit Françoise, Madou veut te parler* (Troyat);
- 2) желание, которое характеризуется наличием эмоционального компонента, а также градуированностью степени желания, которая выражается посредством соответствующих наречий (*bien*, *tant*, *à toute force*): *Nous, dans le vestibule, on en a jusque-là. On voudrait bien rentrer* (Bazin);
- 3) попытка (намерение переходит в действие): *Une camionnette... stationnait devant la porte fermée, et Maudet s'approchait en décrivant un arc de cercle comme s'il eût voulu prudemment inspecter les adords* (Simenon).

Из всех трех модальных глаголов глагол *devoir* является наиболее полисемичным. Так, один из исследователей в своей работе,

посвященной анализу значений глагола *devoir*, приводит 37 нюансов употребления этого глагола [Kronning 1996, с. 16–19].

Приведем некоторые наиболее часто встречающиеся значения глагола *devoir*, выделяемые различными исследователями:

- 1) логическая необходимость – событие должно произойти, так как это обусловлено логикой ситуации [Hawkins 2001, с. 259]: *Il doit être revenue jusqu'il recommence le travail demain* [там же];
- 2) моральное обязательство [Pottier 1976, с. 40; Hawkins 2001, с. 259]: *Tu dois revenir demain sinon maman sera très déçue* [Hawkins 2001, с. 259];
- 3) возможность [Pottier 1976, с. 40]: *Il devait être quatre heures* [там же];
- 4) прогноз [там же]: *Je devais ne plus le revoir* [там же];
- 5) причина, следствие [Batchelor 2011, с. 345]: *Cette inondation est due aux fortes pluie de juillet* [там же];
- 6) темпоральное значение – будущее в прошедшем (в форме имперфекта) [Корди 1998, с. 30–37]: *Notre Belle Angerie n'est habitable qu'en été...Cependant, nous devons plus tard, habiter la Maison (grand M) toute l'année et nous en contenter...* (Bazin);
- 7) приказ [Kronning 1996, с. 16–19]: *Vous devez m'écouter* (Navarre);
- 8) совет [Kronning 1996, с. 16–19]: *Mme Hocquincourt devrait bien se décider à quitter ce d'Antin* (Stendhal);
- 9) упрек [Kronning 1996, с. 16–19]: *Vous auriez dû me dire que je devais les mettre en ordre* (Gide).

Проанализировав основные подходы к определению значений модальных глаголов, перейдем к рассмотрению значений модальных глаголов в синтаксической функции матричного сказуемого, состоящего в корреляции со вторым инфинитивным сказуемым.

В проанализированном материале мы выделили следующие лексико-семантические значения модального глагола *devoir*:

1. Логическая необходимость, обусловленная контекстом, ситуацией:

Pour voir évoluer le bébé dans son enclos, le public devra attendre deux ou trois mois, le temps qu'il ouvre les yeux, se couvre de poils et prenne des forces (*Le Monde* 2017, 6–7 août).

2. Совет, рекомендация:

Le gouvernement doit faire vite pour rendre sa copie, car la nouvelle obligation doit s'appliquer en 2018 (*Le Parisien* 2017, 24 juillet).

Глагол *devoir* может быть заменен здесь синонимичным для данного контекста выражением *Il vaut mieux que...*

3. Запланированное событие, совершение которого должно быть реализовано в определенный момент в будущем:

Le procès intenté par les malades à Saint-Louis devrait s'ouvrir en octobre (*Le Monde* 2018, 24–25 juin).

4. Прогноз, предположение о положении дел в будущем:

Le PIB devrait croître de 4 % en 2015, contre 1% en 2014 (*L'Expansion* 2015, № 809).

В отличие от значения, «запланированное событие» характеризуется меньшей точностью, а также является более обобщенным с точки зрения временных промежутков.

5. Моральное обязательство, которое добровольно берет на себя то или иное лицо в силу личных интересов или морального долга:

Mais je dois souligner que, à Washington, on mise davantage sur un effondrement du régime iranien (*Le Monde* 2018, 24–25 juin);

6. Темпоральное значение:

Quelques semaines plus tard, les organisateurs d'un tournoi international de catch avaient dû s'excuser après l'émoi causé par un clip de présentation, diffusé dans le stade, comprenant des combattantes en petite tenue (*Le Monde* 2018, 24–25 juin).

В ходе изучения глагола *devoir* в синтаксической функции матричного глагола, нами было выявлено значение, отсутствующее в проанализированном теоретическом материале: «запланированное событие». Напротив, такие значения, как *возможность*, *причина*, *следствие*, *приказ*, *упрек* в изученном материале нами обнаружены не были.

Для глагола *pouvoir* в проанализированном материале мы выделили следующие значения:

1. Внутренняя (психологическая, физическая) возможность / невозможность, способность / неспособность лица выполнить действие, обусловленная личными мотивами или моральным долгом:

J'ai alors pu constater que la grandeur indéniable de ses principes était entachée de zones d'ombre (*Le Monde 2018, 24–25 juin*).

«Je suis très occupé, je ne peux rien promettre», a fait savoir M. Duterte lundi 1er mai. Car, a-t-il ajouté, il «[doit] aller en Russie, en Israël» (*Le Monde 2017, 3 mai*).

2. Прогноз:

«D'ici à 2040, la population pourrait doubler», selon l'Institut d'émission des départements d'outre-mer (Iedom) (*Libération 2017, 29 mars*).

Глагол *pouvoir* может употребляться как в настоящем, так и в будущем времени, предполагая ход событий, исходя из имеющихся объективных данных и внешних условий.

3. Предположение:

Je doute que les Etats-Unis puissent arrêter l'Iran militairement (*Le Monde 2018, 24 – 25 juin*).

В значении предположения глагол *pouvoir* имеет меньшую степень вероятности, чем прогноз, так как имеет эмоциональный компонент и вводится словами *douter que, avoir peur que* и т. д.

4. Нейтральная возможность:

Si les sanctions fonctionnent, on peut imaginer des scénarios positifs et négatifs (*Le Monde 2018, 24–25 juin*).

Значение «нейтральная возможность» выражается безличным местоимением *on* и модальным глаголом *pouvoir*. Данный оборот может быть заменен на синонимичный безличный оборот *il est possible de*.

5. Разрешение, предоставленное каким-либо лицом или документом:

L'accord prévoit que le conseil d'administration de Gemalto peut se dédire s'il reçoit une offre supérieure d'au moins 9 % à celle de Thales (*Le Parisien 2017, 18 décembre*).

6. Желание:

«Eugène a changé ma vie! Je ne peux plus manger un gâteau normal» (L'Obs 2015, 28 mai – 2 juin).

В данном значении глагол *pouvoir* может быть заменен на глагол *vouloir*.

В ходе изучения семантических значений глагола *pouvoir*, в синтаксической функции матричного глагола, мы выявили значения, которые не были освещены в проанализированной теоретической литературе, а именно такие значения, как *предположение*, *нейтральная возможность* и *желание*. В то же время значение «выражение вежливости», обозначенное в изученном теоретическом материале, не было выявлено в нашем фактическом материале.

При анализе глагола *vouloir* мы обнаружили три значения:

1. Намерение:

Moi, je voulais prendre les lardons fumés, lui, les non-fumés (L'Obs 2017, 20–28 juillet).

В данном значении глагол *vouloir* характеризуется целенаправленностью, субъективный компонент практически отсутствует.

2. Желание:

«Nous sommes en vacances en Vendée, et je voulais à tout prix être là car nous sommes passionnés d'histoire. Nous avons enchaîné des spectacles grandioses comme le Bal des oiseaux fantômes. Une chorégraphie aérienne à couper le souffle» (Le Parisien 2017, 24 juillet).

Глагол *vouloir* обозначает волю, стремление к выполнению какого-либо действия. В данном случае присутствует субъективный, аффективный компонент, выражающийся в таких наречиях, как *à tout prix* и т. д.

3. Попытка выполнить какое-либо действие:

A travers mon parcours chaotique, mon expérience de chef d'entreprise, j'ai voulu montrer que, quels que soient vos projets – un restaurant, une exploitation agricole ou toute autre entreprise –, un chemin est possible en dehors des sentiers battus (L'expansion 2015. № 809).

Отмеченные значения совпадают с теми значениями, которые были отмечены в работах Е. Е. Корди.

Заключение

Таким образом, проведенное исследование показало, что модальные глаголы, выступающие в предложении в качестве основного сказуемого, употребленного в едином блоке со вторым инфинитивным сказуемым, распространяют на второе инфинитивное сказуемое заключенные в них модально-временные показатели предложения. В зависимости от контекста высказывания, модальные глаголы в изучаемой позиции демонстрируют разнообразные семантические значения, которые в основном совпадают со значениями, отмеченными в научной литературе, однако могут отличаться определенным своеобразием. Изучаемая проблематика имеет перспективы исследования, связанные с анализом лексико-семантических свойств инфинитива в позиции второго инфинитивного сказуемого.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеева Е. А.* К выделению класса реляционно-предметных предложений: (на материале французского языка) // Романистика в современном мире: традиции и новации : сб. науч. трудов по материалам Междунар. науч. конф., посв. памяти проф. Ю. А. Рылова (в рамках года испанского языка в России). Воронеж : Изд-во Воронежского гос. ун-та, 2015. С. 329–335.
- Алексеева Е. А., Щербакова А. В.* Механизм пассивно-процессной квалификации как основа функционирования пассивно-процессного предложения французского языка // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2014. № 1. С. 49–54.
- Алексеева Е. А.* О предикативном потенциале прилагательного // Грамматика разноструктурных языков : сб. статей к юбилею проф. В. Ю. Копрова. Воронеж : НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2011. С. 42–50.
- Алексеева Е. А.* Природа сказуемого: грамматика vs. семантика : монография. Воронеж : Издательский дом ВГУ, 2017. 221 с.
- Ахманова О. С.* Словарь лингвистических терминов. М. : Советская энциклопедия, 1966. 608 с.
- Борисов О. В.* Модели второго инфинитивного сказуемого во французском языке // Наука сегодня: теоретические и практические аспекты: материалы Междунар. науч.-практ. конф., г. Вологда, 27 декабря 2017 г. : в 2 ч. Вологда : Маркер, 2018. Ч. 2. С. 32–35.
- Гак В. Г.* Теоретическая грамматика французского языка. М. : Добросвет. 2004. 862 с.
- Жарникова И. П.* Модальные глаголы : учебно-методическое пособие. Братск : ГОУ ВПО «БрГУ». 2006. 105 с.

- Ковалевская Я. А.* Вещественный компонент сказуемого отождествительно-предметного предложения // *Материалы XLIII отчетной науч. конф. за 2009 год : в 3 ч.* Воронеж : Воронежская государственная технологическая академия, 2010. С. 199–203.
- Ковалевская Я. А.* Временная модификация бытийного компонента сказуемого в рамках французских отождествительно-предметных предложений // *Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация.* Воронеж : Воронежский гос. ун-т, 2010. № 2. С. 50–55.
- Корди Е. Е.* Модальные и каузативные глаголы в современном французском языке. Ленинград : Наука, 1988. С. 28–49.
- Ломов А. М.* Русский синтаксис в алфавитном порядке. Понятийный словарь-справочник. Воронеж : Изд-во ВГУ, 2004. 400 с.
- Ломов А. М.* Типология русского предложения. Воронеж : Изд-во ВГУ, 1994. 280 с.
- Лукина С. Л.* Русские возвратные глаголы с финально-следственным значением в зеркале английского языка // *Язык, коммуникация и социальная среда.* Воронеж: Воронежский гос. ун-т. № 3. 2004. С. 136–148.
- Матвеева Т. В.* Полный словарь лингвистических терминов. Ростов-н/Д : Феникс, 2010. 562 с.
- Щербакова А. В., Лукина С. Л.* Лексико-семантические свойства и синтаксический статус существительного во французских предложениях типа *Il y a une jeune actrice* // *Эволюция романских языков: от языка народности к языку нации : материалы Междунар. науч. конф. М. : ИИУ МГОУ, 2018. С. 137–145.*
- Щербакова А. В., Передирцев Д. Э.* Синтаксическая квалификация абсолютной конструкции во французском языке // *Филологические науки. Вопросы теории и практики.* Тамбов : Грамота, 2015. № 10-2 (52). С. 205–208.
- Щербакова А. В.* Структурно-семантические и функциональные особенности пассивно-процессных предложений во французском языке // *Теоретические и прикладные аспекты описания языка межкультурной коммуникации : сб. науч. тр.* Воронеж : издательско-полиграфический центр Воронежского гос. ун-та, 2010. С. 100–108.
- Ярцева В. Н.* Языкознание. Большой энциклопедический словарь. М. : Большая российская энциклопедия, 1998. 685 с.
- Batchelor R. E.* *A Reference Grammar of French.* Cambridge : Cambridge University Press, 2011. 786 p.
- Hawkins R.* *French Grammar and Usage.* London : Edward Arnold Publishers Ltd, 2001. 448 p.
- Kronning H.* *Modalité, cognition et polysémie: sémantique du verbe modal devoir.* Uppsala : Acta Universitatis Upsaliensis. *Studia Romanica Upsaliensia* 54, 1996. 200 p.

- Pottier B.* Sur la formulation des modalités en linguistique. *Langages*. 1976. № 43. P. 40–41.
- Riegel M.* Grammaire méthodique du français / M. Riegel. Paris : Presses Universitaires de France, 2004. 646 p.

REFERENCES

- Alekseeva E. A.* K vydeleniju klassa reljacionno-predmetnyh predlozhenij: (na materiale francuzskogo jazyka) // *Romanistika v sovremennom mire: tradicii i novacii* : sb. nauch. trudov po materialam Mezhdunar. nauch. konf., posv. pamjati prof. Ju. A. Rylova (v ramkah goda ispanskogo jazyka v Rossii). Voronezh : Izd-vo Voronezhskogo gos. un-t, 2015. S. 329–335.
- Alekseeva E. A., Shherbakova A. V.* Mehanizm passivno-processnoj kvalifikacii kak osnova funkcionirovanija passivno-processnogo predlozhenija francuzskogo jazyka // *Vestnik VGU. Serija: Lingvistika i mezhkul'turnaja komunikacija*. 2014. № 1. S. 49–54.
- Alekseeva E. A.* O predikativnom potenciale prilagatel'nogo // *Grammatika raznostrukturnyh jazykov* : sb. statej k jubileju prof. V. Ju. Koprova. Voronezh : NAUKA-JuNIPRESS, 2011. S. 42–50.
- Alekseeva E. A.* Priroda skazuemogo: grammatika vs semantika : monografija. Voronezh : Izdatel'skij dom VGU, 2017. 221 s.
- Ahmanova O. S.* Slovar' lingvisticheskih terminov. M. : Sovetskaja jenciklopedija, 1966. 608 s.
- Borisov O. V.* Modeli vtorogo infinitivnogo skazuemogo vo francuzskom jazyke // *Nauka segodnja: teoreticheskie i prakticheskie aspekty: materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf., g. Vologda, 27 dekabnja 2017 g.* : v 2 ch. Vologda : Marker, 2018. Ch. 2. S. 32–35.
- Gak V. G.* Teoreticheskaja grammatika francuzskogo jazyka. M. : Dobrosvet. 2004. 862 s.
- Zharnikova I. P.* Modal'nye glagoly : uchebno-metodicheskoe posobie. Bratsk : GOU VPO «BrGU». 2006. 105 s.
- Kovalevskaja Ja. A.* Veshhestvennyj komponent skazuemogo otozhdestvitel'no-predmetnogo predlozhenija // *Materialy XLIII otchetnoj nauch. konf. za 2009 god* : v 3 ch. Voronezh : Voronezhskaja gosudarstvennaja tehnologicheskaja akademija, 2010. S. 199–203.
- Kovalevskaja Ja. A.* Vremennaja modifikacija bytijnogo komponenta skazuemogo v ramkah francuzskih otozhdestvitel'no-predmetnyh predlozhenij // *Vestnik VGU. Serija: Lingvistika i mezhkul'turnaja komunikacija*. Voronezh : Voronezhskij gos. un-t, 2010. № 2. S. 50–55.
- Kordi E. E.* Modal'nye i kauzativnye glagoly v sovremennom francuzskom jazyke. Leningrad : Nauka, 1988. S. 28–49.

- Lomov A. M.* Russkij sintaksis v alfavitnom porjadke. Ponjatijnyj slovar'-spravochnik. Voronezh : Izd-vo VGU, 2004. 400 s.
- Lomov A. M.* Tipologija russkogo predlozhenija. Voronezh : Izd-vo VGU, 1994. 280 s.
- Lukina S. L.* Russkie vozvratnye glagoly s final'no-sledstvennym znacheniem v zerkale anglijskogo jazyka // Jazyk, kommunikacija i social'naja sreda. Voronezh : Voronezhskij gos. un-t. № 3. 2004. S. 136-148.
- Matveeva T. V.* Polnyj slovar' lingvisticheskih terminov. Rostov-n/D : Feniks, 2010. 562 s.
- Shherbakova A. V., Lukina S. L.* Leksiko-semanticheskie svojstva i sintaksicheskiy status sushhestvitel'nogo vo francuzskih predlozhenijah tipa Il l'a vue jeune actrice // Jevoľjucija romanskih jazykov: ot jazyka narodnosti k jazyku nacii : materialy Mezhdunar. nauch. konf. M. : IIU MGOU, 2018. S. 137-145.
- Shherbakova A. V., Perediriev D. Je.* Sintaksicheskaja kvalifikacija absoljutnoj konstrukcii vo francuzskom jazyke // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. Tambov : Gramota, 2015. № 10-2 (52). S. 205-208.
- Shherbakova A. V.* Strukturno-semanticheskie i funkcional'nye osobennosti passivno-processnyh predlozhenij vo francuzskom jazyke // Teoreticheskie i prikladnye aspekty opisaniya jazyka mezhkul'turnoj kommunikacii : sb. nauch. tr. Voronezh : izdatel'sko-poligraficheskij centr Voronezhskogo gos. un-ta, 2010. S. 100-108.
- Jarceva V. N.* Jazykoznanie. Bol'shoj jenciklopedicheskij slovar'. M. : Bol'shaja rossijskaja jenciklopedija, 1998. 685 s.
- Batchelor R. E.* A Reference Grammar of French. Cambridge : Cambridge University Press, 2011. 786 p.
- Hawkins R.* French Grammar and Usage. London : Edward Arnold Publishers Ltd, 2001. 448 p.
- Kronning H.* Modalité, cognition et polysémie: sémantique du verbe modal devoir. Uppsala : Acta Universitatis Upsaliensis. Studia Romanica Upsaliensia 54, 1996. 200 p.
- Pottier B.* Sur la formulation des modalités en linguistique. Langages. 1976. № 43. P. 40-41.
- Riegel M.* Grammaire méthodique du français / M. Riegel. Paris : Presses Universitaires de France, 2004. 646 p.

УДК 811

Г. И. Бубнова

доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой французского языка для факультета иностранных языков и регионоведения Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова;
e-mail: gboubnova@mail.ru

АРТИКУЛЯЦИОННАЯ БАЗА РУССКОГО И ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКОВ: ДИНАМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Базовый артикуляционный уклад рассматривается как динамическая система порождения и восприятия устной речи, образуемая взаимодействием лингвистических, психолингвистических, нейрофизиологических, перцептивных и когнитивных механизмов речеобразования. Большинство моделей исходят из гипотезы, что механизмы артикуляции работают по законам, которые лежат в основе любой двигательной активности. Эти законы регулируются отношением *цель – средства – условия действия – результат*. Как все автоматизированные психофизиологические движения, артикуляционные навыки обладают большой устойчивостью. В статье ставится задача выявить специфику артикуляционных установок русского и французского языков. Помимо теоретического значения разработка этой проблемы имеет и прикладной аспект, который лежит в области лингводидактики.

Ключевые слова: базовый артикуляционный уклад; процесс речеобразования; двигательная активность; целевая артикуляция; артикуляционный жест.

G. I. Bubnova

Doctor of Philology (Dr. habil.), Professor,
Head of the Department of the French Language,
Faculty of Foreign Languages and Area Studies,
Lomonosov Moscow State University; e-mail: gboubnova@mail.ru

ARTICULATION BASIS OF RUSSIAN AND FRENCH: THE DYNAMIC ASPECT

The basis of articulation is considered as a dynamic system of oral speech production and perception, formed by a close interaction of linguistic, psycholinguistic, neurophysiological, perceptual and cognitive mechanisms of speech production. Most models are based on the hypothesis that the articulation mechanisms function according to the laws of any motor activity. These laws are regulated by the relation *goal – means – conditions of action – result*. Like any automatized psycho-physiological movement, articulation skills are highly stable. The article aims to highlight the specifics of Russian and French in terms of articulatory settings. In addition to the theoretical importance, the development of this problem has a practical aspect, which lies in the field of language teaching.

Key words: basic articulatory system; process of speech production; motor activity; target articulation; articulation gesture.

Введение

В исследовании базовый артикуляционный уклад рассматривается как динамическая система порождения и восприятия устной речи, образуемая тесным взаимодействием лингвистических, психолингвистических, нейрофизиологических, перцептивных и когнитивных механизмов, обслуживающих процесс речеобразования. В статье ставится задача выявить специфику артикуляторных установок русского и французского языков. Помимо теоретического значения разработка этой проблемы имеет и прикладной аспект, который лежит, в частности, в области лингводидактики.

Артикуляционная база представляет собой набор специфических для каждого языка целевых артикуляций и артикуляционных жестов, которые вырабатываются в процессе устной коммуникации в рамках этого языка. Ребенок, усваивающий родной язык, активизирует, по наблюдению нейрофизиологов, те же зоны головного мозга, что и взрослый носитель языка, т. е. с самого рождения он является экспертом в устной речи [Dehaene 2011, с. 22]. Привычные артикуляции усваиваются ребенком бессознательно в ситуации, которая требует от него имитации наблюдаемых артикуляторных жестов и движений для использования в общении с родителями и сверстниками. Как все автоматизированные психофизиологические движения артикуляционные навыки обладают большой устойчивостью [Бернштейн 1990, с. 175–180].

Артикуляционная база французского языка (модель П. Делаттра)

При описании базового артикуляционного уклада, характерного для французского языка, представляется целесообразным использовать модель, предложенную П. Делаттром [Delattre, 1953]. На основании данных акустического анализа автор выделяет три категориальных признака, взаимодействие которых обеспечивает специфику артикуляционной программы французского языка:

1. Напряженность артикулирующих органов при выполнении всех артикуляционных жестов (или фаз артикуляции) – *mode tendu*.
2. Передняя локализация большинства целевых артикуляций – *mode antérieur*.

3. Удержание артикуляторной энергии в слоге – *mode croissant*. Каждый признак является комплексным и включает координированные движения всех речевых органов.

Французская артикуляционная база в сопоставлении с русской

Напряженный уклад (mode tendu) французской артикуляции обеспечивает:

- тембральную стабильность французских гласных, реализуемых как в ударной, так и в безударной позиции;
- коартикуляционную четкость согласных во всех фонетических контекстах, эта четкость и напряженность обеспечиваются участием нижней челюсти в артикуляции согласных;
- выравнивание безударных слогов по длительности (регулярный речевой ритм) и по тональному оформлению (ровное движение ЧОТ);
- удлинение гласного, реализуемое на фоне нейтральной интенсивности, как доминантный признак, обеспечивающий слогу перцептивно регистрируемую выделенность.

Если рассмотреть русскую артикуляционную программу в зеркале французского напряженного уклада, то следует констатировать существенное отличие по всем перечисленным характеристикам:

- Русские безударные гласные подвергаются артикуляционной редукции 1-й и 2-й степени, превращаясь в последнем случае, по определению С. В. Кодзасова, «в краткую вокалическую прокладку между соседними согласными, которая не имеет фазы выдержки» [Кодзасов, 2001, с. 66].
- Коартикуляция согласный – гласный и особенно гласный – согласный характеризуется вялостью, наблюдается неполная смычка при произнесении взрывных и аффрикат, ослабление импловизных согласных, назализация гласных как после, так и перед носовыми согласными (*diffusion de nasalité*).
- Неравномерное распределение интенсивности, длительности и тональной оформленности между ударными и безударными слогами создает группировку безударных слогов вокруг ударного. Выделенность последнего обеспечивается увеличением значений интенсивности и длительности, но основной

перцептивно-релевантной характеристикой является тембральная полнота ударного гласного на фоне редуцируемых безударных.

Передняя локализация (*mode antérieur*) целевых артикуляций означает, что артикулирующие органы работают преимущественно в передней части фарингально-ротовой полости. Это проявляется в апикальном укладе языка (вогнутая форма) и в положении губ, которые характеризуются выдвинутостью и округленностью.

Приступая к анализу переднеязычного уклада, присущего французской артикуляции, следует отметить, что количество гласных и согласных фонем во французском языке практически совпадает: 15 гласных (*système maxima* [Malmberg 1971, с. 303–313]), 17 согласных и 3 звука, которые комбинаторно меняют свой статус, так называемые полусогласные или полугласные. При таком соотношении гласных и согласных в системе языка французский речевой поток характеризуется значительной вокалической насыщенностью. Однако вокальность французского языка проявляется прежде всего в том, что гласные играют доминирующую роль в коартикуляционном жесте, который связывает согласный с последующим гласным. Реализуя вокалическую антиципацию согласного, гласный задает ему характер губной артикуляции и частично, особенно для согласных [k] и [g], место образования преграды.

Важно также отметить, что из 15-и французских гласных только пять нелабиализованные. Иначе говоря, лабиализованные гласные употребляются в речевом потоке значительно чаще, чем нелабиализованные. Причем не только в последовательности согласный-гласный, но и в позиции размыкания конечного согласного, которая реализуется на округленных губах. Благодаря высокой частотности лабиализованных гласных в речевом потоке комбинаторная огубленность согласных работает на ее закрепление в целевой артикуляции всех французских согласных.

Наиболее убедительно о передней локализации целевых артикуляций французского языка свидетельствует, по мнению П. Делаттра, серия округленных переднеязычных гласных [y ø œ]. Это практически уникальная артикуляторная комбинаторика, поскольку в большинстве языков передняя локализация языка сочетается с нейтральной позицией губ, а лабиализация – с локализацией языка в зоне заднего резонатора.

Активную работу губ в сочетании с апикальным укладом языка, локализуемым в передней части ротовой полости, можно рассматривать в виде моторной артикуляционной установки (*motor set*) французского языка т. е. готовность моторной системы к определенному действию, событию. Как любая моторная установка она не осознается, проявляя себя в устнопорождаемой речи в виде двигательного ответа на возникающие трудности вербального кодирования: хезитационный вокализатор *euh*, произносимый как [ø]. Этот типичный для французского языка артикуляционный уклад – выдвинутые вперед и округленные губы – часто называют в фонетической литературе *ouïe française*.

Специфика целевых артикуляций в русском языке определяется консонантным характером языка (5 гласных и 37 согласных) и дорсальным укладом языка (выпуклая форма), обеспечивающим реализацию дифференциального признака твердости-мягкости согласных, который охватывает 30 согласных (15 коррелирующих пар).

Переднеязычная локализация языка дорсальной формы характерна для мягких согласных, средне- и заднеязычная для твердых. Какуминальная форма языка наблюдается для четырех твердых согласных [ш], [ж], [л], [р].

Количественная доминанта согласных в системе русского языка имеет следствием их ведущую роль в коартикуляционном жесте, который связывает согласный с гласным. Именно целевые артикуляции согласных определяют те аккомодационные процессы, в результате которых русские гласные характеризуются большой тембральной вариативностью и дифтонгоидностью произнесения [Антонова 1988, с. 7]. Как было показано выше, часто безударные гласные утрачивают фазу выдержки, превращаясь, особенно в быстрой речи, в вокалическую «прокладку» между соседними согласными.

Вялая губная артикуляция в сочетании с подвижностью нижней челюсти и дорсальным укладом языка, который свободно перемещается в ротовой полости, можно рассматривать в качестве моторной артикуляционной установки русского языка. Она наблюдается в устнопорождаемой речи в виде двигательного ответа (хезитационный вокализатор *a/э*) на возникающие трудности вербального кодирования. Этот типичный для русского языка артикуляционный уклад реализуется на опущенной нижней челюсти и нейтральных губах.

Удержание артикуляторной напряженности (mode croissant)

Рассматривая развертывание огибающей интенсивности в слоге, П. Делаттр приходит к выводу, что по сравнению с большинством других языков точка ее сброса во французском языке локализуется ближе к концу слога. Интерпретируя наблюдаемое явление как удержание напряженности, П. Делаттр описывает слоговую артикуляционную динамику следующим образом: в начале слога интенсивность обеспечивает плавность приступа, затем последовательно нарастает и удерживается в течение всей выдержки, создавая таким образом условия для стабильного выполнения целевой артикуляции гласного. Отступ реализуется так быстро, что коартикуляционный переход к последующему согласному практически не влияет на тембр произносимого гласного, локализуясь в стыковой зоне двух целевых артикуляций (гласный-согласный). В результате описанного взаимодействия артикуляционных жестов интервокальный согласный присоединяется к последующему гласному, даже если этот гласный принадлежит другому слову. Например, во фразе *il imite un autre accent* все слоги будут произнесены как открытые [i-li-mi-tœ-no-tra-ksã].

Нарастающая артикуляционная динамика способствует тому, что конечный согласный перед паузой произносится с четким размыканием на [ə], т. е. как эксплозивный [fi-n*], [bɛ-l*]. Именно нарастающая модель обеспечивает французскому языку отсутствие комбинаторной назализации ротовых гласных в окружении носовых согласных.

В русском языке интенсивность распределяется внутри слога иначе [Потапова, Потапов 2012, с. 110–113]. Приступ реализуется сильно: максимальные значения интенсивности локализуются в первой трети гласного, после чего наблюдается медленный сброс значений. В результате даже ударный гласный подвергается небольшой дифтонгизации, содержит так называемый дифтонгоидный хвост.

Подводя итог, проиллюстрируем картину развертывания интенсивности в русском и французском слоге данными, полученными в инструментальном исследовании просодической специфики ударного слога в двух языках [Бубнова и др. 1999]. Не детализируя проведенный эксперимент, рассмотрим построенные модели слога в двух сопоставляемых языках.

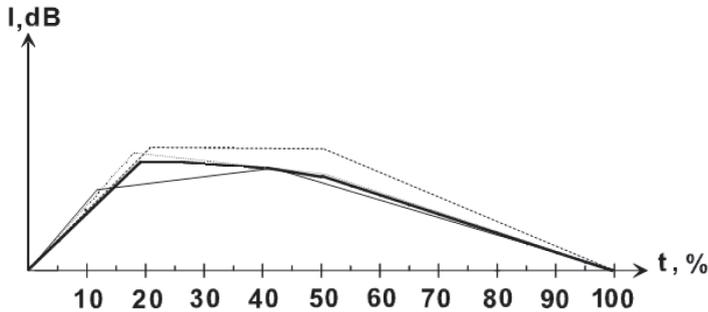

Рис. 1. Типовая модель русского ударного слога:
огibaющая интенсивности

Модель – пик, смещенный влево

Проведенный анализ позволил сгруппировать практически все русские реализации в рамках модели *пика, смещенного влево*, который можно рассматривать в качестве *типовой модели русского ударного слога*.

Эта модель представлена на рисунке 1. На участке приступа, который составляет около 20% длительности гласного, огibaющая интенсивности резко возрастает, достигая, как правило, максимального значения. В фазе выдержки (около 30% длительности гласного) наблюдается ровннисходящее движение интенсивности, которое плавно переходит в отступ и продолжается до конца гласного. Скорость изменения интенсивности на приступе в 2,5 раза больше, чем на отступе. Отступ занимает, как правило, до 50% длительности гласного и может рассматриваться как функциональная доминанта слоговой модели.

Модель-плато

Типовой моделью ударного слога для французского языка можно считать *модель-плато*. Схематично она представлена на рисунке 2 (см. рис. 2, с. 54).

На участке приступа, который составляет около 25% длительности гласного, огibaющая интенсивности возрастает, достигая, как правило, максимального значения. В фазе выдержки (около 40% длительности гласного) наблюдается ровновсходящее движение

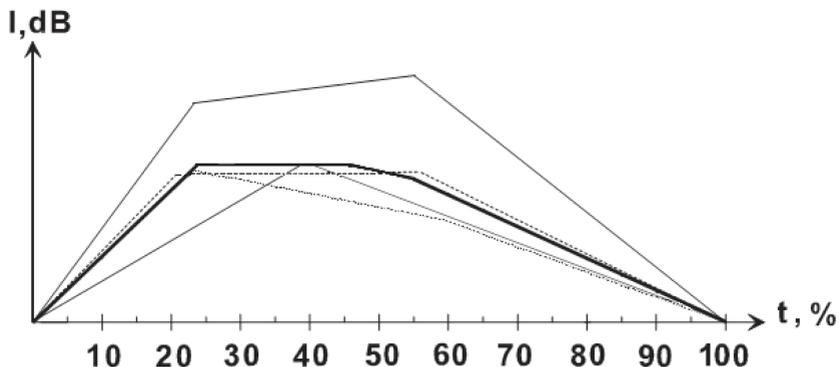

Рис. 2. Типовая модель французского ударного слога: огибающая интенсивности

интенсивности, которое резко переходит в отступ и продолжается до конца гласного. Отступ занимает, как правило, около 35% длительности гласного. Скорость изменения интенсивности на приступе в 1,5 раза больше, чем на отступе. Функциональной доминантой слоговой модели является, таким образом, выдержка. Итак, удержание гласного, комбинирующееся с последующим резким сбросом интенсивности на отступе, можно считать характерной чертой французской слоговой динамики.

Методические рекомендации

На базе графиков 1 и 2, которые иллюстрируют специфику слоговой динамики в сопоставляемых языках, были построены лингводидактические модели русского (см. рис. 3) и французского (см. рис. 4) ударного слога.

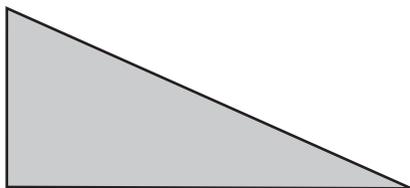

Рис. 3. Модель русского слога

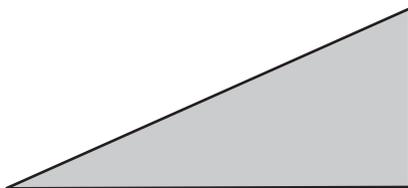

Рис. 4. Модель французского слога

Модели имеют вид треугольника.

Для русского языка в верхнем левом углу представлен пик интенсивности, а в нижнем правом – ее нулевые значения. Гипотенуза схематизирует послепиковое нисходящее движение интенсивности, которое является доминантным по времени участком огибающей.

Для французского языка в нижнем левом углу представлен мягкий приступ, а в верхнем правом – пик интенсивности перед отступом. Гипотенуза схематизирует ровно повышающееся движение интенсивности на выдержке, которая является доминантным по времени участком огибающей.

Предлагаемые схемы решают задачу наглядного сопоставительного представления наблюдаемых различий при обучении произношению:

- короткий и сильный приступ к слогу в сочетании с затянутым сбросом гласного на фазе отступа в русском языке;
- мягкий приступ к слогу, который обеспечивает удержание артикуляционной энергии практически до конца гласного, и быстрый коартикуляционный переход к последующему согласному во французском языке.

В свете полученных выводов в методическом плане можно дать следующие основные рекомендации. Необходимо отрабатывать:

- с русскоговорящими: затягивание выдержки ударного гласного, который завершается резко, без изменения тембра;
- с франкоговорящими: затягивание и дифтонгизацию вокалического сброса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Антонова Д. Н.* Фонетика и интонация. М. : Русский язык, 1988. 177 с.
- Бернштейн Н. А.* Физиология движений и активность. М., 1990. 494 с.
- Бубнова Г. И. и др.* Контрастивная просодия русского и французского языков: модели ударного слога / Г. И. Бубнова, И. А. Кардашин, Е. И. Кошелева, А. А. Цыпин // Фонетика в системе языка : сб. ст. Вып. 2. М. : Изд-во РУДН, 1999. С. 195–215.
- Кодзасов С. В., Кривнова О. Ф.* Общая фонетика. М. : Изд-во РГГУ, 2001, 592 с.
- Потанова Р. К., Потанов В. В.* Речевая коммуникация: От звука к высказыванию. М. : Языки славянских культур, 2012. 464 с.
- Dehaene S.* Apprendre à lire. Des sciences cognitives à la salle de classe. Paris : Odile Jacobe, 2011. 155 p.

Delattre P. Les modes phonétiques du français // The French Review. 1953. XXVIII. P. 59–63.

Malmberg B. Phonétique générale et romane. Études en allemand, anglais, espagnol et français. The Hague – Paris : Mouton, 1971. 478 p.

REFERENCES

Antonova D. N. Fonetika i intonacija. M. : Russkij jazyk, 1988. 177 s.

Bernshtejn N. A. Fiziologija dvizhenij i aktivnost'. M., 1990. 494 s.

Bubnova G. I. i dr. Kontrastivnaja prosodija russkogo i francuzskogo jazykov: modeli udarnogo sloga / G. I. Bubnova, I. A. Kardashin, E. I. Kosheleva, A. A. Cypin // Fonetika v sisteme jazyka : sb. st. Vyp. 2. M. : Izd-vo RUDN, 1999. S. 195–215.

Kodzasov S. V., Krivnova O. F. Obshhaja fonetika. M. : Izd-vo RGGU, 2001, 592 s.

Potapova R. K., Potapov V. V. Rechevaja komunikacija: Ot zvuka k vyskazyvaniju. M. : Jazyki slavjanskih kul'tur, 2012. 464 s.

Dehaene S. Apprendre à lire. Des sciences cognitives à la salle de classe. Paris : Odile Jacob, 2011. 155 p.

Delattre P. Les modes phonétiques du français // The French Review. 1953. XXVIII. P. 59–63.

Malmberg B. Phonétique générale et romane. Études en allemand, anglais, espagnol et français. The Hague – Paris : Mouton, 1971. 478 p.

УДК 811.134

Д. Л. Гуревич

кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры иберо-романского языкознания
филологического факультета Московского государственного
университета имени М. В. Ломоносова (МГУ); e-mail: caipira@yandex.ru

ПРОБЛЕМА ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПЕРЕХОДНОСТИ В ИСПАНСКИХ И ПОРТУГАЛЬСКИХ ГРАММАТИКАХ

Интерпретация переходности в грамматиках зависит от теоретических позиций авторов (морфологическая, структуралистская, функционалистская, генеративистская школа) и от целей грамматики (теоретическая, дескриптивная, нормативно-прескриптивная). Переходность рассматривается в двух противопоставленных аспектах: лексико-синтаксическом и структурно-синтаксическом. В первом она понимается как свойство семантики глагольной лексемы, во втором – как свойство синтаксической структуры.

Ключевые слова: переходность; переходный / непереходный глагол; нормативная грамматика; теоретическая грамматика; испанский язык; португальский язык.

D. L. Gurevich

PhD (Philology), Associate Professor, Department of Ibero-Romance linguistics,
Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (MSU);
e-mail: caipira@yandex.ru

INTERPRETATION OF TRANSITIVITY IN SPANISH AND PORTUGUESE GRAMMARS

The interpretation of transitivity in grammars depends on the theoretical approach adopted by the authors (morphological, structuralist, functionalist, generativist etc.), as well as on the aims the grammar is meant to achieve (theoretical, descriptive, normative-prescriptive). Transitivity is regarded from the two different viewpoints: lexical-syntactic and structural-syntactic. In the first case it is looked upon as a property of the semantics of the verbal lexeme; in the second one – as a property of the syntactic structure.

Key words: transitivity; transitive / intransitive verb; normative grammar; theoretical grammar; the Spanish language; the Portuguese language.

1. Двоякий подход к интерпретации переходности

Переходность, являющаяся одним из базовых свойств глагола в испанском и португальском языках, так или иначе находит трактовку в грамматиках, созданных в рамках разных теоретических школ

(морфологической, структуралистской, функционалистской), и преследующих разные цели: академических (дескриптивных и прескриптивно-нормативных) или учебных. Однако, несмотря на давнюю традицию выделения понятийной и грамматической категории переходности, не существует ее устойчивой интерпретации. В зависимости от того, какие факторы лексико-семантического либо формально-грамматического порядка берутся в качестве определяющих, толкование переходности будет различным.

Переходность в грамматических работах рассматривается в двух противопоставленных друг другу аспектах: а) лексико-синтаксическом и б) структурно-синтаксическом.

Лексико-синтаксический аспект опирается в большой степени на понятийную категорию переходности, когда транзитивность понимается как «перенос» части глагольной семантики на вовлеченный в ситуацию объект, выступающий как семантически и синтаксически зависимый компонент того предиката, который, в свою очередь, является отображением описываемой в предложении ситуации.

Структурно-синтаксический аспект связан с грамматической категорией переходности, когда транзитивность понимается как свойство синтаксической структуры, в принципе безотносительно к семантике конкретных лексем; при таком подходе можно говорить не о переходных глаголах, а о переходных конструкциях, куда входят субъект, предикат и объект, выражающие значение транзитивности только совокупно.

2. Лексико-синтаксическая интерпретация переходности в неакадемических грамматиках испанского и португальского языков

Лексико-синтаксическая интерпретация является наследием греко-латинской грамматической традиции. Через ренессансную традицию [Nebrija 1981] и через грамматики Нового времени [Bello 1883], с учетом некоторых достижений структурализма [Alarcos Llorach 2000] и современного функционализма [Alcina, Blecua 1975; Seco 1996; Cunha, Cintra 1985], а также отчасти генеративной грамматики [Mateus et al. 1989; Bosque, Gutiérrez-Rexach 2009] данный подход рассматривает переходность, опираясь на лексические значения глагола и морфологические признаки имени. Базовым является понятие уточнения, расширения лексической семантики глагола за счет

семантики дополнения. Глагол выступает как главный компонент структуры, а существительное – как второстепенный, дополнительный, компонент.

Такой подход в испанских и португальских грамматиках просматривается системно, начиная с грамматики А. Небрихи, и является доминирующим в грамматиках прескриптивного характера (в том числе в грамматике Королевской академии языка 2009 г.) и в учебных грамматиках [Matte 2006]. Также учитывается морфологическая форма имени, в частности наличие предлога при одушевленных существительных в роли прямого дополнения и способность существительных заменяться на косвенную форму личного местоимения.

Фактически переходность рассматривается как семантическая способность глагола переносить действие на объект, которому приписываются морфологическая функция аккузатива и синтаксическая функция дополнения.

Уже грамматика А. Небрихи ставит во главу угла семантику глагола, связывая идею переходности с возможностью переносить действие на «другую вещь» (объект):

Los verbos personales o pasan en otra cosa o no pasan; los que pasan en otra cosa llámense transitivos, como diciendo ‘yo amo a Dios’, ‘amo’ es verbo transitivo porque su significación pasa en ‘Dios’; los que no pasan en otra cosa llámense absolutos, como diciendo ‘yo vivo’, vivo es verbo absoluto, porque su significación no pasa en otra cosa [Nebrija 1981, с. 207].

А. Бельо, еще употреблявший морфологический термин «acusativo oblicuo» для обозначения синтаксического понятия «дополнение», ставит знак равенства между «активным» и «переходным» глаголом, противопоставляя ему «нейтральный», или «непереходный», что также свидетельствует о первичной роли глагольной семантики в моделях управления; первый тип глаголов допускает дополнение, второй – нет:

Verbo activo o transitivo es el que en su uso ordinario admite acusativos oblicuos, como *ver, oír, amar* (...); intransitivo o neutro el que de ordinario no lleva acusativo alguno, o solo ciertos acusativos en circunstancias particulares, como *ser, estar, vivir* [Bello 1883, §336 (§771)].

С. Хили Гайа, придерживавшийся когнитивистских критериев описания, характерных для середины XX в., и формально-синтаксических взглядов на природу переходности и также пользовавшийся

двойкой (морфологической и синтаксической) терминологией, приравнивая «аккузативное дополнение» к «прямому дополнению», считал переходными только такие глаголы, которые способны иметь прямое дополнение; причем наличие других типов дополнений, т. е. сочетающихся со сказуемым синтаксических элементов иной природы, возможно только при непереходном глаголе:

Las oraciones cuyo verbo no lleva complemento directo se llaman intransitivas, aunque le acompañen otros complementos. Si **tienen complemento acusativo o directo** reciben el nombre de **transitivas** [Gili Gaya 1980, с. 54].

Э. Аларкос Льорак, придерживавшийся структуралистского, а позже функционалистского подходов при описании языка, полагал основным лексическое значение слова, что обуславливает его грамматическое поведение; таким образом, в его терминологии, если «глагольный корень» (лексико-семантический компонент в значении глагола) требует уточнения посредством существительного, то такой глагол является переходным:

La posibilidad o imposibilidad de que el verbo admita objeto directo ha sido el criterio de clasificación de los verbos en transitivos e intransitivos. Cuando la actividad denotada por **la raíz verbal** requiere la especificación aportada por **el sustantivo que funciona como objeto directo, se considera el verbo transitivo**; en caso contrario, el verbo es intransitivo [Alarcos Llorach 2000, с. 337].

В другой работе Э. Аларкос Льорак прямо говорит о том, что именно лексическая семантика глагольной лексемы, а не грамматическая функция предиката обеспечивает синтаксические возможности глагола:

No es la función gramatical del verbo, la oracional, **la que exige la presencia** o ausencia de términos **adyacentes**, sino **el valor semántico de su signo léxico** [цит. по: Muñiz Cachón 1998, с. 390].

М. Секо формулирует эту идею еще более радикально, считая прямое дополнение не просто расширением семантики глагола, а частью его семантики.

El complemento directo no es, a pesar de su nombre, un simple «complemento» o ampliación del sentido del verbo, sino que **es un ingrediente del mismo**, es el **objeto del fenómeno** expresado por el verbo [Seco 1996, §8.5.1].

Грамматики португальского языка (как португальских, так и бразильских авторов) в основном разделяют ту же точку зрения, однако следует учитывать, к какой научной традиции принадлежат их авторы. Нормативная грамматика С. Куньи и Л. Синтры, написанная в рамках традиционного (лексико-морфологического) подхода к синтаксису частей речи, считает глагол непереходным, если он способен выражать идею полностью, и переходным, если он нуждается в элементе, дополняющем его значение:

Os [*verbos*] *intransitivos expressam uma idéia completa* <...>. Os *transitivos exigem* sempre o acompanhamento de *uma palavra* de valor substantivo (objeto direto ou indireto) *para integrar-lhes o sentido* [Cunha, Cintra 1985, с. 505].

Фактически так же интерпретирует переходность современная бразильская грамматика португальского языка Ж. К. Азереду, написанная в нормативно-прескриптивном ключе. Базовым понятием грамматист считает полную либо неполную предикацию, переходным является глагол, имеющий неполную предикацию и образующий с сопровождающим этот глагол элементом (дополнением) взаимно обусловленную связь:

Chamamos de *intransitivos* (ou de *predicação completa*) os *núcleos verbais que dispensam* <...> *um termo adjacente*. Os demais (de predicação completa) *travam com o termo adjacente uma relação de implicação mútua* [Azeredo 2014, с. 213].

Теоретическая грамматика М. Э. Миры Матеуш и др., написанная с позиций генеративистики и считающая семантико-синтаксические связи центральными для языковой системы, приписывает дополнению функцию внутреннего аргумента при глаголе, что свидетельствует о первичности семантики глагола, по мнению авторов, и рассматривает как переходный такой глагол, который имеет при себе именно дополнение:

OD [objecto directo] = relação gramatical do *argumento interno de predicadores verbais* [Mateus et al., 1989, p. 163].

O *verbo que está seguido de um SN* [sintagma nominal] é um verbo *transitivo*...; o verbo que não tem complemento nominal é um verbo *intransitivo* [Mateus et al. 1989, с. 198].

Объемная и одна из последних по времени выхода (2013) грамматика португальского языка Э. Б. Пайва Рапозу и др., написанная преимущественно в функционалистском ключе с привлечением некоторых базовых понятий генеративистики, также исходит из первичности лексического значения глагола, которое обуславливает его синтаксические характеристики: количество и состав аргументов (актантов и сирконстантов, в терминах Л. Теньера), их тематические роли (агенс, пациенс, тема, локатив и др.), грамматическое оформление (именная синтагма, предложная, адъективная и др.), и грамматическая функция в предложении (подлежащее, прямое / косвенное / предложное дополнение, именная часть сказуемого и др.). Переходным, таким образом, считается глагол, который обладает минимум двумя семантическими аргументами, выполняющими грамматическую роль подлежащего и прямого дополнения.

Verbos transitivos canónicos, i.e. aqueles que *selecionam* (pelo menos) *dois argumentos*, um com a função gramatical de sujeito e outro com a função gramatical de complemento direto [Paiva Raposo et al. 2013, с. 384].

Как видно из приведенных определений, переходность опирается на понятие прямого дополнения (на поверхностном-синтаксическом уровне, т. е. на уровне грамматической функции) либо на понятие внутреннего аргумента (на глубинно-синтаксическом уровне, т. е. на уровне тематических ролей), и то и другое, в свою очередь, опирается на семантику глагола, которая первична. Переходность понимается как грамматическое воплощение семантической достаточности или семантической недостаточности глагола, способного реализовать свою семантику самостоятельно (непереходный глагол) либо только через зависимый элемент (переходный глагол). Переходность при такой интерпретации является не сугубо семантической или синтаксической категорией, а представляет собой их «сплав».

3. Структурно-синтаксическая интерпретация переходности в неакадемических грамматиках испанского и португальского языков

Структурно-синтаксический (во многом структуралистский) подход восходит к схоластической традиции, в частности к логике суждений, предполагающей отношения взаимности между предикатом и его актантами, и учитывает семантическую взаимосвязь глагола

и дополнения, которые порознь не в состоянии описать искомое положение вещей и потому нуждаются в объединяющей их синтаксической конструкции. Уже в XX в. эти идеи получили развитие в работах Л. Ельмслева и Л. Теньера, предлагавших вычленять не части речи, а синтаксические роли (подлежащего, дополнения и др.) независимо от их морфологической природы. Переходность в данном случае понимается не как свойство лексемы, а как свойство синтаксической структуры, вытекающий из природы глагола и имени.

Р. Ленц считал дополнение (прямое и косвенное) неотъемлемым элементом предложения, приписывая ему тем самым самостоятельную конституирующую роль:

El *complemento acusativo* con seguridad *debe considerarse como elemento fundamental de la oración*, y *lo mismo* me parece ser el caso con el *complemento dativo* [Lenz 1925, с. 50].

С. Эрнандес Алонсо прямо говорит, что переходность и непереходность – свойства синтаксической структуры, а не свойства глагольной лексемы, он предлагает выделять не переходные / непереходные глаголы, а соответствующие конструкции:

No debe olvidarse que la *transitividad e intransitividad son rasgos de la estructura, sintácticos*, y *no de los verbos*, ni paradigmáticos. Por ello, conviene no seguir hablando de los transitivos e intransitivos, y aplicar tales términos a la construcción que lleva por eje y núcleo al verbo [Hernández Alonso 1995, §7.1].

И. Боске, не разделяющий эту точку зрения, тем не менее, пишет, что ее придерживается ряд исследователей, которые считают синтаксическую функцию подлежащего и дополнения одной из основных и посредством нее определяют частеречную принадлежность слова, в данном случае – существительного; синтаксическая функция, таким образом, оказывается первична:

Supongamos por un momento que *consideramos básicas las funciones sintácticas de sujeto y objeto directo*, y entendemos por *sustantivo todo aquello que puede ser sujeto o todo aquello que puede ser objeto directo* [Bosque 1990, с. 43].

Среди португальских грамматистов можно назвать Ж. Андраде Переш и Т. Мойя, которые, придерживаясь структуралистского подхода,

опираются также на синтаксические, в частности трансформационные, возможности ряда глаголов, допускающие трансформацию «активный залог» – «пассивный залог». Переходность оказывается связанной с синтаксической деривацией, и переходным является глагол, способный выступать предикатом как в активных, так и в пассивных конструкциях:

Aos *verbos que admitem construção passiva* chamou essa tradição [greco-latina] *verbos transitivos* (...). Um *verbo transitivo* (...) é um verbo que pode ser *predicador de frases* que têm uma *correspondente passiva*, pelo que *tem* pelo menos um *argumento interno* que recebe a função semântica de paciente [Peres, Móia 1995, с. 208–209].

Как видно из определения, точка зрения [Peres, Móia 1995] перекликается с концепцией, изложенной в [Bosque, Gutiérrez-Rexach, 2009, с. 92, 377], в том, что касается первичности трансформационной роли переходного глагола в синтаксических конструкциях с пассивом, а также с точкой зрения [Mateus et al. 1989, с. 163] в том, что касается понятия внутреннего аргумента (в терминах традиционной грамматики «дополнения»), в котором реализуется грамматическая функция переходного глагола.

В целом неакадемические грамматики испанского и португальского языков опираются не на один, а на ряд устойчивых признаков переходности, некоторые из которых несовместимы в рамках одной теории, что и вынуждает нас разделить интерпретационные модели на два типа. К таким признакам относятся: 1) лексическая семантика глагола, влияющая на него; 2) способность задавать аргументную структуру при том что имеет место; 3) вторичная грамматическая роль дополнения; 4) трансформационная способность глагола к актантажной деривации (актив – пассив); 5) первичная роль субъекта и дополнения, наряду с предикатом, как синтаксически обязательных компонентов переходной конструкции.

4. Интерпретация переходности в испанских академических грамматиках

Академическая грамматика, помимо непротиворечивой грамматической теории, должна опираться на существующую традицию описания, обычно восходящую к предшествующим эпохам, что

обеспечивает преемственность. Вследствие этого академическая грамматика не должна быть авторской, а должна создаваться в рамках академической школы (академии языка) и наряду с задачей описания функционирования всех выделяемых данной грамматикой языковых единиц (что необязательно для грамматики неакадемической, которая может сконцентрироваться на каком-либо одном участке языковой системы), должна иметь прескриптивный характер, быть инструментом фиксации существующей языковой нормы и должна соотноситься с существующей дидактической традицией, т. е. школьной грамматикой. Такие грамматики существуют для испанского языка; для португальского языка нет единой признанной грамматики, которая бы удовлетворяла перечисленным требованиям.

4.1. Переходность в *Nueva Gramática de la lengua española 2009* года¹

Академическая грамматика рассматривает переходность в общепринятом лексико-синтаксическом аспекте и придерживается традиционной терминологии, что объясняется прескриптивным, нормативизирующим и дидактическим (учебно-консультативным) характером грамматики [NGRAE 2009]. Переходность трактуется как свойство глагола реализовывать свою семантику за счет дополнений, причем это свойство принадлежит глаголу изначально:

El concepto de transitividad se usa tradicionalmente con dos sentidos. En el más amplio, **los complementos que el verbo requiere** dentro del grupo verbal **pueden completar su significación** tanto si son complementos directos como si no lo son. [NGRAE, 2009, §34.1d].

Los **verbos** tienden a **ser transitivos o intransitivos** en función de su **propio significado** [NGRAE 2009, §34.1h].

Само дополнение рассматривается как синтаксическая функция, заданная глаголом:

El **complemento directo** u objeto directo **es una función sintáctica dependiente del verbo** que puede ser desempeñada, dentro del grupo verbal, por varios segmentos sintácticos – nombres, pronombres –, así como por oraciones subordinadas sustantivas [NGRAE 2009, §34.1a].

¹ См.: [NGRAE 2009].

В качестве семантического критерия рассматривается традиционное для грамматик понятие, когда прямое дополнение, т. е. объект, как бы «получает» действие глагола, которое его трансформирует (*Mojar un papel*). При этом делается оговорка, что ряд глаголов (например, *ver, comprender, imaginar, contornar, bordear*) не «передают» действие объекту, хотя и удовлетворяют лексическому критерию «распространения значения глагольной лексемы».

Достаточно подробно NGRAE 2009 рассматривает реализацию категории переходности, которая может быть реализована обязательно (*dar, hacer, buscar, encontrar*) или факультативно (*estudiar, leer, beber*). Основное внимание грамматика уделяет лексической сочетаемости типа глагола с типом дополнения, дифференцируя такую сочетаемость по четырем критериям:

- 1) аспектуальный класс глагола (где выделяются классические «Вендлеровские» группы): глаголы состояния (*merecer un castigo*), деятельности (*empujar un coche*), реализации (*leer un libro*), достижения (*alcanzar la cumbre*);
- 2) семантический класс глагола (воздействие (*hacer; poner*), обладание (*tener*), восприятие (*ver*), ментальные акты (*creer; entender*) и др.;
- 3) семантический класс существительного-дополнения (только одушевленные (*vacunar; pastar*), только люди (*nombrar*), чувства (*sentir*), пространственные понятия (*medir*)) и т. п.;
- 4) семантическая интерпретация дополнения, где выделяются трансформируемые (*afectados*) и нетрансформируемые (*no afectados*), с учетом грамматического поведения (*está quemado / está renovado ~ era deseado / era respatado*).

В целом грамматика дает справочную информацию нормативного характера на большом иллюстративном материале (списки глаголов, широкое цитирование примеров, разбор спорных случаев), что и входит в задачу авторов любой нормативной грамматики. Вместе с тем грамматика NGRAE 2009 не дает ответа на два основных вопроса: что такое переходный глагол и что такое прямое дополнение, поскольку переходность трактуется через прямое дополнение, а прямое дополнение – через переходность, в результате получается замкнутый круг.

Попытка решить этот вопрос на теоретическом уровне предпринимается в другой грамматике Академии, а именно – в дескриптивной,

Gramática descriptiva de la lengua española, которая имеет, скорее, теоретический, а не собственно дескриптивный характер и во всяком случае не претендует на нормативно-кодифицирующий статус.

4.2. Переходность в Gramática Descriptiva de la lengua española¹

Анализируя традиционное толкование переходности, I. Bosque и V. Demonte рассматривает стандартные синтаксические тесты на переходность [Bosque, Demonte 1999]:

- 1) способность трансформироваться в пассив;
- 2) способность заменить прямое дополнение местоимением в косвенном падеже;
- 3) способность перефразировать прямое дополнение в словосочетание по модели «lo + participio» (lo dicho; lo comprado);
- 4) способность дублировать вынесенное влево прямое дополнение обязательным употреблением местоимения в косвенном падеже.

Однако эти тесты срабатывают не во всех случаях:

- 1) тест на пассив не срабатывает для ряда глаголов обладания / утраты:

Ella tiene una casa bonita. → *Una casa bonita es tenida por ellos.

- 2) тест на замену дополнения клитикой (типа *lo / la; los / las*) не срабатывает, если существительное в роли дополнения имеет неопределенный (типа *un, algún*) или нулевой спецификатор:

¿Compraste flores? → *Sí, las compre

¿Has leído algunos libros? → *Si, los he leído muchos

- 3) тест на способность перефразировки типа «lo dicho; lo comprado» срабатывает не только для переходных глаголов:

Juan compro tres revistas → ¿Qué fue lo comprado? (*transitivo*)

Juan soñó con serpientes → ¿Qué fue lo soñado? (*intransitivo*)

- 4) тест на дублирующее местоимение не срабатывает, если дополнение не имеет спецификаторов, маркирующих определенность (типа *el / la, mi; este*)

A unos amigos *los invité a la fiesta del sábado.

¹ См.: [Bosque, Demonte 1999].

Поскольку традиционные критерии переходности не всегда оказываются достаточными, дескриптивная грамматика при трактовке переходности пытается объединить структурно-синтаксический и лексико-синтаксический подходы. Переходность декларируется как синтаксическая комбинация глагола с именной синтагмой в функции дополнения, которая управляется глаголом как синтаксически, так и семантически.

Mantendremos aquí que verbo *transitivo* es aquel que *aparece con un sintagma nominal de complemento*, al cual *rige tanto sintácticamente como semánticamente* [Bosque, Demonte 1999, §24.1.2].

Такой подход частично опирается на теории Л. Теньера о связи семантического и структурного (т. е. грамматического) планов, а также на представление об управлении в генеративной лингвистике, которое подразумевает синтаксический контроль центрального элемента (предиката) над зависимыми (именными синтагмами). Под синтаксическим управлением понимается тот факт, что предикат регулирует тип зависимого элемента, в том числе и его синтаксическую позицию, т. е. предикаторует его. Под семантическим управлением понимается смысловой контроль предиката над именной синтагмой, которая может обладать фиксированным набором семантических ролей.

Важным отличием от более традиционных трактовок является комбинация синтаксического и семантического подходов. Синтаксический подход предполагает органическую способность одних частей речи (глаголов) комбинироваться с другими (существительными), а семантический подход предполагает опору на аргументную структуру и на семантические роли. Таким образом, прямопереходный глагол трактуется через семантические роли своих актантов: агент (agente) – деятель, пациент (paciente) – объект воздействия, стимул / причина (causa) – источник ненамеренного / неконтролируемого воздействия, экспериментер (experimentante) – получатель информации / эмоции / объекта, бенефактив (destinatario / beneficiario), инструмент (instrumento) – средство совершения действия. При этом объект воздействия – пациент – может выступать в трех ипостасях: может видоизменяться (complemento afectado), создаваться (complemento efectuado) или перемещаться (complemento desplazado), что определяет парадигму типов предикатов.

5. Выводы

В целом проведенный анализ показывает зависимость между типом грамматики и интерпретацией переходности. В грамматиках с традиционной объяснительной моделью от морфологии частей речи к синтаксису переходность трактуется через лексическую семантику глагола, т. е. с опорой на понятийную категорию переходности. Такой подход четко прослеживается в академической грамматике испанского языка [NGRAE 2009], имеющей заявленный прескриптивный характер, а также в бразильской грамматике [Azeredo 2014], претендующей на кодифицирующий статус, и в португальско-бразильской грамматике [Cunha, Cintra 1985]; последняя, хотя и не является академической, но представляет собой авторитетнейшее справочное издание на протяжении нескольких десятков лет, на которое ориентируются в том числе и дидактические пособия. В то же время грамматики более теоретического характера (генеративистские либо функционалистские) опираются на комплекс факторов при толковании переходности, ставя во главу угла способность предиката реализовывать свои грамматические возможности; переходность интерпретируется как взаимодействие нескольких элементов, образующих на глубинном уровне семантическое представление ситуации переходности с участием смысловых ролей, а на поверхностном – ее реализацию в виде синтаксической конструкции с функциональным распределением грамматических ролей субъект – объект.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Alarcos Llorach E.* Estudios de gramática funcional del español. Madrid : Gredos, 1973. 257 p.
- Alarcos Llorach E.* Gramática de la lengua española. Real Academia española. Colección Nebrija y Bello. Madrid : Espasa Calpe, 2000. 406 p.
- Alcina Franch J., Blecua L. M.* Gramática Española. Barcelona : Ariel, 2001. 1274 p.
- Azeredo J. C.* Gramática Houaiss da Língua Portuguesa. São Paulo : Publifolha, 2014. 584 p.
- Bello A.* Gramática de la lengua castellana : Obras completas de Don Andrés Bello. Santiago de Chile : Impreso por Pedro G. Ramírez, 1883. Vol. IV. 499 p.
- Bosque I., Demonte V.* Gramática descriptiva de la lengua española : 3 Vols. Madrid : Colección Nebrija y Bello, Espasa, 1999. 5352 p.

- Bosque I.* Las categorías gramaticales. Madrid : Síntesis, 1990. 232 p.
- Bosque I., Gutiérrez-Rexach J.* Fundamentos de sintaxis formal. Madrid : Akal, 2009. 800 p.
- Cunha C. F. da, Cintra L. F. Linley.* Nova gramática do português contemporâneo. Rio de Janeiro : Nova Fronteira, 1985. p. 714.
- Gili Gaya S.* Curso superior de sintaxis española. Barcelona : Bibliograf, 1980. 348 p.
- Hernández A. C.* Nueva sintaxis de la lengua española. Salamanca : Ediciones Colegio de España, 1995. 238 p.
- Lenz R.* La oración y sus partes. Estudios de gramática general y castellana. Madrid : Publicaciones de la revista de filología española, 1925. 561 p.
- Mateus M. M. H. et al.* Gramática da língua portuguesa / M. H. M. Mateus, A. M. Brito, I. Duarte, I. H. Faria. Lisboa : Caminho, 1989. 423 p.
- Matte Bon F.* Gramática comunicativa del español. De la lengua a la idea. Madrid : Edelsa, 2006. T. 1. 386 p.
- Muñiz Cachón, C.* Transitividad e intransitivadores en el español peninsular y americano. VERBA, 1998. Vol. 25. P. 389–399.
- Nebrija A. de.* Gramática de la lengua castellana / Edición preparada por A. Quilis. Madrid : Editora Nacional, 1981. 267 p.
- Paiva Raposo E. B. et al.* Gramática do português / Paiva Raposo E. B., Bacelar Nascimento M. F., Coelho Mota M. A. et al. II Vols. Lisboa : Fundação Calouste Gulbenkian, 2013. 2409 p.
- Peres J. A., Mória T.* Áreas críticas da língua portuguesa. Lisboa : Caminho, 1995. 540 p.
- Real Academia Española. Nueva gramática de la lengua española : 2 Vols. Madrid : Espasa Libros, 2009. 3888 p.
- Seco M.* Gramática esencial del español. Madrid : Espasa Calpe, 1996. 418 p.

УДК 811.13; 81.342

Е. А. Когалова

кандидат филологических наук, доцент кафедры фонетики и грамматики французского языка факультета французского языка Московского государственного лингвистического университета;
e-mail: koelena05@mail.ru

СПЕЦИФИКА СОЦИАЛЬНЫХ МЕДИА: ФОНЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Статья посвящена изучению фонетических особенностей такого современного вида массовой коммуникации посредством Интернета, как социальные медиа. Интернет с каждым днем завоевывает самую широкую аудиторию, всё больше и больше людей интересуются, что такое социальные медиа, и значительное количество пользователей сами участвуют в создании своих блогов для обмена информацией, идеями, интересами. Произносительный стиль видеоблогов может быть определен как разговорный, так как отвечает основным тенденциям разговорного стиля произношения – тенденцией к краткости и тенденцией к экспрессивности, – и содержит ряд специфических особенностей на фонетическом уровне, о которых необходимо знать, чтобы получаемая информация была полностью понята, осознана и принята. Перцептивно-слуховой анализ экспериментального аутентичного материала позволил уточнить произносительные особенности данного жанра на сегментном и супraseгментном уровнях, в частности это выпадение некоторых гласных и согласных звуков, непроизнесение слогов и целых слов, оглушение согласных, отсутствие ряда связываний, яркое дополнительное ударение, эмоциональная интонация.

Ключевые слова: социальные медиа; разговорный стиль произношения; перцептивно-слуховой анализ; фонетические особенности; сегментные характеристики; супraseгментные характеристики; французский язык.

Е. А. Kogalova

PhD (Philology), Associate Professor, Department of Phonetics and Grammar of the French language, Faculty of French, Moscow State Linguistic University;
e-mail: koelena05@mail.ru

SPECIFICS OF SOCIAL MEDIA: THE PHONETIC ASPECT

This article is devoted to the study of phonetic features of such a modern type of mass communication through the Internet as social media. The Internet is gaining the widest audience every day, more and more people are interested in what social media are, and a significant number of users are involved in creating their own

blogs to share information, ideas, interests. The pronunciation style of video blogs can be defined as colloquial, as it corresponds to the main trends of the colloquial pronunciation style – the tendency to brevity and the tendency to expressiveness – and has a number of specific features at the phonetic level, that you need to know so that the information received is fully understood, recognized and accepted. Perceptual and auditory analysis of the experimental authentic material allowed us to clarify the pronunciation features of this genre at the segmental and suprasegmental levels, in particular, the loss of some vowels and consonants, non-pronunciation of syllables and whole words, stunning consonants, lack of a number of bindings, bright additional stress, emotional intonation.

Key words: social media, conversational style of pronunciation; perceptual and auditory analysis; phonetic features; segmental characteristics; suprasegmental characteristics; the French language.

Введение

В настоящее время в повседневной жизни современного человека Интернет является основным информационным источником, в том числе и звуковым. Языковые тенденции, присутствующие в звучащих текстах (видеоблогах), с одной стороны, отражают уже существующие языковые реалии, с другой – звуковое оформление текстов оказывает влияние на аудиторию, и определенные языковые изменения постепенно проявляются в обычной жизни всё чаще и чаще. Фонетический стиль текстов социальных медиа можно отнести к разговорному стилю произношения, так как им присуще множество особенностей этого стиля, связанного с двумя главными характеристиками – тенденцией к краткости и тенденцией к экспрессивности [Léon 1999]. Однако будучи недостаточно изученным, оформление звуковых текстов социальных медиа представляет особый интерес для медиалингвистики в целом и фоностилистики, в частности, так как, оказывая влияние на пользователей, может приводить к изменениям первоначально в узусе, а затем и в языковой произносительной норме.

Социальные медиа

Социальные медиа (англ. *social media, social networking services* – социальные средства коммуникации, службы сетевого общения) – вид массовой коммуникации посредством Интернета (ru.wikipedia.org/wiki/Социальные_медиа). Различные онлайн-технологии позволяют пользователям общаться между собой: делиться мнениями, опытом

и знаниями; взаимодействовать друг с другом, налаживать контакты, передавать новости, информацию, видео, фото, музыку.

Среди разновидностей социальных медиа выделяют следующие: интернет-сообщества; блоги; сетевые компьютерные игры с видеочатами; социальные сети; сообщества по производству совместного контента; совместные проекты; геосоциальные сервисы.

Социальные медиа характеризуются доступностью информации; минимизацией личного пространства; отсутствием пространственных ограничений; оперативностью (реагированием в реальном времени) [Girard, Fallery 2012], а также возможностью корректировки опубликованной информации; интерактивностью; отслеживанием популярности публикаций; доступностью старых материалов; мультимедийностью; неограниченностью по объему; ссылками на другие материалы [Scoble 2007].

Таким образом, привлекательность различных видов социальных медиа заключается в том, что это простой способ связаться с друзьями, знакомыми или даже целыми группами людей. Социальные сети позволяют отслеживать действия других пользователей благодаря потоку информации, фотографиям, видео, обновлениям статуса и т. д.; они предлагают виртуально поставить себя в центр внимания, рассматривая весь мир в качестве потенциальной аудитории.

Социальные медиа обладают как преимуществами, так и недостатками. Среди первых можно отметить, например, психосоциальные преимущества, поскольку они являются простым способом быть на связи с друзьями и семьей, развивать свой социальный капитал, т. е. совокупность выгод, получаемых от отношений и взаимодействия с другими; социокогнитивные и образовательные преимущества, которые могут заключаться в развитии творческих способностей в результате реализации и обмена различными изображениями, развитии критического ума, а также в обмене знаниями.

Риски и недостатки использования социальных медиа могут состоять в потенциальном воздействии нежелательного контента, киберпреследованиях, потери конфиденциальности и контроля над личной информацией.

Последнее время социальные медиа стали занимать и немаловажное место в процессе обучения. Надо отметить, что внедрение современных интернет-технологий в обучение требует большой подготовки:

создание или поиск соответствующего контента, разработка необходимых упражнений, развитие критического отношения к информации, доступной в Интернете, исследование педагогического потенциала новых технологий, возможность присоединиться к обучающимся в цифровых пространствах, которые они уже занимают, привлечение учащихся к созданию своих знаний, а не просто передача им информации и т. д.

Правильное использование социальных медиа будет способствовать созданию условий для обеспечения безопасности данных, защиты конфиденциальности и интеллектуальной собственности, развития критического ума, расширения кругозора, овладения социокультурной, межкультурной и социолингвистической компетенциями, в том числе в рамках изучения иностранных языков.

Одной из наиболее популярных форм осуществления коммуникации через социальные медиа являются видеоблоги, которые характеризуются определенными фонетическими особенностями. Для того чтобы быть доступными для понимания большинству пользователей, видеоролики должны быть краткими и выразительными с произносительной точки зрения, тем самым приближаясь к форме повседневного разговорного стиля и привлекая многочисленную аудиторию.

Разговорный стиль произношения

Необходимо отметить, что присутствующая в артикуляции редукция в разговорном стиле произношения зависит от социального и культурного статуса говорящих и может варьироваться, но, тем не менее, этот стиль в целом характеризуется изменением тембральной окраски гласных звуков (нейтрализацией противопоставлений гласных по открытости – закрытости, переднеязычности – заднеязычности), эллипсисом (выпадением гласных или согласных звуков, а также слогов и целых слов), оглушением согласных звуков, отсутствием связывания ('liaison'), а также употреблением значительного количества дополнительного ударения, интонационным разнообразием, варьированием скорости речи [Léon 1999; Blanche-Benveniste 2004].

Фонетическое исследование

Экспериментальный корпус

Для выявления фонетических особенностей, присущих социальным медиа на данном этапе развития, в качестве экспериментального

корпуса для перцептивно-слухового анализа были отобраны следующие видеоматериалы:

- Quand j'étais petit je croyais que...
(Cyprien. 20.02.2013. URL: www.youtube.com/watch?v=X9nJHPZCLys);
- Prendre l'avion
(Norman. 14.03.2013. URL: www.youtube.com/watch?v=G__utFMuR6I);
- Je déteste!
(Cyprien. 02.09.2013. URL: www.youtube.com/watch?v=rR6G_Js1BX8);
- 10 attitudes de beaux gosses
(Norman. 29.09.2013. URL: www.youtube.com/watch?v=aWRC1oklSDI);
- Les maniaques de l'hygiène
(Cyprien. 30.10.2013. URL: www.youtube.com/watch?v=3pKRgp9ChrE);
- Les jeunes et la technologie
(Cyprien. 04.07.2014. URL: www.youtube.com/watch?v=RAzOOjVA2_8);
- Ma Passion Secrète... (Bridge Constructor)
(Squeezie. 22.02.2015. URL: www.youtube.com/watch?v=na5S1r5VNrk);
- J'essaye des objets étranges
(Squeezie. 12.07.2017. URL: www.youtube.com/watch?v=6wMids1hD4U);
- Je découvre le BabyPhone...
(Norman. 08.07.2019. URL: www.instagram.com/p/BzqSIZ6gSNk/);
- Les fans de Suprême
(Norman. 26.07.2019. URL: www.instagram.com/p/B0YkeJFg_xr/).

Общее время звучания анализируемого материала составило 44 минуты 57 секунд.

Цель экспериментального исследования состояла в выявлении и анализе характеристик разговорного произносительного стиля на сегментном и супraseгментном уровнях и, соответственно, доказательстве принадлежности данного жанра к разговорному стилю общения.

Результаты исследования

Детальное изучение аутентичного материала позволило выявить специфику социальных медиа на произносительном уровне.

На сегментном уровне были отмечены следующие характеристики:

- выпадение гласных звуков в наиболее часто употребляемых словах, во вспомогательных глаголах, в служебных словах:

p(eu)t-être [ptɛt], p(u)isque [piskə], ça doit le toucher [dol-tu-ʃɛ], ça doit lui faire plaisir [do-lɥi-fɛʀ], m(ais) on joue [mɔ̃-ʒu], sortir (au) ciné [sɔʀ-ti-si-ne], il faut que je l(ui) dise [ʒəl-di:z], c'est p(eu)t-être t(o)i [ptɛt-ta], c'(est) parce que [spask], v(o)i là [vla] les filles;

- отсутствие гласной [y] в местоимении *tu* в конструкции *tu + avoir / être*:

t(u) (n')arrêtes pas souvent d(e) critiquer [ta-ret-pa], t(u) as [ta] vu, si t(u) es [tɛ] sur, t(u) as [ta] raison, t(u) es [tɛ] contente, t(u) avais [ta-vɛ] pris, t(u) n'as pas [ta-pa] pris, t(u) as [ta] laissé, t(u) n'as pas [ta-pa] compris, t(u) es [tɛ] au-dessus des gens;

- выпадение [ə] беглого, чаще всего в определенном артикле *le*, в местоимениях *je, me, se, ce, le*, союзе *que*, предлоге *de*:

ils continuent à l(e) faire [il-kɔ̃-ti-ny-a-lfɛ:r],
tout l(e) temps [tu-ltɑ̃],
j(e) n(e) sais pas si ça a d(e) la classe [ʃɛ-pa-si-sa-a-dla-klas],
le rideau d(e) douche [lə-ri-do-dduʃ],
j(e) pense [ʃpɑ̃:s],
la pub qui s(e) lance [la-pub-ki-slɑ̃:s],
sur l(e) site Air France [syr-lsit],
c(e) (n')est pas parce que j'ai des lunettes [sɛ-pa-paskə],
ça doit l(e) toucher [sa-dol-tu-ʃɛ],
qu(e) tu vas t(e) coucher [kty-vat-ku-ʃɛ],
j'aurais pas dû m(e) lever c(e) matin [ʒɔ-re-pa-dym-lə-ve-sma-tɛ̃],
bout d(e) papier [bu-tpa-pje],
coucher d(e) soleil [ku-ʃɛ-tsɔ̃-lɛj],
beaucoup d(e) belles [bo-ku-dbɛl] scènes,
l(e) même [lmɛm],
en train d(e) danser [ddɑ̃-se],
tu peux l(e) voir [lvwa:r],
s(e) casser [ska-se],
r(e)gar(de) [rga:r],
moi aussi, j(e) vais [ʒvɛ] prendre,
j(e) ne peux pas [ʃpø-pa],
il faut que j(e) prenne [fo-kʃprɛn],

j(e) veux [ʒvø] dire,
 on s(e) lève [slɛ:v],
 j(e) suis [ʃi] désolé,
 j(e) ne veux plus [ʒvø-ply] entendre parler,
 j(e) suis [ʃi] là,
 ta p(e)tite veste [ptit-vest],
 j'ai d(e)mandé [dmã-de],
 ça va m(e) permettre [sa-vam-pɛr-mɛt];
 c'est à c(e) moment-là qu'on appelle [a-smɔ-mã];
 un d(e) mes voisins [ẽ-dme-vwa-zẽ],
 tout ce qu'on [tu-skɔ] voyait,
 j(e) vais la r(e)mett(re) d(e)main [ʃve-la-rmɛt-dmẽ],
 c'est c(e) que j(e) pensais [sɛ-skə-ʃpã-sɛ];

- полное выпадение *il* в конструкции *il y a*:

(il) y a [ja] encore des mecs, (il) y a [ja] au moins un truc cool, (il) y a [ja] plein de terroristes, qu'(il) y a [kja] peut-être un risque, (il) y a [ja] de plus en plus de gens, si (il) y a [si-ja] de plus en plus de jeunes, qu'(il) y en a [kja-na] qui essayent, (il) y a [ja] beaucoup, (il) y a [ja] des gens, (il) y a [ja] un truc que je ne pourrais jamais faire;

- выпадение согласного *l* в местоимениях *il*, *ils* и иногда в именах существительных:

i(l) est [i-ɛ] en train de charger, qu'i(l) ne m'en parle plus [ki-nə-mã-parl-ply],
 les règ(les) de sécurité [le-rɛg-də-se-ky-ri-te],
 et comme i(l) ne vient pas [i-nə-vjẽ-pa],
 i(l)s arrivent [i-za-ri:v],
 i(l) se déshabille [i-sə-de-za-bij];

- в большинстве случаев выпадение отрицательной частицы *ne*:

j(e) (ne) comprends pas [ʒkɔ-prã-pa],
 ça (ne) marche pas [san-marʃ-pa],
 t(u) (n')arrêtes pas [ta-rɛt-pa] souvent d(e) critiquer,
 tu (ne) sait pas [sɛ-pa] lequel,
 je (ne) peux pas [ʒə-pø-pa],
 c(e) (n')est pas parce que [sɛ-pa-paskə] j'ai des lunettes,
 on (ne) sait pas [sɛ-pa],
 il (ne) vous reste plus [il-vu-rɛst-ply]
 qu'une chose à faire, (ne) m'en parle pas [mã-parl-pa],

tu (ne) vas pas [ty-va-pa],
ce (n')est pas [sɛ-pa] possible,
je (ne) veux plus [ʒə-vø-ply],
t(u) (n')as pas [ta-pa] compris;
quand je (ne) comprends pas [ʒən-kɔ̃-prɑ̃-pa] l'ironie,
je (ne) suis pas [ʒɥi-pa] digne de ton message,
ce qui (ne) me rend pas jaloux [ski-mə-rɑ̃-pa];

- деназализация носовых гласных или их полное отсутствие:

maintenant [mɛ-nɑ̃], ce genre [ʒa:r], qu'il y en a [ja-na], il est quatre heures du matin [mat], (on) ne sait pas [sɛ-pa], pendant [pa-ɑ̃];

- произнесение согласных *r* и *l* на конце слов и в середине или в группе нескольких согласных и, как следствие, оглушение последнего произносимого звонкого согласного звука:

dans not(re) bagage à main [nɔt-ba-ga:ʒ],
le droit de prend(re) [ldrwa-də-prɑ̃:t],
ce n'est pas pa(r)ce que j'ai des lunettes [sɛ-pa-paskə],
elle a peut-être [ptɛt] besoin,
qui essayent d'être [dɛt],
le nomb(re) [lɑ-nɔ̃:p],
je vais prend(re) [ʒə-ve-prɑ̃:t] une photo,
ce n'est pas possib(le) [pɔ-sip],
c'est pa(r)ce que [pas-kə],
ça va me permett(re) [sa-vam-per-met],
de l'aut(re) [lot] côté,
prend(re) [prɑ̃:t] l'ascenseur,
quand j'ent(re) [ʒɑ:t] dans l'eau,
j'ai d'aut(res) [do:t] talents,
j'ai vécu un aut(re) [no:t] truc,
j'aimerais tellement être [ɛt] comme ces gens-là;

- произнесение согласных *d*, *t*:

main(t)enant [mɛ-nɑ̃], tu leur dis (de) couper [di-ku-pe], ils sont encore en train (de) danser [trɑ̃-dɑ̃-se], regar(de) [rga:r] les fleurs, je (ne) veux plus enten(dre) parler [ʒə-vø-ply-ɑ̃-tɑ̃-par-le]], pen(d)ant [pa-ɑ̃];

- оглушение согласных звуков в местоимении *je* и предлоге *de* в результате выпадения [ə] беглого:

t(u) (n')arrêtes pas souvent d(e) critiquer [ta-rɛt-pa-su-vɑ̃-tkri-ti-ke],

j'aime plein d(e) trucs [ʒɛm-plɛ̃-ttryk],
 je (s)uis [ʃɥi] désolée,
 plein d(e) terroristes [plɛ̃-ttɛ-rɔ-rist],
 gilets d(e) sauvetage [ʒi-lɛ-tsof-ta:ʒ],
 j(e) (s)uis [ʃɥi] avec toi,
 je (s)uis [ʃɥi] là,
 j(e) pense [ʃpɑ̃:s],
 j(e) (ne) peux pas [ʃpø-pa],
 un coup d(e) fil [ku-tfil],
 faut qu(e) j(e) prenne [fo-kʃprɛn],
 coucher d(e) soleil [ku-ʃɛ-tso-lɛj],
 sur un bout d(e) papier [bu-tpa-pje],
 j(e) suis [ʃɥi] désolé;
 quand j'ai envie d(e) partir [tpar-ti:r],
 moi j(e) préfère [ʃpre-fɛ:r] ma méthode à moi,
 quand un d(e) mes voisins [ɛ̃-tme-vwa-zɛ̃] prend l'ascenseur,
 je vais rester [ʃve-rɛs-te] comme ça toute me vie,
 j(e) suis [ʃɥi] comme tout le monde,
 tout d(e) suite [tu tsɥit];

- отсутствие реализации обязательного связывания в конструкции *quand* + местоимение:

quand // on regarde, quand // un de mes voisins prend l'ascenseur, quand // il se déshabille, quand // il boit du vin rouge, quand // ils arrivent, quand // il se promène dans la rue;

- отсутствие факультативного связывания в большинстве случаев между глаголом *être* и последующим глаголом, неопределённым артиклем, предлогом; отрицательной частицей *plus*, *pas* и последующим словом; союзом *mais* и последующим словом:

il est // un peu à la mode, c'est // un service qui permet, on est // au milieu de danseurs, ils sont // encore en train de danser, je ne veux plus // entendre parler, mais // enfin c'est ridicule, tu n'as pas // aimé, c'est // une bombe, c'est // une blague, c'est // un truc de vie, c'est // un leader, c'est // un peu paradoxale.

На супraseгментном уровне звучащие тексты видеоблогов характеризуются:

- разнообразным темпом высказываний, однако быстрый темп речи преобладает, так как авторы блогов стремятся передать

максимум информации за минимальное количество времени, чтобы не утомлять слушателя;

- неоднородностью использования состава ритмических групп – чередованием кратких и длинных ритмических групп, что приводит к прерывистому ритму высказываний и в ряде случаев привлекает внимание аудитории;
- употреблением большого количества дополнительных ударений чаще всего эмоционального характера:

"tous les passagers, avec "toutes les règles de sécurité, je "déteste le rideau de douche qui te colle, il est "strictement "interdit, "attention, à "tout moment, on peut "techniquement les "mettre à "l'intérieur, un coup de fil "important, c'est le "réseau social, "indiquer le thème, il ne faut pas "utiliser, une comédie "romantique, "trop bien, "trop beau, qu'il m'en "parle plus, il n'e"xiste plus, j'ai supprimé "toutes ses photos, mais il ne me "répond pas, "que "voulais-tu "me dire, c'est "très bien, une "très bonne idée, ça "m'énerve, en "toutes circonstances, "remonter le temps, la phrase la plus "banale du monde, la "question de savoir, c'est "parti, "tout a "basculé, une règle "très simple, "rien ne les "dégoûte, à "tout prix;

- произнесением слов по слогам или фраз по словам в целях привлечения внимания к высказываемой информации.

Следует отметить, что такая супрасегментная характеристика, как паузы колебания, которая является одной из основных в разговорном стиле произношения, не была отмечена в проанализированном материале, что может быть связано с определенной степенью подготовленности речи, а также лимитом времени. Однако наличие основных характеристик разговорного стиля на фонетическом уровне подтверждает принадлежность текстов видеоблогов к этому произносительному стилю.

Заключение

Сложно представить себе современный мир и общение в нем без такого важного инструмента, как социальные медиа, однако они должны использоваться ответственно, чтобы не подвергать себя потенциальным рискам, связанным с их применением.

Социальные медиа всё чаще задействуются при обучении, открывая новые возможности в усвоении учебного материала. Они

способствуют развитию коммуникативных, редакционных, аналитических, технологических навыков, а также преодолению психологического барьера, который может возникнуть во время общения.

Проанализированный видеоматериал подтверждает суждение о том, что блогосфера является ярким примером разговорного фонетического стиля, так как тенденции к краткости и экспрессивности широко проявляются в данном типе дискурса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Blanche-Benveniste C.* Approches de la langue parlée en français. P. : Ophrys, 2004. 164 p.
- Girard A., Fallery B.* Réseaux Sociaux Numériques : revue de littérature et perspectives de recherche. Université Montpellier II, 2012. 12 p.
- Léon P. R.* Précis de phonostylistique : Parole et expressivité. P. : Nathan Université, 1999. 335 p.
- Scoble R.* What is social media? 2007. URL : scobleizer.com/2007/02/16/what-is-social-media/.

УДК 82.09

Е. А. Комарова

доктор филологических наук, доцент,
доцент кафедры языковой подготовки кадров государственного
управления Института государственной службы и управления
Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации; e-mail: kkomarova2000@yahoo.fr

ОСОБЕННОСТИ АВТОРСКОГО СТИЛЯ Ж.-К. ГЮИСМАНСА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПЕРЕВОДЕ

Статья посвящена анализу особенностей авторского стиля Ж.-К. Гюисманса: эстетической функции, декоративного эффекта, экфрасиса, лейтмотивных особенностей, экспрессивной лексики, редких слов и терминов, оригинальных метафор и неологизмов, сложного синтаксиса – в соотношении с его художественным переводом на русский язык. Авторский стиль Ж.-К. Гюисманса призван заменить объективную реальность искусством. Стилистическая сложность должна быть изучена и отражена в переводе. В качестве иллюстративного материала используется текст романа «Наоборот».

Ключевые слова: художественный перевод; авторский стиль; адекватность; эквивалентность; симулякр; экфрасис.

Е. А. Komarova

Doctor of Philology (Dr. habil.), Associate Professor,
Institute of Public Administration and Civil Service,
The Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration; e-mail: kkomarova2000@yahoo.fr

J.-K. HUYSMANS' WRITING STYLE IN LITERARY TRANSLATION

The article focuses on the analysis of peculiarities of J.-K. Huysmans' writing style: aesthetic function, decorative effect, ekphrasis, leitmotif features, expressive vocabulary, rare words and terms, original metaphors and neologisms, complex syntax – in correlation with its literary translation into the Russian language. J.-K. Huysmans' writing style is intended to substitute the objective reality by the art. Stylistic complexity should be studied and reflected in translation. The article is illustrated with *A Rebours* quotations.

Key words: literary translation; writing style; adequacy; equivalence; simulacrum; ekphrasis.

Введение

Актуальность обращения к художественному переводу непреходяща как в силу неограниченности использования средств выразительности в художественном стиле в общем, так и с учетом индивидуальности

авторского выбора лингвистических инструментов для передачи художественного замысла литературного произведения в частности. Ориентированность художественных текстов на эстетическую форму, значимость которой превосходит ценность информативной составляющей, определяет необходимость достижения не только адекватности, но и эквивалентности перевода. Этот факт, с одной стороны, предполагает множественность переводческих трактовок, а с другой – ставит перед переводчиком задачу серьезного изучения авторского стиля для последующего воспроизведения его особенностей в тексте перевода. Как отмечает С. В. Тюленев, «переводчик должен удовлетворить наибольшему числу требований, чтобы создать текст, максимально полно представляющий оригинал в иноязычной культуре» [Тюленев 2004, с. 257].

Эта задача превращается в тяжелый труд, если браться за перевод художественных произведений Жориса-Карла Гюисманса (1848–1907). Творческий путь писателя, начавшийся с приверженности позитивизму и натуралистической школе и завершившийся глубоким погружением в религиозный символизм в лоне католической церкви, чрезвычайно извилист: литературное наследие Гюисманса сочетает элементы различных форм художественного сознания, не только уже упомянутые натурализм и символизм, но и импрессионизм, декаданс и мистицизм. В то же время объединяющей его произведения доминантой можно считать экзистенциальный поиск абсолюта, для репрезентации которого автор создает уникальный сложный, не похожий ни на какой другой стиль. Если оригинальность идейной концепции позволяет говорить о Гюисмансе как о предтече модернизма, то его необычный стиль, с одной стороны, ставит его в один ряд с величайшими французскими писателями, а с другой – оказывает ему медвежью услугу, лишая его произведения массового читателя как во Франции, так и в России. Очевидно, что художественный перевод произведений Гюисманса предполагает проведение тщательного предпереводческого анализа, в противном случае далекий от классического стиль в сочетании с оригинальным авторским замыслом серьезно скажется на качестве перевода.

Лексические особенности стиля Гюисманса

Язык Гюисманса можно охарактеризовать как своеобразный симулякр нормативного литературного языка, который функционирует «от

обратного»: номинативная составляющая уступает эстетической ради декоративности. Приоритетом по отношению к содержанию мысли для писателя становится ее выражение. По мнению П. Коньи, от стиля Гюисманса «создается впечатление, что слово предшествует идее и порождает ее» [Cognu 1980, с. 121], при этом традиционный литературный метод предполагает противоположный порядок причины и следствия.

В романе «Наоборот» («A Rebours», 1884) стиль-симулякр становится средством создания искусственной реальности, порожденной творческим воображением персонажа, как способа найти убежище от ненавистного, враждебного мира. Идея обособленного универсума выражена, в частности, при помощи словесных лейтмотивов – повторяющихся элементов поэтики, актуальных для данного текстового пространства. Лейтмотивные манифестации включают как собственно языковые повторы и текстовые эквиваленты, вычлняемые по принципу дескриптивного гнезда, так и синонимические ряды, объединенные по принципу смыслового стяжения; и тропы, создающие эффект стилистического приращения. Так, например, чтобы передать идею «побега из мира», автор использует лейтмотивные глаголы *se réfugier, se blottir, se calfeutrer, se retirer*, семы которых связаны с понятиями уединенности, закрытости, укрытия. Они перекликаются с существительными той же дескриптивной группы *solitude* и *désert*. Добровольное затворничество имеет целью скомпенсировать утраченную реальность благодаря покою и наслаждениям (*quiétude, repos, jouissance*). Библейская метафора ковчега, на котором «он нашел бы убежище от нескончаемого потопа человеческой глупости» («une arche où il se réfugierait loin de l'incessant déluge de la sottise humaine»), подытоживает обозначенное семантическое поле.

Словарные синонимы *abri, refuge, retraite* расширяют лейтмотивный концепт дома, служащего одновременно пристанищем, убежищем и укрытием. Знаковый характер индивидуально сотворенного мира, заместившего реальность, подчеркивается лексическими единицами, объединенными по принципу смыслового стяжения идеей противопоставления субъективного объективному: *artifice* (вместе с однокоренным *artificiel*), *factice, fantaisie, rêverie (rêve, rêver), imagination (imaginaire), hallucination, mensonge, création (créateur, créer), produire, bizarre, étrange*. Искусственно созданный мир эксплицируется образом фиваиды (*thébaïde*) как тихого, уединенного,

места, пристанища спокойной, строгой жизни. Однако эпитет *raffinée* смещает акцент со строгости на художественную наполненность, на творческую составляющую универсума дез Эссента: только погружение в искусство, с его точки зрения, способно реализовать идею отрицания действительности.

Экспрессивность авторского словаря достигается, в частности, благодаря использованию необычных, редких, порой причудливых слов с высокой степенью стилистической выразительности. Ж. дез Эссент испытывает отвращение к произведениям латинских классиков, и это чувство передается в тексте с помощью эмотивов *supplicier* и *horripiler* (терзать и доводить до белого каления соответственно), а также метафорического употребления глагола *constiper* (вызывать запор). Ознаменовавшее конец Античной эпохи падение Римской империи характеризуется аккумуляцией лексических единиц, описывающих и материальные последствия вторжения варваров, такие как разрушения, пожары, грабежи и резню (*pillage, assassinat, carnage, piler, crouler, s'écraser, saccager, flamber, se débattre dans le sang*), и произведенное этими событиями впечатление опустошающего ужаса и отвращения (*effrayant, effroyable, épouvantable, abominable, affreux*). Ненависть к веку, в котором рожден персонаж, отвратительному, гнусному, подлому, подчеркивается серией предельно эмоционально насыщенных эпитетов: *horrible, atroce, infâme, affreux, hideux, abject, ignoble*.

Гюисманс создает семантические неологизмы, позволяющие привлечь внимание к описываемому образу. Так, говоря о позднеримской литературе и о произведениях современной ему эпохи декаданса, писатель стремится подчеркнуть их умышленное несовершенство, своего рода ущербность с точки зрения классического подхода, вводя в обиход эпитет *faisandé* (подпорченный, с душком, с гнильдой). Сегодня этим термином литературоведы активно характеризуют как произведения самого Гюисманса, так и творчество других представителей декадентского направления.

Оригинальные, подчас неожиданные образы выходят из-под пера Гюисманса благодаря игре ассоциаций. Например, латынь последних веков существования империи сравнивается в романе с больным, дряхлым, агонизирующим телом. В предлагаемом авторском переводе мы постарались сохранить «пропитавшую образ» идею распада:

«Интерес, питаемый дез Эссентом к латинскому языку, не ослабевал, особенно в ту эпоху, когда вздернутый на виселицу, он неотвратимо разлагался, теряя конечности, истекая гноем, чудом сохранив на истлевшем теле несколько нетронутых участков, которые христиане отделяли и мариновали в рассоле своего нового языка». Эта метафора развивается в следующих главах: дез Эссент смакует «переспелый вкус» произведений декадентских писателей, «сморщенная кожа» которых покрыта «гнилью» и «нездоровыми пятнами» и размышляет о «предсмертном бреде, последних судорогах латинского языка, заходящегося старческим хрипом в глуши монастырей».

Пример перевода синтаксических конструкций

Фраза Гюисманса характеризуется использованием сложных синтаксических периодов. Обилие вводных оборотов и придаточных предложений позволяют передать в одном предложении весь объем ощущений и впечатлений от объекта описания. Позже аналогичный стилистико-структурный тип фразы будет использовать и совершенствовать Марсель Пруст, стремясь отразить целостность внутреннего мира в его динамике. Примером гюисмансовской фразы может послужить описание воспоминаний детства, в которые погружается Ж. дез Эссент под стрекотание сверчка. Одно предложение объединяет и содержательный план реальности, вызвавшей картины прошлого, и ретроспективный образ детских ощущений, и их воздействие на эмоциональное состояние персонажа:

Ainsi, par haine, par mépris de son enfance, il avait pendu au plafond de cette pièce une petite cage en fil d'argent où un grillon enfermé chantait comme dans les cendres des cheminées du château de Lourps; quand il écoutait ce cri tant de fois entendu, toutes les soirées contraintes et muettes chez sa mère, tout l'abandon d'une jeunesse souffrante et refoulée, se bouscuaient devant lui, et alors, aux secousses de la femme qu'il caressait machinalement et dont les paroles ou le rire rompaient sa vision et le ramenaient brusquement dans la réalité, dans le boudoir, à terre, un tumulte se levait en son âme [Huysmans 1975, с. 60].

К сожалению, в русских переводах романа «Наоборот» (в частности, в сборнике «Три символистских романа», опубликованном в 1995 г.) нередко авторские периоды разделяются на несколько простых предложений, что, на наш взгляд, разрушает целостность образа.

В качестве альтернативы мы предлагаем другой вариант перевода, в котором постарались по возможности адекватно и эквивалентно отобразить как семантические элементы, так и единство структуры, чтобы сохранить единство впечатления, задуманное автором:

«Так, из ненависти, из презрения к детским годам, он подвесил к потолку комнаты маленькую серебряную клетку со сверчком, и стрекотание насекомого, столько раз слышанное у погасшего камина в замке Лур, вызывало в памяти принужденные молчаливые вечера в обществе матери, одиночество болезненной, отторгаемой юности, и тогда, от дрожи женщины, которую он машинально продолжал ласкать, и слова или смех которой разрушали видение и возвращали его к реальности, в этот будуар, на брэнную землю, в его душе рождался ропот».

Стилистика экфрасиса «Саломей» в переводе

Писательская манера Гюисманса изобразительна не в меньшей степени, чем нарративна. В одном из писем к Эдмону де Гонкуру писатель говорил о своем стремлении к «живописной литературе», т. е. о создании при помощи слов того же эффекта, которого добивались посредством кисти голландские художники: «Faire avec sa plume ce que les peintres hollandais ont réalisé avec leur pinceau» [Huysmans 1956, с. 59]. Не удивительно, что, руководствуясь этим принципом, Гюисманс фактически превратил свои произведения в художественный каталог. Не стал исключением и роман «Наоборот», литературный стиль которого выстроен вокруг экфрасисных изображений. В данной статье термин «экфрасис» относится не только к описанию готовых произведений искусства, но и репрезентирует любой материализованный художественный замысел, любой повседневный предмет или сюжет, сознательно превращенный в художественное произведение.

В экфрасисных описаниях отчетливо прослеживаются все вышеупомянутые особенности авторского стиля. Так, экфрасис картины Гюстава Моро «Саломея» выстраивается вокруг трех основных образов. Первым из них является дворец – резиденция тетрарха Ирода. Писатель уделяет особое внимание перечислению архитектурных деталей, используя при этом специальную малоупотребительную лексику (*vasque, dôme, pilier roman, arcade, paroi, colonne, voûte, polychrome*) наряду с повседневной лексикой: *voûtes qui jaillissent,*

arômes qui dégorgent, colonnes trapues, feux des pierres qui trouent la fumée. Изысканные трехчастные конструкции позволяют избежать повторов. Так, например, декоративная отделка дворца выражена следующими дополняющими друг друга эпитетами: *incrustées de lapis et de sardoines* (инкрустированные лазуритом и сердоликом), *serties de mosaïques* (оправленные мозаикой), *émaillées de briques polychromes* (глазурованные полихромной плиткой).

Вторая семантическая составляющая экфрасиса – это образ Ирода, представленный лейтмотивами старости и блеклости: желтое пергаментное лицо в кольцах морщин, истребленное возрастом (*décimée par l'âge, annelée de rides, parcheminée, jaune*), усыпленные чувства (*sens assoupis*); подобная белому облаку борода (*comme un nuage blanc*), проступающий сквозь дымку благовоний силуэт (*vapeur, parfum, nuée, fumée, poudre*).

Семантические концепты чувственности и сияния, составляющие портрет Саломеи, являются антитезой образа Ирода: обнаженная грудь, влажная кожа, матовая плоть, кожа оттенка чайной розы, похотливый танец, порочный аромат, цветок лотоса в руке (*bouts des seins, moiteur de la peau, chair mate, peau rose thé, danse lubrique, odeur perverse, grand lotus*); роскошные украшения из драгоценных камней и металлов: *orfèvreries, ceintures, colliers, bracelets, diamants, perles, bagues, or, argent*. Лейтмотив сияния и блеска передается благодаря эпитетам *éblouissant, ramagé, couturé, lamé, splendide*, метафоре *cuirasse des orfèvreries* и образным глаголам и глагольным выражениям *entrer en combustion, cracher des étincelles, scintiller*. Авторские эпитеты-неологизмы *marbré de carmin, ponctué de jaune aurore, diapré de bleu d'acier, tigré de vert paon*, отражающие блеск драгоценных камней танцовщицы, содержат каждый не менее трех сем, детализирующих его оттенки. В ореоле сияния Саломея сама становится произведением искусства, изысканным ювелирным украшением:

Sur sa robe triomphale, couturée de perles, ramagée d'argent, lamée d'or, la cuirasse des orfèvreries, dont chaque maille est une pierre, entre en combustion; croise des serpenteaux de feu, grouille sur la chair mate, sur la peau rose thé, ainsi que des insectes splendides, aux élytres éblouissants, marbrés de carmin, ponctué de jaune aurore, diaprés de bleu acier, tigrés de vert paon [Huysmans 1975, с. 115].

В упомянутом русском переводе сложные эпитеты упрощены и низведены до простого перечисления цветов, некоторые опущены, синтаксическая структура не сохранена. В предлагаемом варианте мы попытались учесть стилистику данного экфрасисного описания:

«Ее торжественное платье, унизанное жемчугом, расписанное серебряными узорами, расшитое золотыми нитями, подобно драгоценной кольчуге, каждое звено которой – сверкающий камень; оно вспыхивает, искрится огненными змейками, трепещет на матовой плоти, на коже оттенка чайной розы, словно усеянное переливающимися крылышками ослепительных насекомых в мраморно-алых разводах, в желто-рассветных крапинах, в сине-стальных пестринах, в зелено-павлиньих штрихах».

Тот же образ в экфрасисе акварели Моро «Явление» представлен аналогичными концептами:

«Саломея почти обнажена; в пылу танца тонкая вуаль разошлась, парча спала, она одета лишь в ювелирные украшения и сияющие камни; кольцо облегает ее так же плотно, как корсаж; подобно великолепному аграфу, чудесный камень ослепительно искрится в ложбинке между грудями; ниже пояс охватывает бедра, скрывая их основание, о которое бьется гигантская подвеска, струящаяся брызгами рубинов и изумрудов».

Специфика перевода экфрасисных описаний

Экфрасисному описанию патриархальной Голландии свойственны легкая фривольность и грубоватое акцентирование физиологических деталей, столь характерные для голландской жанровой живописи:

Il s'était figuré une Hollande, d'après les oeuvres de Teniers et de Steen, de Rembrandt et d'Ostade, s'attendant à cette bonhomie patriarcale, à cette joviale débauche célébrée par les vieux maîtres <...>. Le peuple, non dégrassé, ressemblait bien à celui peint par Van Ostade, avec ses enfants non équarris et taillés à la serpe et ses commères grasses à lard, bosselées de gros tétons et de gros ventres <...> sur des gazons semés de futailles, des danses de paysans et de paysannes pleurant de joie, trépignant de bonheur, s'allégeant à force de rire, dans leurs jupes et dans leurs chausses [Huysmans 1975, с. 225].

Отметим, что и в этой сцене опубликованный русский перевод отчасти стилистически «причесан», нивелирован, а также содержит опущения и добавления. Возможно, варианты *жизнерадостный*

разгул (joviale débauche), неумытый (non décrassé), нескладные, словно вырезанные кривым ножом (non équarris et taillés à la serpe), заплывшие жиром кумушки (commères grasses à lard), топчущие ногами от счастья (trépigant de bonheur), а также пропущенный и измененный в переводе отрывок: *облегчаясь от смеха в юбки и штаны (s'allégeant à force de rire, dans leurs jupes et dans leurs chausses)* придали бы переводу большее сходство с оригиналом.

В качестве еще одного яркого примера экфрасисного описания приведем сцену званого ужина, который Ж. дез Эссент устраивает как поминки по мужественности. Чтобы подчеркнуть нарочитую искусственность события, Гюисманс использует цветные «симулякры» – лексические единицы, имитирующие традиционный для европейской культуры траурный цвет – черный. Собственно черный, безусловно, присутствует в описании столовой, выходящей в сад: запудренные углем аллеи (*allées poudrées de charbon*), затянутая черным столовая (*salle à manger tendue de noir*), тарелки с черной каймой (*assiettes bordées de noir*), черная скатерть (*nappe noire*), окаймленный базальтом бассейн (*bassin bordé d'une margelle de basalte*). В меню предлагаются блюда черного цвета: черная икра, трюфели, маслины, ежевика, соус цвета гуталина (*caviar, truffes, olives mûres, mûres, sauce couleur de cirage*).

Но одновременно с черным в описании ужина присутствуют различные оттенки темных цветов, которые подчеркивают ложность церемонии и не позволяют принять лжереальность за действительность. Имитация выражена темно-зеленой хвоей кипарисов и сосен (*massifs disposés de cyprès et de pins*), фиолетовым и лиловым тонами цветочных корзин со скабиозами и фиалками (*corbeilles de violettes et de scabieuses*), темно-серым ржаным хлебом (*pain de seigle russe*) и темно-красными персиками и черешней (*brugnons, guignes*), а также блюдами всевозможных коричневых оттенков: копченые кровяные колбасы (*boudins fumés*), черепаховый суп (*soupes à la tortue*), шоколадный крем (*crèmes au chocolat*), соус лакричного цвета (*sauce couleur jus de réglisse*). Необходимо отметить, что по сравнению с оригиналом, в котором сема «черный» не эксплицируется во внешней форме слова, русский перевод автоматически интенсифицирует ее за счет корня «черн-» и его паронимов (черный хлеб, черная икра, чернослив, черника, черешня, черепаховый суп).

В русском переводе отдельные элементы этого эпизода акцентированы по сравнению с оригиналом: *водоем наполнен черными чернилами, на столе стояли корзины с темными фиалками и скабиозами, гости ели черный хлеб, чернику, чернослив* [Гюисманс 1995]. Нам представляется не вполне правомерным стремление переводчика усилить общее цветовое впечатление за счет добавлений «черные чернила», «темные фиалки», «черный хлеб» вместо «ржаной», замены «ежевика и темно-красные персики» на «черника и чернослив», ведь по авторскому замыслу речь идет о пародии, поэтому черный цвет в оригинале нередко подменяется темными оттенками других цветов.

В качестве примера перевода экфрасисного описания приведем стихотворение в прозе «Красная камей», вошедшее в сборник «Ваза с пряностями» [Huysmans 1975, с. 347]. Созданное в отчетливо импрессионистической манере, оно представляет собой изображение комнаты в лучах заката. Все предметы интерьера: мебель, картины, шторы, ковер, обивка стен – относятся к единой цветовой гамме, включающей самые разнообразные оттенки красного цвета – от ярких и насыщенных до бледных и приглушенных, включая смежные колористические нюансы: пурпурный (*pourpre*), малиновый (*cramoisi*), цвет винного осадка (*lie de vin*), гранатовый (*grenat*), вишневым (*cerise*), медный (*cuiivre*), золотисто-коричневый (*mordoré*), рыжий (*rousse*), алый (*carminé*), ярко-розовый (*incarnat*), розовый (*rose*). Сангвины Франсуа Буше выполнены красным карандашом, при этом внутренняя форма художественного термина содержит корень «*sang*» (кровь). Заходящее солнце представлено метафорой огня, пламени (*incendie, flamme, fleurs rouges* в значении «лучи солнца»), пожар красок выражен экспрессивными глаголами *brûler, aveugler, étinceler, allumer* и эпитетами *fulgurant, scintillant, éblouissant, rutilant*. В предлагаемом далее переводе (приведенном с небольшими сокращениями) мы попытались сохранить и живописный эффект, и ослепительное неистовство цветовых оттенков, присущие оригиналу.

Красная камей

«Комната была затянута розовым атласом, затканым малиновыми разводами, шторы тяжело ниспадали с окон, ломая о ковер в пурпурных цветах бархатно-гранатовые складки. На стенах висели сангвины

Буше. Диван, кресла, стулья были обиты похожей на драпировку стен тканью в ярко-розовую сеточку, а на камине, увенчанном зеркалом без амальгамы, в котором отражались осеннее небо, облагороженное заходящим солнцем, и лес, одетый в листву оттенка винного осадка, в широкой вазе распускался огромный букет алых азалий, амарантов, цветов наперстянки и шалфея.

В это мгновение солнце затопило будуар красными цветами, уколото огненными блестками изгибы бокала, заставило вспыхнуть дымчатым топазом сладостный ликер и, разбивая лучи о медь подносов, разожгло искрящиеся пожары. На фоне сверкающего хаоса языков пламени вырисовывался силуэт женщины, похожей на мадонн Чимабуэ и Фра Анжелико, чьи головы озарены золотыми нимбами.

Эти красные фанфары дурманили меня; буйные, насыщенные, необыкновенно резкие цвета ослепляли; я закрыл глаза, а когда открыл их, чарующие всполохи погасли, солнце зашло!

И всё же летом, когда ностальгия по красному цвету гнетет меня сильнее, я поднимаю голову к солнцу, и тогда, под его жгучими укусами, сквозь упрямо закрытые веки, я чувствую, как глаза застилает красная пелена, вспоминаю свои ощущения и на мгновение вновь переживаю волнующее очарование, незабываемое упоение».

Заключение

Проанализированные примеры, безусловно, не исчерпывают все богатство авторского стиля Жориса-Карла Гюисманса, но позволяют составить представление как о способах воплощения в тексте писательской идейно-эстетической концепции, так и о затруднениях, с которыми неизбежно сталкивается переводчик в процессе создания адекватного и эквивалентного художественного перевода. Характерный для Гюисманса эффект декоративности, реализующий идею замещения объективной реальности искусственным миром «наоборот» – симулякром, требует детального анализа на всех языковых уровнях, тем более необходимого, что оригинальный стиль писателя сугубо индивидуален и далек от классического.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Гюисманс Ж.-К. Наоборот : роман / пер. Е. Кассировой, В. Толмачёва // Три символистских романа. М. : Республика, 1995. С. 3–142.
- Тюленев С. В. Теория перевода. М. : Гардарики, 2004. 336 с.

- Huysmans J.-K.* A Rebours. Le Drageoir aux épices. P. : U.G.E., 1975. 457 p.
Huysmans J.-K. Lettres inédites à Edmond de Goncourt. P. : Nizet, 1956. 140 p.
Cogny P. L'obsession créatrice du mot: étude de notes inédites de J.-K. Huysmans // L'esprit de décadence. Colloque de Nantes, 1980. V. 1. P. 118–128.

REFERENCES

- Gjuismans Zh.-K.* Naoborot : roman / per. E. Kassirovoj, V. Tolmachjova // Tri simbolistskih romana. M. : Respublika, 1995. S. 3–142.
Tjulenev S. V. Teorija perevoda. M. : Gardariki, 2004. 336 s.
Huysmans J.-K. A Rebours. Le Drageoir aux épices. P. : U.G.E., 1975. 457 p.
Huysmans J.-K. Lettres inédites à Edmond de Goncourt. P. : Nizet, 1956. 140 p.
Cogny P. L'obsession créatrice du mot: étude de notes inédites de J.-K. Huysmans // L'esprit de décadence. Colloque de Nantes, 1980. V. 1. P. 118–128.

УДК 81'25

Л. А. Мурадова

кандидат филологических наук, доцент,
профессор кафедры романских языков им. В. Г. Гака Института иностранных
языков Московского педагогического государственного университета;
e-mail: lar.muradova2010@yandex.ru

АНТРОПОНИМЫ В ЗАГЛАВИЯХ РУССКОЯЗЫЧНЫХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ И ОСОБЕННОСТИ ИХ ПЕРЕДАЧИ НА ФРАНЦУЗСКИЙ ЯЗЫК

Статья посвящена проблеме передачи на французский язык заглавий русскоязычных художественных произведений. Рассмотрены названия, представляющие собой имя собственное личное (далее – ИС) или имеющие антропоним в качестве одного из своих компонентов. Представлены структурные типы такого рода заглавий; показано, что трудности, возникающие при их переводе, обусловлены как общими проблемами передачи русских ИС на французский язык, так и специфической заголовка как особого вида текста. Отмечено, что в ряде случаев невозможно адекватно отразить в языке перевода все коннотации русских ИС, например имен с суффиксами субъективной оценки, антропонимов, обладающих лексическим фоном, а также так называемых говорящих ИС.

Ключевые слова: заглавие; антропоним; художественное произведение; русский язык; французский язык; перевод; транскрипция; транслитерация.

L. A. Muradova

PhD (Philology), Associate Professor,
Professor at the Department of Romance languages,
Moscow State Pedagogical University;
e-mail: lar.muradova2010@yandex.ru

ANTHROPONYMS IN THE TITLES OF RUSSIAN LITERATURE AND THEIR TRANSLATION INTO FRENCH

The article addresses the problem of translating titles of Russian literary works into French. The focus is given to titles expressed by personal names or containing an anthroponym as one of its components. The structural types of such titles are presented. It is demonstrated that the difficulties in translating such titles are connected both with the common problems of conveying Russian personal names in French and the characteristics of the title as a special kind of text. In some cases it is impossible to reflect adequately in the translation all the connotations of Russian personal names, for example names containing suffixes with subjective evaluation, anthroponyms possessing lexical background and the so-called “telling names” (charactonyms).

Key words: title; anthroponym; literature; Russian; French; translation; transcription; transliteration.

Введение

Цель статьи – анализ способов передачи антропонимов (имен собственных личных, ИС), выступающих в качестве названия или компонента названия литературного произведения. Материалом для изучения послужили заглавия русскоязычных произведений и их переводов на французский язык, выбранных из *Dictionnaire des auteurs* (DA) [Laffont, Vompiani 1988], «Словаря названий литературных произведений» [Мурадова 2005], сайтов *Bibliothèque russe et slave*, *Traductions d'écrivains russes du XXe siècle dans les collections de la Bibliothèque nationale de France* и других франкоязычных электронных ресурсов, посвященных русской литературе.

Стоит отметить, что произведение, а, следовательно, и его заглавие, может быть переведено и опубликовано на языке перевода, а может представлять, скорее, филологический интерес и фигурировать на страницах специальных словарей. Безусловно, первый тип заслуживает большего внимания, так как в этом случае заглавие переводится после прочтения всего произведения, что позволяет глубже проникнуть в замысел автора и донести его до иноязычного читателя. Если же произведение не издано, а лишь упоминается, например при анализе творчества того или иного автора, не исключен буквальный перевод названия. В данной статье заглавия произведений, которые, как нам удалось установить, *переведены* на французский язык, отмечены знаком – *.

1. Типы антропонимов в заглавиях литературных произведений

При анализе заглавий литературных произведений, представляющих собой антропоним, или включающих в свой состав компонент-антропоним, были выявлены следующие структурные модели:

1. Имя		
Л. Андреев	«Анфиса»	<i>Anfissa</i> (DA) / <i>La neige t la nuit : Anfissa</i> * ¹
В. Короленко	«Сон Макара»	<i>Le rêve de Makar</i> * / <i>Le songe de Makar</i> *
А. Толстой	«Детство Никиты»	<i>L'enfance de Nikita</i> (DA)

¹ Варианты перевода отделяются друг от друга косой чертой.

2. Имя + имя (сочинительная связь)		
А. Пушкин	«Руслан и Людмила»	<i>Rousslane et Lioudmila*</i> / <i>Rouslan et Lioudmila</i> (DA)
3. Имя + отчество		
В. Гаршин	«Надежда Николаевна»	<i>Nadejda Nikolaïevna</i> (DA)
Н. Гоголь	«Как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем»	<i>Comment Ivan Ivanovitch se brouilla avec Ivan Nikiforovitch*</i> / <i>La Brouille d'Ivan Ivanovitch et Ivan Nikiforovitch</i> (DA)
А. Солженицын	«Один день Ивана Денисовича»	<i>Une journée d'Ivan Denissovitch*</i>
4. Фамилия		
М. Булгаков	«Дни Турбиных»	<i>Les journées des Tourbine*</i>
И. Гончаров	«Обломов»	<i>Oblomov*</i>
А. Пушкин	«Дубровский»	<i>Doubrovski*</i>
М. Салтыков-Щедрин	«Господа Головлевы»	<i>Les Messieurs Golovleff*</i>
Л. Улицкая	«Казус Кукоцкого»	<i>Le cas du docteur Koukotski*</i>
5. Имя + фамилия		
М. Горький	«Фома Гордеев»	<i>Thomas Gordéiev*</i> / <i>Foma Gordeïev*</i> / <i>Thomas Gordeev</i> (DA)
И. Тургенев	«Клара Милич»	<i>Clara Militch*</i>
Л. Толстой	«Анна Каренина»	<i>Anna Karénine*</i>
6. Фамилия + имя (сочинительная связь)		
А. Введенский	«Куприянов и Наташа»	<i>Kouprianov et Natacha*</i>
7. Имя + отчество + фамилия		
Н. Гоголь	«Иван Федорович Шпонька и его тетушка»	<i>Ivan Fedorovitch Schponka et sa tante*</i>

8. Обозначение родственных отношений + ИС		
С. Аксаков	«Детские годы Багрова-внука»	<i>(Les) Années d'enfance du petit-fils Bagrov (DA)</i>
Ф. Достоевский	«Братья Карамазовы»	<i>Les frères Karamazov*</i>
А. Чехов	«Дядя Ваня»	<i>Oncle Vania*</i>
9. Профессия, титул или звание + фамилия		
И. Бунин	«Дело корнета Елагина»	<i>L'affaire du Cornette Elaguine*</i>
Б. Пастернак	«Доктор Живаго»	<i>Le docteur Jivago*</i>
А. Пушкин	«Граф Нулин»	<i>Le comte Nouliné*</i>
10. Имя + прозвище		
Д. Григорович	«Антон-Горемыка»	<i>Antoine le Malheureux / Antoine le Disgracié (DA) / Antoine le pauvre hère / Antoine-Traîne-Misère</i>
А. Солженицын	«Захар-Калита»	<i>Zacharie l'Escarcelle*</i>

2. Особенности перевода заглавий, представляющих собой антропоним или включающих его в свой состав

1. Трудности, возникающие при переводе подобного рода названий, обусловлены общими проблемами передачи русских ИС на иностранный язык. Прежде всего, следует отметить, что сложность воспроизведения русских антропонимов во французском языке вызвана различиями в фонетической системе этих языков и использовании ими разных алфавитов (кириллица / латиница) [Гак 2018; Мурадова 2007; Sakhno 2006]. Следствием указанных расхождений является наличие вариативности при фиксации ИС. Например, упомянутое выше личное имя *Руслан* в составе заглавия пушкинской поэмы «Руслан и Людмила» передается двумя способами: *Rousslane / Rouslan*, а ИС в названии пьесы М. Горького «Фома Гордеев» – тремя: *Thomas Gordéiev, Foma Gordeïev, Thomas Gordeev*. Различия в представленных названиях могут объясняться хронологическим фактором: в более

поздних переводах чаще используется транскрипция, переводчик старается, насколько это возможно, передать произношение языка-источника (*Thomas* в переводах 1901 и 1950 гг., *Foma* – в 2005 г.).

2. Название литературного произведения может представлять собой ИС исторического лица, которое в этом случае передается в соответствии с установившейся традицией:

В. Маяковский	«Владимир Ильич Ленин»	<i>Vladimir Ilitch Lénine*</i>
А. Пушкин	«Борис Годунов»	<i>Boris Godounov*</i>
А. Толстой	«Петр Первый»	<i>Pierre le Grand*</i>

3. При передаче имени собственного личного, входящего в название произведения, практически до XX в. использовалось соответствующее ИС в его национальной форме, т. е. переводчик прибегал к методу транспозиции [Ермолович 2001, с. 24]. Приведем примеры французских и русских этимологических соответствий:

Э. Жодель	<i>Eugène</i>	«Евгений»
О. де Бальзак	<i>Eugénie Grandet</i>	«Евгения Гранде»*
П. О. Бомарше	<i>Eugénie</i>	«Евгения»*
А. Пушкин	«Евгений Онегин»	<i>Eugène Onéguine*</i>

Однако, начиная с последней трети XIX в., переводчики охотнее используют транскрипцию:

Э. Золя	<i>Son excellence Eugène Rougon</i>	«Его превосходительство Эжен Ругон»*
Г. Монмуссо	<i>L'oncle Eugène selon Jean Brécot</i>	«Дядя Эжен по Жану Бреко»

Свидетельством колебаний между использованием транскрипции и национальной формы личного имени являются варианты:

И. Тургенев	«Яков Пасынков»	<i>Jacques Passinkov*</i> <i>Jacques Pasyнков (DA)</i> <i>Iakov Pasyнков (Le Petit Robert)</i>
Л. Андреев	«Катерина Ивановна»	<i>Catherine Ivanovna*</i> <i>Ekaterina Ivanovna*</i>

4. Особую трудность для передачи на иностранный язык представляют русские уменьшительные имена. При передаче на другой язык у читателей нередко возникают трудности с идентификацией вариантов одного и того же имени [Ермолович 2001, с. 27]. Восстановить полную форму имени, основываясь на уменьшительной, бывает трудно даже носителю русского языка. Так, далеко не очевидным для русскоязычного читателя является тот факт, что героини романов И. Тургенева «Ася» и Ф. Достоевского «Нечочка Незванова» (*Ničetochka Nézvanova**) носят одно и то же полное имя – Анна:

«К тому же она меня назвала Нечочкой, что значило, что в эту минуту она особенно любит меня. Это название она изобрела сама, любовно переделав мое имя, Анна, в уменьшительное Нечочка <...>. Она, бедная, долго гладила меня потом по голове, – может быть, уже машинально и позабыв, что ласкает меня, и всё приговаривала: «Дитя мое, Аннета, Нечочка!» [Достоевский 1972, с. 164]

«Ася (собственное имя ее было Анна, но Гагин называл ее Асей, и уж вы позвольте мне ее так называть) – Ася отправилась в дом и скоро вернулась вместе с хозяйкой» [Тургенев 2008, с. 164].

Напомним, что И. С. Тургенев, недовольный переводами повести на французский язык, в 1869 г. перевел ее сам, а для того чтобы иностранный читатель соотнес имя героини с полной формой «Анна», приводит в названии произведения более частотный диминутив *Annouchka**, снабдив его комментарием: «*Annouchka ou Assia, diminutif d'Anna*» [Тургенев 1980, с. 448].

Передать на иностранном языке нюансы, которые намеревался донести до читателя автор, используя уменьшительную форму, в большинстве случаев оказывается невыполнимой задачей: русские имена собственные с суффиксами субъективной оценки даются по-французски без корреляции с полной формой, что неизбежно приводит к снижению степени выразительности названия произведения:

А. Апухтин	«Дневник Павлика Дольского»	<i>Le journal de Pavlik Dolsky*</i>
И. Бабель	«Любка Казак»	<i>Lioubka la Cosaque*</i>
М. Булгаков	«Зойкина квартира»	<i>L'appartement de Zoïka*</i>
И. Бунин	«Митина любовь»	<i>L'amour de Mitia*</i>
Н. Гарин	«Детство Темы»	<i>Enfance de Tioma*</i>

Л. Добычин «Шуркина родня»	<i>Chourka et sa famille*</i>
А. Дружинин «Полинька Сакс»	<i>Polinka Saxe*</i>
В. Набоков «Машенька»	<i>Machenka*</i>
З. Прилепин «Санья»	<i>San'kia*</i>
Л. Улицкая «Сонечка»	<i>Sonietchka*</i>
«Искренне ваш Шурик»	<i>Sincèrement vôtre, Chourik*</i>

Сомнительно, что незнакомому с русским языком читателю удастся соотнести имена *Chourka*, *Chourik*, *San'kia* с именем Александр, тем более что уменьшительное имя главного героя книги З. Прилепина дано в просторечной форме (так называет своего внука живущая в деревне бабушка) и передать сопровождающие это ИС коннотации на французский язык практически невозможно.

5. Как известно, ономастическая лексика является носителем «лексического фона». Имена собственные личные могут различаться по происхождению, социальной окраске, стилевой принадлежности, употребительности [Верещагин, Костомаров 1983, с. 71–72]. Так, с точки зрения носителя русского языка, форма личного имени «Сергий», в отличие от общепринятого «Сергей», свидетельствует о принадлежности главного героя повести Л. Н. Толстого «Отец Сергей» к духовному званию. В заглавии романа М. Горького «Фома Гордеев» фигурирует удачно подобранное для представителя купеческого сословия имя, его вряд ли можно было заменить дворянскими ИС «Евгений Онегин» или «Григорий Печорин». Франкоязычный читатель, воспринимая переводные названия *Le Père Serge** и *Foma Gordéev*, лишен возможности уловить эти оттенки.

Имя «Матрена» (А. Солженицын «Матренин двор» / *La maison de Matriona**) оценивается носителем русского языка как «деревенское», «крестьянское», в то время как во французском переводе, лишившись социальной окраски, оно воспринимается, скорее, как иностранное.

6. Личное имя может быть локализовано территориально. Когда русскоязычный читатель видит название повести Н. Гоголя «Тарас Бульба» (*Tarass / Taras Boulba**), для него ясно, что речь, скорее всего, пойдет об Украине, в то время как для французского читателя данный факт далеко не очевиден.

7. Проблемы возникают и при переводе так называемых говорящих имен собственных, т. е. имен с более или менее уловимой внутренней формой [Влахов, Флорин 1980, с. 216], которые либо

транскрибируются, теряя при этом свою семантику, либо сохраняют образность, лишаясь национального колорита.

В произведении М. Зощенко «Рассказы Назара Ильича, господина Синебрюхова» неблагозвучная и необычная фамилия рассказчика, которую он сам характеризует как «малоинтересную», уже настраивает читателя на определенный лад; эквивалент на французском языке – *Histoires contées par Nazar Ilitch, Monsieur Sinebrioukhov* (DA) – не произведет такого же впечатления, поэтому переводчик прибегает к приему калькирования: *Les recits de Nazar Ilitch, cher monsieur Ventrebleu et autres récits**. В этом варианте передана внутренняя форма фамилии главного героя, но в названии не сохранилось указание на национальную принадлежность персонажа, так как типично русское окончание фамилии утрачено.

Очевидно, передавая имя собственное на ПЯ, не следует лишать его национальной специфики. Так, переводя на русский язык роман Р. Роллана *Colas Brugnon*, переводчик (В. Сирин, т. е. В. Набоков) «пошел на грубую русификацию имени героя, и роман по-русски озаглавлен «Николка Персик» (*Николка*, в соответствии с фамильярно сокращенной формой *Colas*, вместо *Nicolas*. *Персик* – перевод литературным словом прозвища героя *Brugnon*, являющегося народно-просторечным названием персика [Федоров 1983, с. 296]).

8. Несомненный интерес представляют случаи, когда произведение названо фамилией главного героя, а в переводящем языке это ИС тем или иным способом поясняется. Роман И. С. Тургенева «Рудин» во французском переводе носит название *Dimitri Roudine**, что вполне оправданно: переводчик, включая в название имя героя, дает понять франкоязычному читателю, что речь идет о «персонажном» заглавии, в то время как интерпретация фамилии *Roudine* до прочтения романа вызвала бы затруднения. Название рассказа Ф. Достоевского «Ползунков» передано на французский язык словосочетанием *Monsieur Polzounkov**, что позволяет сразу же понять, что речь идет об антропониме.

9. В ряде случаев представленное в русском заглавии ИС отсутствует во французском переводе и заменяется более общим обозначением, например:

А. Дмитриев	«Воскобоев и Елизавета»	<i>L'aviateur et sa femme</i> *
Н. Кукольник	«Авдотья Петровна Лихончиха»	<i>Une mère</i> *

В. Пелевин	«Чапаев и пустота»	<i>La mitrailleuse d'argile*</i>
Ю. Рытхэу	«Скитания Анны Одинцовой»	<i>L'étrangère aux yeux bleus*</i>

Заключение

Подводя итоги сказанному выше, еще раз отметим, что при переводе на французский язык заглавий русскоязычных литературных произведений, представляющих собой имя собственное личное или включающее таковое в свой состав, переводчик сталкивается с целым рядом сложных моментов. Это, в первую очередь, трудности общего характера, связанные с передачей русских ИС с кириллицы на латиницу. Стремление приблизить французский перевод к форме русского оригинала приводит к появлению вариантов (использование приемов транскрипции, транслитерации, транспозиции). Не удается передать без потерь сопровождающий национальные имена лексический фон, специфику русских уменьшительных имен, семантику «говорящих» ИС.

Коннотации русских антропонимов в составе названий художественных произведений часто не воспринимаются иноязычным читателем, что не позволяет заглавию в полной мере реализовать обычно присущие ему информативную и рекламную функции. В большинстве случаев донести на языке перевода все тонкости оригинального названия оказывается невыполнимой задачей. Для усиления воздействия на читателя переводчики снабжают ИС дополнительными характеристиками или полностью изменяют название, принятое в языке-источнике.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. М. : Русский язык, 1983. 269 с.
- Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. М. : Международные отношения, 1980. 343 с.
- Гак В. Г. Французская орфография. М. : URSS, 2018. 240 с.
- Достоевский Ф. М. Неточка Незванова // Полное собрание сочинений : в 30 т. Л. : Наука, 1972. Т. 2. С. 142–267.
- Ермолович Д. И. Имена собственные на стыке языков и культур. М. : Р. Валент, 2001. 200 с.

- Мурадова Л. А. Русские имена собственные во французских лингвистических источниках // Язык и действительность : сб. науч. тр. памяти В. Г. Гака. М. : ЛЕНАНД, 2007. С. 597–603.
- Мурадова Л. А. Русско-французский и французско-русский словарь названий литературных произведений. М. : Прометей, 2005. 166 с.
- Тургенев И. С. Ася // Собрание сочинений : в 30 т. М. : Наука, 1980. Т. 5. С. 149–196; 437–462.
- Федоров А. В. Основы общей теории перевода. М. : Высшая школа, 1983. 303 с. Bibliothèque russe et slave. URL : bibliotheque-russe-et-slave.com/index1.html (дата обращения: 20.09.2018).
- Laffont R., Bompiani V. Dictionnaire bibliographique des auteurs. P. : Robert Laffont, 1988. 4 vol.
- Sakhno S. Nom propre en russe : problèmes de traduction // META : Journal des traducteurs. 2006. Vol. 51 (4). P. 706–718. URL : www.lesjeunesrussisants.fr/traduction/documents/documents/NOM_PROPRES_EN_RUSSE-PROBLEMES_DE_TRADUCTION.pdf (дата обращения: 20.09.2018).
- Traductions d'écrivains russes du XXe siècle dans les collections de la Bibliothèque nationale de France // Bibliothèque nationale de France, direction des collections, département Littérature et art. Décembre 2010. URL : www.bnf.fr/documents/biblio_traduction_russe.pdf (дата обращения: 20.09.2018).

REFERENCES

- Vereshhagin E. M., Kostomarov V. G. Jazyk i kul'tura: Lingvostranovedenie v prepodavanii russkogo jazyka kak inostrannogo. M. : Russkij jazyk, 1983. 269 s.
- Vlahov S., Florin S. Neperevodimoe v perevode. M. : Mezhdunarodnye otnoshenija, 1980. 343 s.
- Gak V. G. Francuzskaja orfografija. M. : URSS, 2018. 240 s.
- Dostoevskij F. M. Netochka Nezvanova // Polnoe sobranie sochinenij : v 30 t. L. : Nauka, 1972. T. 2. S. 142–267.
- Ermolovich D. I. Imena sobstvennye na styke jazykov i kul'tur. M. : R. Valent, 2001. 200 s.
- Muradova L. A. Russkie imena sobstvennye vo francuzskih lingvisticheskih istochnikah // Jazyk i dejstvitel'nost' : sb. nauch. tr. pamjati V. G. Gaka. M. : LENDAND, 2007. S. 597–603.
- Muradova L. A. Russko-francuzskij i francuzsko-russkij slovar' nazvanij literaturnyh proizvedenij. M. : Prometej, 2005. 166 s.
- Turgenev I. S. Asja // Sobranie sochinenij : v 30 t. M. : Nauka, 1980. T. 5. S. 149–196; 437–462.
- Fedorov A. V. Osnovy obshhej teorii perevoda. M. : Vysshaja shkola, 1983. 303 s.

Bibliothèque russe et slave. URL : bibliotheque-russe-et-slave.com/index1.html (дата обращения: 20.09.2018).

Laffont R., Vompiani V. Dictionnaire bibliographique des auteurs. P. : Robert Laffont, 1988. 4 vol.

Sakhno S. Nom propre en russe : problèmes de traduction // *META : Journal des traducteurs*. 2006. Vol. 51 (4). P. 706–718. URL : www.lesjeunesrussisants.fr/traduction/documents/documents/NOM_PROPRE_EN_RUSSE-PROBLEMES_DE_TRADUCTION.pdf (дата обращения: 20.09.2018).

Traductions d'écrivains russes du XXe siècle dans les collections de la Bibliothèque nationale de France // Bibliothèque nationale de France, direction des collections, département Littérature et art. Décembre 2010. URL : www.bnf.fr/documents/biblio_traduction_russe.pdf (дата обращения: 20.09.2018).

УДК 821.133.1

С. А. Петрова

кандидат филологических наук,
доцент кафедры второго иностранного языка МГЛУ;
e-mail: svetal61@mail.ru

**ТРАНСКУЛЬТУРНЫЙ ПОДХОД
К ПРОЧТЕНИЮ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ДИСКУРСА,
СОЧЕТАЮЩЕГО В СЕБЕ ДВА ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫХ КОДА
(на материале франкоязычного художественного дискурса антильского
писателя Патрика Шамуазо)**

В статье исследуется креолизация франкоязычного антильского дискурса в свете транскультурного подхода, позволяющего выйти за рамки национальных и этнических культур в целях выработки наднациональных смыслов, новых концептов и понятий. Материалом для исследования послужили два романа, объединенные одним архетипическим мотивом путешествия к самому себе: «Пятница, или Тихоокеанский лимб» М. Турнье и «След Крузо» П. Шамуазо. В исследовании используется комплексная методика, включающая методы дискурсивного и концептуального анализа. Особое внимание уделяется концептуальным персонажам Идиота, маленького человека и Художника, позволяющим переосмыслить концепты «Я» и «Другой». Транскультурный подход к личностной и культурной идентификации выражен концептуальным персонажем Художника, который не имитирует чужую культурную модель, а создает новую, способную стать важной вехой в истории человечества.

Ключевые слова: концепт; концептуальный персонаж; транскультурный подход; художественный дискурс.

S. A. Petrova

PhD (Philology), Associate Professor,
Department of a Second Foreign Language,
Moscow State Linguistic University; e-mail: svetal61@mail.ru

**TRANSCULTURAL APPROACH
TO LITERARY DISCOURSE INCLUDING TWO CULTURAL CODES
(based on the works by Patrick Chamoiseau)**

The article focuses on the creolization of French Antilles literary discourse from the perspective of transcultural approach, which implies going beyond the national or ethnic culture in order to create supracultural meanings and new concepts. The article analyzes two literary works by M. Tournier and P. Chamoiseau devoted to the adventures of Robinson Crusoe, which apply a different interpretation to self-definition in culture. The article adopts both culturally sensitive and philosophical approaches,

which presuppose analyses at conceptual and linguistic levels. Special attention is paid to the conceptual characters of the Idiot, the little man and the Artist, allowing to rethink the concepts of "I" and "Other". The transcultural approach to personal and cultural identification is expressed by the conceptual character of the Artist, who does not imitate someone else's cultural model, but creates a new one that can become an important milestone in the history of mankind.

Key words: concept; conceptual character; transcultural approach; literary discourse.

Введение

Развитие франкоязычной антильской литературы высветило проблему понимания креолизированного литературно-художественного дискурса, сочетающего в себе два лингвокультурных кода. Креолизация литературно-художественного дискурса может осуществляться посредством как контрдискурсивной, так и транскультурной стратегии. Настоящая статья посвящена транскультурному подходу к исследованию креолизованного литературно-художественного дискурса. В ней предлагается рассмотреть, каким образом транскультурный подход, предполагающий выход за границы национальных и этнических культур, обеспечивает выработку наднациональных смыслов, новых концептов и понятий.

Транскультурный характер создаваемых креольскими писателями художественных произведений на французском языке прослеживается не только на лингвистическом, но и на философском уровне. Именно это своеобразие франкоязычного креольского литературно-художественного дискурса и обусловило обращение к работам известных отечественных и зарубежных философов, таких как Ж. Делез, Ф. Гваттари, М. Эпштейн и В. Бибахин, а также применение комплексной методики исследования, включающей методы дискурсивного и концептуального анализа.

Транскультурный подход предопределяет основные задачи и цели статьи, которые можно кратко сформулировать следующим образом:

- определить особенности транскультурного подхода к анализу литературно-художественного дискурса;
- исследовать, как в креолизованном художественном дискурсе переосмыслиются уже существующие концепты (такие как «Я» и «Другой»), а также создаются новые;
- выяснить, какие новые смыслы и интерпретации приобретают в креолизованном художественном дискурсе уже

существующие в мировой литературе концептуальные персонажи Идиота, маленького человека и Артиста, а также какова их роль в переосмыслении и создании новых концептов.

Материалом для исследования послужили главным образом два романа, объединенных одним архетипическим мотивом путешествия к самому себе: «Пятница, или Тихоокеанский лимб» французского писателя М. Турнье и «След Крузо» П. Шамуазо.

Особенности транскультурного подхода к прочтению креолизованного дискурса

Креольская литература в бывших французских колониях во многом обусловлена исторически сложившейся в них языковой ситуации диглоссии, отличающейся наличием двух языков: французского и родного креольского. Для подобной языковой ситуации характерно функциональное неравенство языков, при котором французский язык считается более престижным и доминирует в официально-деловом дискурсе и образовании, в то время как родной креольский язык употребляется в основном в сфере неформального общения. Степень вытеснения креольского языка в значительной степени зависит от его статуса. В независимой Республике Гаити с 1961 г. креольский язык является вторым официальным языком, что отражается на его большем присутствии в социальной и литературно-художественной сферах, по сравнению с Мартиникой, заморским департаментом Франции, в котором креольский язык имеет статус регионального языка, т. е. считается элементом культурного наследия.

Языковая ситуация диглоссии в значительной степени обуславливает доминирование французского языка в литературно-художественном дискурсе. Несмотря на попытки креольских писателей создавать художественные произведения на родном языке, креольская литература воспринимается в целом как исчезающее явление, утрачиваемое культурное богатство. Доминирование французского языка в художественном дискурсе объясняется несколькими причинами:

- во-первых, престижностью французского языка и его разнообразными возможностями, обусловленными богатой письменной традицией, в отличие от креольских языков, относящихся к устным культурам;
- во-вторых, незначительным количеством читателей на креольском языке, которое продолжает убывать;

в-третьих, создавать художественные произведения на французском языке является для креольских писателей замечательной возможностью вписаться в более широкое франкофонное пространство, не ограничивая себя этнокультурной спецификой.

В сложившейся языковой ситуации возникает проблема понимания франкоязычного креольского художественного дискурса, сочетающего в себе два разных лингвокультурных кода. Во франкоязычной лингвистике данное явление называется креолизацией художественного дискурса на французском языке.

Креолизация литературно-художественного дискурса осуществляется посредством различных стратегий. Для начальных этапов характерно употребление креолизмов в качестве элементов контрдискурса, противостоящего доминированию французского языка и вписывающего креольскую культуру и характерную для нее ментальность в художественное произведение на французском языке. Со временем контрдискурсивная стратегия заменяется на транскультурный подход, предполагающий выход за границы сложившихся национальных или этнических культур, освобождение от символической зависимости и предрасположений «своей», «врожденной» культуры. Иными словами, транскультурный подход позволяет преодолеть «замкнутость культурных традиций, автоматизмов, языковых и ценностных идентичностей и раздвигает поле “надкультурного” творчества» [Эпштейн 2017, с. 366]. Для транскультурного подхода характерна выработка “надкультурных” смыслов, формирование новых концептов и понятий. К таковым относится понятие «Все-мир», предложенное в 1990-е гг. антильским писателем Э. Глиссаном, который определял смешение рас и культур как некую универсальную тенденцию, ведущую не к возникновению однообразной, глобальной, культуры, а к формированию культурного разнообразия.

При транскультурном прочтении для креолизованного художественного дискурса характерны два свойства: с одной стороны, он предстает как некий непрерывный континуум, объемлющий две (или более) культуры, с другой – как культурное разнообразие. Транскультурный характер создаваемых креольскими писателями художественных произведений на французском языке прослеживается на разных уровнях, в том числе когнитивно-дискурсивном.

Философские концепции и теории, лежащие в основе франкоязычного креольского художественного дискурса, позволяют выразить

не только некую присущую двум культурам (французской и креольской) универсальность, но и их своеобразие. К философским основаниям франкоязычного креольского художественного дискурса можно, в частности, отнести альтерологию, которая «позволяет не только понять ценность и насущность другого, но и смысл “своего”» [Эпштейн 2017, с. 67]. В креольском художественном дискурсе поиски культурной идентичности ведутся на основе принципа инаковости, подразумевающим узнавание себя в чужом и чужого в себе. При этом используются архетипические сюжеты, к которым можно отнести путешествие к самому себе. Внутренней одиссее посвящен роман П. Шамуазо «След Крузо», находящийся в сложных диалогических отношениях с «Робинзоном Крузо» Д. Дефо и романом М. Турнье «Пятница, или Тихоокеанский лимб».

Концептуальный персонаж Идиота как репрезентация концепта «Я»

История Робинзона Крузо представляет собой архетипический мотив, аккумулирующий многовековой опыт европейской культуры и литературы, в основе которого узнается фундаментальный изначальный мотив поиска собственной идентичности. Начиная с Нового времени, этот поиск становится сопряжен с такими понятиями, как «историчность», «цивилизация» и «культура». Не случайно персонаж Д. Дефо идентифицирует себя с европейской цивилизацией, которую не только в подробностях воспроизводит на необитаемом острове, но и навязывает представителю другой цивилизации. В XX в. французский писатель М. Турнье предлагает философское прочтение архетипического мотива путешествия к самому себе, вновь придав ему тем самым общечеловеческий характер. Книга антильского писателя П. Шамуазо возвращается к данному архетипическому мотиву в целях осмысления креольности как культурной идентичности. Не случайно основным персонажем «Следа Крузо» является псевдо-Робинзон, бывший раб африканского происхождения, воспитанный и образованный настоящим Робинзоном Крузо, европейцем и работорговцем.

Робинзон П. Шамуазо – мыслитель, эволюция которого отражена в событиях мысли. Книга антильского автора представляет собой «гибридное» художественное произведение, в композиционный план которого перенесены концептуальные персонажи, необходимые для

реального осуществления мысли главного героя. Робинзон-мыслитель П. Шамуазо представлен тремя концептуальными персонажами, именами которых названы главы книги: идиот, маленький человек и художник. Данные концептуальные персонажи существовали в мировой литературе и до написания антильской версии истории Робинзона Крузо. Однако под воздействием образа мысли автора они мутируют, приобретают новые смыслы и интерпретации, что позволяет не только заново переосмыслить уже существующие концепты (такие, например, как «Я» и «Другой»), но и творить новые.

Два видения Другого

Обнаруженный Робинзоном чужой след существенно меняет его сознание. Новому образу мысли персонажа посвящена вторая глава книги П. Шамуазо, озаглавленная «Маленький человек». В ней автор представляет собственное понимание концепта «Другой».

В романах М. Турнье и П. Шамуазо речь идет о детерриториализации физической (оба Робинзона оказываются на необитаемом острове) и ментальной (событие Другого ведет не только к пониманию Другого как выражения возможного мира, но и к познанию самого себя). Характеризуя концепт Другого как выражение возможного мира, Ж. Делез и Ф. Гваттари подчеркивают, что «Другой всегда воспринимается как некто иной, но в своем концепте он является предпосылкой всякого восприятия, как иных, так и нас самих. Это условие, при котором можно перейти из одного мира в другой» [Делез, Гваттари 2009, с. 25].

Для Робинзона М. Турнье, который прекрасно помнит свое прошлое, характерен внешний Другой, необходимый для осознания чего-то возможного, т. е. познается событие Другого как возможного мира. В отличие от М. Турнье, для П. Шамуазо интерес представляет прежде всего интериализация проблемы самоидентификации. В итоге его Робинзон осознает, что найденный им чужой след принадлежит не другому, а ему самому, и что никого другого на острове нет. Таким образом в романе антильского писателя Другой приобретает внутренний характер. Кроме того, утрата Робинзоном П. Шамуазо памяти приводит к внутренней раздвоенности мысли. Если у М. Турнье речь идет скорее о превращении «я» в другого, то П. Шамуазо формулирует проблему иначе: «Я – это другой». Именно в этом ключе П. Шамуазо

соотносит концепт Другого с проблемой креольности, ее историей и становлением.

Кроме того, во второй главе книги П. Шамуазо Другой представит как предпосылка становления нас самих. В ней Робинзон мыслит уже не как Идиот, а от имени концептуального персонажа маленького человека. При этом актуализируются две совершенно разные его интерпретации: маленький человек – дитя и человек с низким социальным статусом, униженный и оскорбленный. Вторая интерпретация характерна для русской и европейской литературы. Достаточно вспомнить персонажей Ч. Диккенса и Ф. Достоевского. Интерпретация маленького человека как ребенка соотносится, скорее, с креольской культурой и креольским языком жителей Мартиники, в котором *la petite personne* (дословно: маленький человек) означает *ребенок*.

В социокультурном плане креольское понимание концептуального персонажа маленького человека мало чем отличается от его интерпретации в русской и европейской литературе. П. Шамуазо подчеркивает, что на Мартинике креольцы вынуждены адаптироваться к политической системе Франции, приспосабливаться к ее социально-экономической модели, усваивать культурные ценности метрополии. По мнению антильского писателя, подобная зависимость сродни угнетению, пусть и неявному, завуалированному. В философском плане подобная зависимость соотносится с инфантильным состоянием развития, при котором невозможно самостоятельное осмысления себя, собственной идентичности, в том числе и культурной.

У П. Шамуазо концептуальный персонаж маленького человека воплощает, кроме того, детское, первичное, отношение к миру, во всей его полноте, принимающее «все возможности, какие открыты человеческому существу» [Бибихин 2016, с. 98], которое В. Бибихин характеризует следующим образом: «Раньше, чем человек начинает понимать мир научным познанием, он понимает в мире, оказываясь в своем существе умом, который в мире быть умеет <...>. Рядом с этой забытой стороной понимания, умением быть в мире и найти себя в нем, есть другая, сходная, но еще реже замечаемая. Понимание в смысле умения вместить вещи предполагает принятие их как они есть по своему существу. Это подразумевается, когда мы говорим, что открыты миру» [там же, с. 206]. Основная мысль Робинзона-маленького человека заключается в присутствии всех возможностей, которые открыты миру.

Для данного концептуального персонажа характерно принимающее понимание в своей открытости миру, т. е. такое понимание, которое «включает принятие вещи в согласии с ней» [там же, с. 206].

Аналогичное понимание мира характерно для известного персонажа Ф. Достоевского, – князя Мышкина, почитающего детей именно за ум, который в мире быть умеет. Интересно отметить, что схожий образ мысли, как принимающего понимания в своей открытости миру, описывается двумя разными концептуальными персонажами: маленького человека у П. Шамуазо и Идиота у Ф. М. Достоевского. Возникшие в разные эпохи и в разных контекстах, эти два концептуальных персонажа имеют нечто общее, а именно: видят «в уме понимание, а в понимании открытую способность, то есть первичное умение» [Бибихин 2016, с. 204]. В этом смысле маленький человек П. Шамуазо и идиот Ф. М. Достоевского противопоставлены декартовскому Идиоту, который «хотел самостоятельно разобраться, что поддается пониманию, а что нет, что разумно, а что нет» [Делез, Гваттари 2009, с. 73]. Для декартовского Идиота образ мысли, свойственный маленькому человеку П. Шамуазо и князю Мышкину, представляется абсурдным.

Транскультурный подход к личностной идентификации характерен для третьей ипостаси Робинзона П. Шамуазо, выраженной концептуальным персонажем художника, который, в отличие от идиота, не имитирует чужую культурную модель, а создает новую, которая способна стать важной вехой в истории всего человечества. Иными словами Художник сам творит культуру. Таким образом, транскультурный подход позволяет преодолеть замкнутость культурных и языковых идентичностей для выработки новых концептов и понятий.

Заключение

Предложенный в статье анализ позволяет, на наш взгляд, сделать следующие выводы:

1. Креолизованный литературно-художественный дискурс носит интердискурсивный характер и представлен «гибридными» художественными произведениями, в композиционный план которых могут быть перенесены такие единицы философского дискурса, как концептуальные персонажи.

2. При транскультурном прочтении креолизованному литературно-художественному дискурсу характерны два свойства: с одной стороны,

он предстает как некий непрерывный континуум, объемлющий две и более культуры, с другой – как культурное своеобразие. В креолизованном литературно-художественном дискурсе известные в мировой литературе концептуальные персонажи видоизменяются, принимают другой, иногда полностью противоположный, смысл. Таковыми являются концептуальные персонажи Идиота, маленького человека и Художника, которые позволяют переосмыслить концепты «Я» и «Другой».

3. Транскультурный подход к личностной и культурной идентификации выражен концептуальным персонажем Художника, который сам творит культуру, преодолевая замкнутость культурных и языковых кодов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бибихин В.* Мир. Язык философии. СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2016. 448 с.
- Делез Ж., Гваттари Ф.* Что такое философия? М. : Академический проект, 2009. 261 с.
- Эпштейн М.* Ирония идеала: парадоксы русской литературы. М. : Новое литературное обозрение, 2015. 384 с.
- Эпштейн М. Н.* Проективный словарь гуманитарных наук. М. : Новое литературное обозрение, 2017. 616 с.
- Chamoiseau P.* L'empreinte à Crusoé. Barcelone : Editions Gallimard, 2013. 346 p.
- Tournier M.* Vendredi ou les limbes du Pacifique. Mayenne : Editions Gallimard, 1990. 288 p.

REFERENCES

- Bibihin V.* Mir. Jazyk filosofii. SPb. : Azbuka, Azbuka-Attikus, 2016. 448 s.
- Delez Zh., Gvattari F.* Chto takoe filosofija? M. : Akademicheskij projekt, 2009. 261 s.
- Jepshtejn M.* Ironija ideala: paradoksy russkoj literatury. M. : Novoe literaturnoe obozrenie, 2015. 384 s.
- Jepshtejn M. N.* Proektivnyj slovar' gumanitarnyh nauk. M. : Novoe literaturnoe obozrenie, 2017. 616 s.
- Chamoiseau P.* L'empreinte à Crusoé. Barcelone : Editions Gallimard, 2013. 346 p.
- Tournier M.* Vendredi ou les limbes du Pacifique. Mayenne : Editions Gallimard, 1990. 288 p.

УДК 811.13

Л. В. Разумова

доктор филологических наук, доцент,
кафедра романской филологии института иностранных языков
Московского городского педагогического университета;
e-mail: lina.razumova@mail.ru

ПРОБЛЕМА ВЫРАБОТКИ ЕДИНОЙ НАДДИАЛЕКТНОЙ ЯЗЫКОВОЙ ФОРМЫ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛЬГИИ В XII–XIV вв.

Процесс романизации Франции и Бельгии разворачивается в рамках обширного временного отрезка – более тысячелетия, приблизительно с I в. до н. э. по XII–XIII вв. Однако бельгийский регион довольно рано приобретает ряд отличающих его языковых черт. Среди них: 1) более раннее и тесное контактирование с германскими формами речи; 2) более выраженные тенденции ассимиляции галло-романских форм речи германскими наречиями; 3) более ранняя регионализация и индивидуализация форм речи, используемых на территории Бельгии.

Ключевые слова: Бельгийский регион; полиморфные процессы романизации; новые галло-романские формы речи; языковое контактирование; языковая ассимиляция; языковая регионализация.

L. V. Razumova

Doctor of Philology (Dr. habil.), Associate Professor,
Department of Romance Philology, Institute of Foreign Languages,
Moscow City Pedagogical University; e-mail: lina.razumova@mail.ru

THE PROBLEM OF DEVELOPING A UNIFIED LANGUAGE FORM IN BELGIUM IN THE 12th–14th CENTURIES

The process of romanization of France and Belgium takes place within a vast time period – more than a Millennium, approximately from the 1st century BC to the 12–13th centuries. As to the romanization of Belgium, the polymorphic nature of this process is emphasized, the main forms of which are as follows: 1) earlier and close contact with Germanic forms of speech; 2) more pronounced tendencies of assimilation of Gallo-Roman forms of speech by Germanic adverbs; 3) earlier regionalization and individualization of speech forms used in Belgium.

Key words: Belgian region; polymorphic processes of romanization; new halo-Roman forms of speech; linguistic contact; linguistic assimilation; linguistic regionalization.

Введение

Известно, что, говоря о Бельгии, многие ученые скептически относятся к возможности выделения данного региона как отдельного

ранее XIX века. Разделяем мнение известного бельгийского историка Анри Пиренна, считавшего не только возможным, но и необходимым выделение данного региона как самостоятельного с самых ранних времен. Как показывает А. Пиренн в своей известной работе «Histoire de Belgique», история Бельгии берет свое начало в доисторические времена. Своеобразие истории Бельгии, по мнению бельгийского историка, состоит в восприимчивости (*réceptivité*) влияния двух великих культур – французской и германской. И хотя в разные периоды истории она порывала связи то с одной, то с другой, она всё же, в конечном итоге, объединила их, не преуменьшая их индивидуальности. Именно органической связью французской и германской культур, которую бельгийский ученый обозначает словосочетанием *civilisation commune*, определяется возможность конструирования истории Бельгии как отдельной и самостоятельной [Pirenne 1902].

Бельгийский полиморфизм

Основной чертой романизации на территории Бельгии выступает *полиморфный* характер этого процесса. Его образуют по сути два различных процесса:

- 1) процесс распространения и усвоения различных языковых форм латинского языка местным населением;
- 2) процесс усвоения ФЯ и других вульгарных форм речи, сформировавшихся и формирующихся в этот период на основе латинского языка.

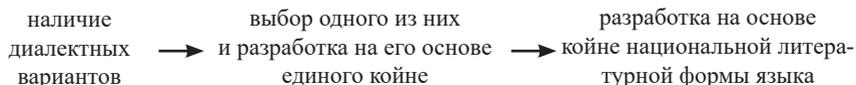
Следует отметить, что в Бельгии, как и во Франции, латынь в любых своих формах выступает в рамках отмеченного периода единственной ведущей и образцовой языковой формой, языковым стандартом в письменной и на ранних этапах романизации – устной коммуникации; она ощущается говорящими как бесспорный языковой образец, служащий для корректировки их речевых практик.

Если латинский язык был воспринят в Бельгии как единая, готовая, обработанная и престижная языковая форма, то история распространения французского языка в Бельгии более сложная и интересна для исследователя тем, что дает возможность наблюдать процесс становления единой языковой формы (койне) и его содержательных элементов (этапов).

Накопленные к сегодняшнему дню языковые сведения позволяют уйти от слишком обобщенной схемы становления национальной

формы французского языка, закрепившейся во французской лингвистике XIX – первой половины XX вв., которая схематично может быть представлена следующим образом:

Схема 1

Линейная схема образования национальных языков

Подчеркнем, что процессы выбора и последующей разработки единого койне намного сложнее и не вписываются в приведенную выше линейную схему.

Говоря о выборе единого койне, современные французские лингвисты все чаще отмечают, что сложившийся в XIX–XX вв. взгляд на франсийский диалект как изначально единственное и ведущее койне нуждается в серьезной корректировке. Так, отечественный исследователь Л. А. Становая замечает в русле этих размышлений следующее: «...l'extension du pouvoir royal commence à la fin du XII-e siècle, et par conséquent, on ne pourrait parler de l'extension du francien ou de sa transformation en français commun que dès la fin du XII-e-la première moitié du XIII-e siècle» [Stanovaïa 2003, с. 241].

Этот же автор указывает на ряд лингвистических проблем, существенно осложняющих процессы анализа ФЯ на ранних этапах его развития. Основными являются, по мнению Л. А. Становой, следующие:

- отсутствие четких классификационных критериев *выделения* французских диалектов;
- отсутствие достаточных сведений о *локализации* старофранцузских текстов;
- неразработанность проблемы установления диалекта (или диалектов), послуживших основой для формирования *общефранцузского* письменно-литературного языка [Становая 1996, с. 29].

Отметим, что несмотря на обнаруживаемые в существующих классификациях различия количественного (различное число выделяемых диалектов и диалектных групп) и качественного (выделение различных диалектов различными авторами) планов, каждая из этих классификаций содержит *указания на северо-восточную зону как*

достаточно индивидуальную. К восточной и северо-восточной зоне ученые относят бургундский (Г. Фалло), бургундский и пикардский (Г. Парис), валлонский, пикардский, лотарингский, бургундский, франш-конте (Ф. Брюно), валлонский, лотарингский, бургундский, франш-конте (Э. Шван, Д. Беренс; П. Бек), валлонский, лотарингский, бургундский (Катагощина, Гурычева, Алендорф). Л. А. Становая отмечает далее [Становая 1996, с. 30], что *пикардский, шампанский, франсийский и англо-нормандский* вызывают многочисленные споры в научной среде ввиду правомерности / неправомерности их выделения как отдельных. Нерешенным до сих пор остается также вопрос определения ареала их распространения. И, наконец, многочисленные споры вызывает сегодня вопрос оценки вклада каждого из них в формирование донациональной формы французского языка, так же как и вопрос возможности формирования на основе франсийского диалекта общепольского койне.

К отмеченным проблемам можно добавить различные подходы, закрепившиеся в диалектологии и скриптологии, к решению важнейшей научной проблемы – *оценке письменной и устной форм речи как источников формирования общенационального французского языка*. Разделяем мнение Л. А. Становой, которая отмечает в связи с этим, что если в рамках «исторической диалектологии основной целью выступает установление *диалекта* (выделено авт. – Л. Р.), послужившего основой формирования общепольского языка, то в рамках скриптологии ученые стремятся установить *наддиалектную норму* (выделено авт. – Л. Р.), к которой тяготели все старофранцузские скрипты» [Становая 1996, с. 72]. Различие исследовательских подходов определяет в дальнейшем и различие научных результатов, полученных французской исторической диалектологией XIX в. и скриптологией, активно развивающейся в качестве научной дисциплины с середины XX вв. В рамках первой прочно утверждается мнение о ведущей роли франсийского диалекта в формировании общенационального французского языка (Г. Парис, В. Мейер-Любке, Ф. Брюно, Э. Бурсье, В. фон Вартбург и др.). Невозможность точной локализации старофранцузских письменных памятников IX–XII вв. и их слабая диалектная окрашенность послужили в диалектологии основным аргументом для возведения франсийского диалекта в ранг *главного и единственного* источника становления общенационального французского языка.

В определении источника общенациональной формы французского языка историческая диалектология не разграничивает устной и письменной форм речи, считая эту оппозицию несущественной. Однако представляется, что в истории формирования «вульгарных наречий» это разграничение является определяющим: письменно-литературная традиция латинского языка выступает на всех этапах функционирования латинского языка на территории Франции и Бельгии как важнейший унифицирующий языковой образец. Она отличается от устных форм речи (говоров, диалектов) гораздо большим единством языковых средств и довольно унифицированной нормой, неоднократно обновляемой: в мерovingский период она обновляется, в большей мере интуитивно, каждым автором; в период языковой реформы Карла Великого и позже, при разработке литературы на «вульгарных наречиях» (т. е. разработке их функциональных стилей), это обновление письменной латинской традиции происходит институционально на основе признаваемых в качестве образцовых грамматик Доната и Присциана. Таким образом, говорить о существовании довольно унифицированной формы речи на территории Франции и Бельгии в X–XII вв. можно лишь, если понимать под ней формирующуюся под влиянием латинской нормы *письменно-литературную* традицию.

В отличие от письменной, *устная речь* характеризуется существенным пространственным варьированием. Так, говоря о различиях между валлонским, с одной стороны, и пикардским и лотарингским диалектами – с другой, Луи Ремакль [Remacle 1948, с. 141–142] отмечает в известной работе «Le problème de l'ancien wallon», что уже к 800-му году эти диалекты приобрели достаточно различимый облик. Их отличительные черты все более усиливаются в последующие три столетия, а к началу XIII века достаточно ощутимыми становятся региональные различия устной формы валлонского диалекта – его льежского и намюрского вариантов [там же, с. 141].

Этого же взгляда о достаточной различимости валлонского уже к IX–X вв. придерживается А. Доза [Dauzat 1950].

Вместе с тем вопрос определения основы региональных письменных традиций (скрипт) вызывает особые споры французских лингвистов. *С одной стороны*, признается, что местные диалекты редко становились основой для региональных скриптов – в различных регионах Франции и Бельгии использовалась либо латинская, либо франкская скрипты.

Основанием для этого утверждения служит:

- 1) наличие дублетных форм;
- 2) сложность реконструкции формы слова по графическому облику, представленному в скрипте;
- 3) разнородность диалектных и письменных характеристик языковых форм при их сравнении.

Впрочем, по мнению другой группы ученых (F. Brunot, A. Dauzat, W. Von Wartbourg, A. Brun), региональные скрипты включают языковые элементы местных диалектов: «... les patois actuels, produits directes des transformations locales du latin ... ont été longtemps, dans leur région, la langue commune, parlée et souvent écrite, comme le francien l'était dans la sienne» [Brunot 1966, p. 296].

И, наконец, третья группа ученых (Ch. Bonnier, M. Delbouille, L. Remacle), утверждая региональное происхождение старофранцузских скрипт, настаивают на *разной языковой природе устных диалектов и скрипт*.

Позиция третьей группы лингвистов представляется вполне справедливой в свете изложенного выше. В отношении валлонской скрипты отметим, основываясь на авторитетном мнении Л. Ремакля и М. Дельбуа, что несмотря на то, что старофранцузские скрипты IX–XIII вв. имеют региональное происхождение, их язык обнаруживает многочисленные общие черты, в отличие от устных форм речи, которые характеризуются большим разнообразием [Remacle 1948, с. 152–153]. Общность черт региональных письменных традиций – результат унифицирующей латинской традиции, признаваемой в качестве ведущей на всей территории Франции и Валлонии. Тщательный анализ валлонской скрипты XIII в. позволил Л. Ремаклю показать, что она содержит лишь отдельные немногочисленные фонетические и морфологические валлонские элементы; преобладающими же являются пикардские и франсийские элементы [Remacle 1948, с. 150–151]. Таким образом, в определенные эпохи отдельные региональные письменно-литературные традиции (скрипты) могут получить большее признание и оказывать влияние на письменные традиции соседних регионов, в то время как устные формы речи – гораздо более консервативны в усвоении чужеродных языковых характеристик.

Отметим в русле данных размышлений, что анализ распространения франсийской скрипты на территории Бельгии позволил

установить, что ее выбор как ведущей в бельгийском регионе был далеко не однозначным.

Так, наличие единого койне в Бельгии связывается рядом лингвистов не с франсийской скриптой, а с письменной традицией, образованной на основе пикардского [Lusignan 2008; Разумова 2014]. В работе «L'aire du picard au Moyen Age: espace géographique ou espace politique?» С. Люзиньян убедительно показывает, что понятие пикардского диалекта в Средние века асимметрично понятию пикардского диалекта, сложившемуся в лингвистике в XIX в.; ареал распространения средневекового пикардского выходит далеко за пределы современной Пикардии [Lusignan 2008]. Изученные исторические источники позволяют обозначить ареал распространения средневекового пикардского в XII–XIV вв. следующим образом: на западе естественной географической границей его распространения выступает Ламанш, на востоке эта граница простирается почти до Льежа, на юге она объемлет часть земель Иль-де-Франс, на севере пикардский языковой ареал доходит до Фландрии. Как и сегодня, лингвистические границы пикардского и административные границы Пикардии не совпадают.

Не совпадают также и границы распространения *устной* формы пикардского и пикардской формы *письменной речи (скрипты)*. Границы последней шире и простираются во Фландрию и Брабант [Lusignan 2008]. В этот период письменное пространство региона *langue d'oïl* представлено англо-нормандской, франсийской, пикардской, лотарингской, валлонской скриптами [Становая 1996; Lusignan 2008].

Помимо определенных различий они обнаруживают и общий фонд языковых средств, которые позволяют говорить о достаточно четко выделяемой языковой форме *langue d'oïl* (или *roman, français*). М. Фалькхофф [Valkhoff 1939, с. 387] отмечает в связи с этим, что в XIII в. диалектные различия между французскими диалектами намного меньше, чем это представлено сегодня. Общность англо-нормандской, центрально-франсийской, пикардской, лотарингской, валлонской скрипт определяется многочисленными взаимными заимствованиями, а также, как отмечалось выше, общим нивелирующим влиянием, оказываемым на них письменной латинской традицией.

И хотя пикардская скрипта появляется в конце XI – в начале XII вв. ее широкое распространение в Валлонии, как одной из ведущих форм письменной фиксации «вульгарного» романского языка,

обеспечивается только в середине XIII в. королевской канцелярией. В связи с этим пикардская скрипта выступает как ведущая в документах административного характера, обеспечивая взаимосвязь северных французских территорий и Фландрии с королевским административным аппаратом. Пикардская скрипта используется наряду с англо-нормандской и парижской (франсийской), в качестве письменного языка дипломатических обменов английского и французского двора.

Отметим, что все эти три скрипты были близки в языковом плане и хорошо понимались как жителями Англии и Франции, так и большинством жителей Бельгии и Фландрии. Уже с начала XII в. языком первых хартий является пикардский, вместе с лотарингским и англо-нормандским. Изучение фламандских хартий позволяет С. Люзиньяну определить, что на протяжении XIII – в начале XIV вв. 70 % из них написано на латинском языке, 25 % – на пикардском, 5 % – на фламандском. В течение первых трех десятилетий XIV в. количество хартий, написанных на этих трех языках, примерно одинаково, а уже со второй половины XIV в. количество хартий, написанных на фламандском, значительно возрастает и количественно превышает число фламандских хартий, написанных на пикардском. Количество хартий, написанных на латинском языке, неуклонно снижается, с тем, чтобы практически полностью исчезнуть к концу XIV в.

Переход большей части Бельгии к бургундскому герцогству в конце XIV в. приводит к снижению количества административных документов на пикардском в пользу всё более широкого употребления в это время франсийской скрипты. На территории Бельгии переход от пикардской на центрально-французскую (франсийскую) скрипту осуществлялся *неравномерно, асимметрично* в ее языковых сообществах: валлонском и фламандском. В бургундский период фламандская часть населения раньше валлонской переходит с пикардской на франсийскую скрипту. Уже к 70-м годам XV столетия лишь небольшое количество бельгийских скрипт использует пикардскую скриптологическую традицию, подавляющее же их большинство – центральнофранцузскую [Lusignan 2008].

Сравнивая распространенность пикардской и валлонской скрипт, отметим, что валлонская скрипта на протяжении своей средневековой истории развития и далее имеет исключительно *внутрирегиональное* хождение.

Заключение

Представленный анализ позволяет заключить, что постепенное проникновение со второй половины XIV в. франсийской скрипты не приводит, как полагал Ф. Брюно, к полной замене региональных скрипт. На примере валлонской скрипты можно констатировать, что ее становление имеет место при решающем значении латинской скрипты в VIII–XIII вв. Усвоение в Бельгии пикардской скрипты под действием политических факторов проходит в ситуации параллельного функционирования латинской, валлонской и пикардской скрипт и при конкуренции латинской и пикардской в области делопроизводства и дипломатии. В процессе этой конкуренции пикардская скрипта всё более решительно «отвоевывает» функциональное поле, занимаемое латинской скриптой, становясь на протяжении более столетия (середина XIII – середина XIV вв.) ведущей письменной формой в официальном делопроизводстве. Позже укрепление престижа других скрипт – франсийской и фламандской – приводит к постепенной утрате пикардской скрипты своего престижа в качестве письменного языкового образца. Процесс усвоения бельгийцами франсийской и фламандской скрипт обнаруживает, во-первых, *различные* и, на первый взгляд, *парадоксальные* темпы усвоения этих скрипт в валлонском и фламандском языковых сообществах: более быстрое усвоение франсийской скрипты фламандцами и более консервативное отношение валлонов к новой франсийской скрипте.

Во-вторых, речь идет о различном выборе, который делает каждое языковое сообщество этого региона: если фламандцы усваивают в различные исторические периоды и франсийскую, и фламандскую скрипты, то валлоны усваивают исключительно франсийскую скрипту, сохраняя более длительное время свою более раннюю валлонскую скрипту. Последняя постепенно уступает свою функцию официального средства письменного общения франсийской скрипте, но сохраняет функцию письменного средства фиксации устной разговорной формы речи вплоть до начала XX в. и даже позже, например в народных театральных пьесах. Сегодня валлонская скрипта выступает источником и образцом для стилизации валлонского диалекта в современных драматических произведениях народного театра.

Если к середине XIV в. во всей северной части Франции отмечается языковая унификация на основе франсийской скрипты, то в Бельгии,

в связи с отмеченной выше асимметричностью, темпы проникновения и укрепления франсийской скрипты ниже. Они еще больше отстают от региона *langue d'oïl* во франкофонном языковом сообществе Бельгии. В качестве ведущих письменных систем северного региона Франции и Бельгии в XII–XV вв. выступают англо-нормандская, пикардская, валлонская, лотарингская, франсийская скрипты и объединяющая их латинская письменная традиция. Все они выступают как альтернативные письменные языковые системы «вульгарных» наречий становящегося французского языка. Они конкурируют с латинским языком, постепенно отвоёвывая у него новые функциональные области распространения – делопроизводство, юриспруденцию, дипломатию, литературу, повседневную жизнь.

Отметим также следующее: если в традиционной лингвистике процесс образования языка воспринимается, скорее, как *линейный* – от множества вариантов языковых форм через выработку единого койне к национальной литературной форме языка, предпринятый анализ показал следующее: процессы устного и письменного языкового варьирования различны не только по своей природе, но и в функциональном плане. Наличие на территории северной части Франции и в Бельгии в XII–XIV вв. нескольких письменных традиций свидетельствует о том, что процесс выбора единой письменно-литературной традиции имеет свою собственную сложную историю, отличную от истории становления и функционирования устных форм речи (диалектов, говоров). Вместе с тем история становления письменно-литературной традиции в каждом регионе уникальна и отличается от аналогичных процессов в других регионах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Разумова Л. В. Языковая ситуация в Бельгии в исторической перспективе : монография. Чита : Изд-во ЗабГУ, 2014. 221 с.
- Становая Л. А. Введение в скриптологию. СПб. : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 1996. 95 с.
- Brunot F. Histoire de la langue française des origines à nos jours. P. : Armand Colin, 1966. Т. 4. 653 p.
- Dauzat A. Phonétique et grammaire historiques de la langue française. P. : Larousse, 1950. 305 p.
- Lusignan S. L'aire du picard au Moyen Age: espace géographique ou espace politique? // Évolutions en français. Études de linguistique diachronique. Sous

la dir. de Benjamin Fagard, Sophie Prévost, Bernard Combettes et Oliviers Bertrand. Bern : Peter Langs, 2008. P. 269–283.

Pirenne H. Histoire de Belgique. Bruxelles : Lamertin, 1902. T. 1. 625 p.

Remacle L. Le problème de l'ancien wallon. Liège, 1948. 231 p.

Stanovaïa L. La standardisation en ancien français // The dawn of the written vernacular in Western Europe. Leuven : Leuven University Press, 2003. P. 241–272.

Valkhoff P. Individualité et interdépendence des vieux dialectes français. Liège : Magdaga, 1939. 423 p.

REFERENCES

Razumova L. V. Jazykovaja situacija v Bel'gii v istoricheskoj perspektive : monografija . Chita : Izd-vo ZabGU, 2014. 221 s.

Stanovaja L. A. Vvedenie v skriptologiju. SPb. : Izd-vo RGPU im. A. I. Gercena, 1996. 95 s.

Brunot F. Histoire de la langue française des origines à nos jours. P. : Armand Colin, 1966. T. 4. 653 p.

Dauzat A. Phonétique et grammaire historiques de la langue française. P. : Larousse, 1950. 305 p.

Lusignan S. L'aire du picard au Moyen Age: espace géographique ou espace politique? // Évolutions en français. Études de linguistique diachronique. Sous la dir. de Benjamin Fagard, Sophie Prévost, Bernard Combettes et Oliviers Bertrand. Bern : Peter Langs, 2008. P. 269–283.

Pirenne H. Histoire de Belgique. Bruxelles : Lamertin, 1902. T. 1. 625 p.

Remacle L. Le problème de l'ancien wallon. Liège, 1948. 231 p.

Stanovaïa L. La standardisation en ancien français // The dawn of the written vernacular in Western Europe. Leuven : Leuven University Press, 2003. P. 241–272.

Valkhoff P. Individualité et interdépendence des vieux dialectes français. Liège : Magdaga, 1939. 423 p.

УДК 81'276.6:355, 81'362

Ю. Н. Сдобнова, А. О. Манухина

Сдобнова Ю. Н., кандидат филологических наук;
декан факультета французского языка;
доцент кафедры лексикологии и стилистики
французского языка факультета французского языка
Московского государственного лингвистического университета;
e-mail: vk-sdobnova@yandex.ru

Манухина А. О., кандидат филологических наук;
доцент кафедры фонетики и грамматики
французского языка факультета французского языка
Московского государственного лингвистического университета;
e-mail: amanuhina@mail.ru

**«ДОБЛЕСТЬ» КАК ОСНОВА ВОЕННОЙ КУЛЬТУРЫ ФРАНЦИИ:
ОТ КРЕСТОНОСНОГО РЫЦАРСТВА ДО СОВРЕМЕННОГО
ФРАНЦУЗСКОГО ИНОСТРАННОГО ЛЕГИОНА ВС
(на материале анализа понятий «valeur», «honneur» и «fidélité»
в диахроническом аспекте)**

Работа посвящена изучению содержания аксиологического понятия «доблесть» и выявлению способов его реализации в эпоху Средневековья (XI–XIII вв.) и в наши дни. В статье анализируется ценностная составляющая понятия на материале корпуса текстов XI–XIII вв. и современных текстов, объединенных по принципу принадлежности к тематике Французского иностранного легиона. В исследовании доблесть определена как важнейшая рыцарская добродетель. В диахроническом аспекте проводится анализ понятий «valeur», «honneur» и «fidélité», составляющих понятие «доблесть».

Ключевые слова: аксиологические понятия; нравственные стереотипы рыцарства; письменные памятники эпохи Крестовых походов; военный дискурс; институциональная военная коммуникация.

Yu. N. Sdobnova, A. O. Manuhina

Sdobnova Yu. N., PhD (Philology), Associate Professor,
Dean of the Faculty of the French Language,
Department of Lexicology and Stylistics of the French Language
Moscow State Linguistic University; e-mail: vk-sdobnova@yandex.ru

Manuhina A. O., PhD (Philology), Associate Professor,
Department of Phonetics and Grammar of the French Language,
Faculty of the French Language, Moscow State Linguistic University;
e-mail: amanuhina@mail.ru

**THE «VALOR» AS THE BASIS OF THE MILITARY CULTURE
OF FRANCE: FROM CRUSADER CHIVALRY
TO THE MODERN FRENCH FOREIGN LEGION
(based on the analysis of the notions «valeur», «honneur»
and «fidélité» in the diachronic aspect)**

The article is devoted to analyzing the axiological notion 'valor' and means of its realization in the middle Ages epoch (11–13th centuries) and at the present time. The value component of the notion is analyzed on the material of the corpus of texts of 11–13th centuries and modern texts, united by the principle of belonging to the theme of the French Foreign Legion. In the article, 'valor' is defined as the most essential knight's virtue. The analysis of the notions "valeur", "honneur" and "fidélité" constituting the notion 'valor' is carried out in the diachronic aspect.

Key words: axiological notions; moral stereotypes of chivalry; written monuments of the epoch of Crusades; military discourse; military institutional communication.

Nos anciens ont su mourir
Pour la gloire de la Légion,
Nous saurons bien tous périr
Suivant la tradition¹

Введение

В западноевропейской культуре, на протяжении всего исторического процесса, военному институту была отведена особая роль, поэтому изучение в диахронии ценностных норм и нравственных стереотипов, регламентирующих жизнь военных как людей определенного статуса и культуры, представляют повышенный интерес для изучения: особенно в лингвистике этот аспект является малоизученным.

Каждая социальная группа отличается своим способом восприятия мира; традиции вооруженных сил, неразрывно связанные с соблюдением четких правил, предписаний и моральных кодексов, представляют собой особое исторически изменчивое явление.

Цель статьи – выявить на основе анализа содержания понятий *valeur*, *honneur* и *fidélité* аксиологический базис «кодекса чести» французского воина – от рыцаря-крестоносца до современных Вооруженных Сил Франции (далее – ВС). Дополняя друг друга, *valeur*,

¹Куплет из официального марша ФИЛ, известного как «Le Boudin». Согласно легенде, марш был написан французским композитором Вилемом в 1850 г.

honneur и *fidélité* составляют общее понятие «доблесть», главнейшую из воинских добродетелей, которая описывается в культуре средневековой Франции как умение подавлять страх, терпеть трудности и сохранять достоинство в минуту опасности [Dictionnaire d'éthique et de philosophie morale 2004].

Вооруженные Силы Франции – один из древнейших и основополагающих социальных институтов, сохранивший в течение столетий свою четкую систему ценностей, основы которой были заложены еще у рыцарей эпохи Средневековья. Рыцарство, сформировавшееся в эпоху Крестовых походов (XI–XIII вв.), позиционировало себя как воинская элита. Образ воина-крестоносца (*Croisier*), выполняющего особую священную миссию, в течение двухсот лет считался эталоном воина.

Во французской культуре всегда подчеркивалась элитарность ВС, основа которых – преемственность и верность лучшим традициям прошлого. Французский Иностраннный Легион (далее – ФИЛ) в составе современных ВС остается одновременно особым замкнутым сообществом и элитными войсками французской армии, что отражено в «Code d'honneur du légionnaire»: легионер описан как «Soldat d'élite» («элитный солдат»), подчеркивается священный характер возложенной на него миссии: «*La mission est sacrée, tu l'exécutes jusqu'au bout et si besoin, en opérations, au péril de ta vie*» (www.legion-recrute.com).

В эпоху средневекового рыцарства не было единого «кодекса чести» как строгого кодифицированного свода правил. Однако исследователи могут воссоздать систему нравственных установок, отличавшую рыцарей от других социальных групп на основе анализа документов: сохранившихся до наших дней свидетельств современников эпохи, рассмотрения исторических и этимологических словарей. Необходимо также принимать во внимание труды историков, культурологов и философов нашего времени, посвященных данной теме. В этой связи в работе понятие «доблесть» рассматривается не только с позиций лингвистики, но и через призму этики, изучающей «ценностные поведенческие нормы среди членов определенной социальной группы или профессии» [Попов 2005, с. 79] и особенно деонтологии – «этики долга» в соотношении с «этикой добра», рассматривающей «профессиональный долг как соблюдение моральных принципов» [Микешина 2010, с. 626].

«Valeur» в культуре рыцарства и ФИЛ ВС

«Кодекс чести» как негласный корпус рыцарских этических норм сформировался к концу XII в., он описывал идеального воина как *l'homme de valeur* [Dubois 2000, с. 626], т. е. «человека с большими достоинствами; человека достойного». В данном случае аксиологическое понятие «valeur» характеризовало «достоинство воина в ратном значении этого слова» (*la valeur d'un preux au sens guerrier du mot*) [Rey 1993, с. 1627].

В XII–XIII вв., в эпоху расцвета рыцарства, слово «valeur» означало доблесть, а именно: *la valeur guerrière* («ратная доблесть»), *l'homme de grande valeur* («человек большой доблести») [Rey 1993, с. 2208]. В данном случае *доблесть* как важнейшее из положительных качеств воина рассматривалась как «способность броситься, не колеблясь, навстречу опасности, ведя при этом бой по всем правилам чести, не прибегая к недозволенным приемам и уловкам» [Дюби 2001, с. 135].

Позднее, с XIII в., у понятия «valeur» расширилось значение, и оно стало означать «достоинство, ценность». *Valeur* служило для характеристики лица и отражало в этом значении общую положительную этическую оценку, засвидетельствовано в следующих контекстах:

- *qui emporte sur les autres par sa qualité, sa valeur, son mérite* («тот, кто превосходит других своими качествами, доблестью, достоинством, заслугами») [Rey 1993, с. 1324];
- *élevé dans l'échelle des valeurs* («возвышающийся на шкале ценностей») [Rey 1993, с. 948].

Например, в старофранцузских текстах эпохи Крестовых походов понятие «valeur» эксплицирует в первую очередь положительную этическую оценку:

«Notre pelerin orent mult grand joie de cele croiz, por la grande valeur que il avoit en lui» [Villehardouin 1969, с. 68].

Наши паломники испытывали весьма большую радость от принятия креста (т. е. от обета крестоносца), так как они заключали в себе великую доблесть.

В рассмотренном фрагменте употребление *valeur* свидетельствует об обретении рыцарством «высокого социального достоинства и соответствующего самосознания» [Гуревич 2005, с. 144].

Понятие «*valeur*» сохранило свою актуальность и в наши дни применительно к ФИЛ ВС и отражено в институциональном дискурсе ФИЛ, реализуемого в рамках профессионального общения.

Для сравнения рассмотрим отрывки из статей официальных сайтов французских ВО (www.defense.gouv.fr) и Французского иностранного легиона (www.legion-recrute.com), где ключевым семантическим элементом представлено понятие «*valeur*»:

Конструкция с «*valeur*»

communier aux valeurs –
разделять ценности
общества

croire à ses valeurs –
поверить в идеалы

puiser dans les valeurs –
обогащаться ценностью

ne pas avoir le monopole
des valeurs – не монополи-
зировать ценности

prendre toute sa valeur –
вступить в свои права
(букв: приобретать значи-
мость, ценность)

Выявлено в контексте

...fête «tout court» d'hommes d'action et de convictions qui vont pouvoir, quelques heures durant, oublier leurs soucis et communier aux valeurs qui les portent (www.legion-recrute.com).

Ils expriment tout l'orgueil, toute la force et toute la détermination d'une famille légionnaire qui continue à croire à ses valeurs (www.defense.gouv.fr).

Sur un plan plus personnel, c'est une opportunité unique de puiser dans les valeurs et dans les convictions qui guident notre existence, pour redonner un sens à notre engagement, sous le regard de notre Créateur (www.defense.gouv.fr)

Mais il est juste de reconnaître que nous n'avons pas le monopole de ces valeurs : nous les partageons avec de nombreux frères d'armes (www.defense.gouv.fr)

Ce sont des instants où la notion de «famille légionnaire» prend toute sa valeur, en nous rassemblant dans un même élan de camaraderie, du plus jeune de nos engagés volontaires au plus glorieux de nos anciens (www.legion-recrute.com)

Как можно видеть из приведенных примеров, современное содержание понятия «*valeur*» как ценность, т. е. то, что заслуживает

уважения общества и служит ориентиром в жизни, восходит к значениям XIII в. и с ними практически совпадает.

«Honneur» в культуре рыцарства и ФИЛ ВС

«Honneur» («честь») – аксиологическое понятие, сложное образование, репрезентирующее морально-нравственную категорию. Честь неотделима от представлений о достоинстве и самоуважении, и истоки этих этических установок следует искать в западноевропейской этике Средневековья [Dictionnaire 2004, с. 523]. С одной стороны, содержание понятия «honneur» означает соответствие норме, так как в любую эпоху честь являлась важной составляющей ценностных представлений человека. С другой стороны, содержание понятия «честь» формирует «зону хорошего», реализуя положительную этическую и нормативную оценку.

Впервые «honneur» = «честь» как понятие духовной культуры было засвидетельствовано в латинских текстах VI в. [Rey 1993, с. 1627]. В этике Средневековья исторически основу «честь» составляли качества военного, принадлежавшего к элитному сословию – рыцарской среде, что воплотилось в идеал ратника-феодала. Честь считалась качеством исключительно высшего сословия и включала в себя такие положительные качества, как *воинская доблесть, верность, социальная значимость, мудрость и щедрость*.

Понятие «честь» означало «почитание, уважение по отношению к добродетели, к заслугам» («marque de veneration, de considération attaché à la vertu, aux mérites» [Rey 1993, с. 970]) и отражало «высшую духовную ценность».

В данном значении *honor* = «честь» вербализовано в старофранцузских хрониках эпохи Крестовых походов:

Seignor, por Dieu, ne perissons la
grant honor que Dieux nos a faite!
[Villehardouin 1969, с. 198]

Сеньоры, не утратим великую
честь, которую Господь нам дал!

Согласно лексикографическим источникам, в старофранцузском языке прилагательное *honorez*, являясь дериватом от *honor*, имело значение «почтенный, достойный уважения» (*honorable, digne d'estime*) [Grandsaignes 1947, с. 373]. В данном значении *honorez* встречается в тексте старофранцузских хроник:

Li cuens mourut don granz
dommage fu car mult ere honorez
et bons chevaliers [Villehardouin
1969, с. 46].

Итак, скончался граф; умер, и от
этого было великое горе, так как
он был весьма почитаемым и был
хорошим рыцарем.

В указанном контексте *honorez* приобретает то же значение, что и *honor*, о котором мы говорили выше: «уважаемый обществом, почитаемый».

В наши дни аксиологическое понятие «honneur» также относится к базовым ценностям. Применительно к военнослужащим «honneur» служит основой официально принятого «кодекса чести» (например, «Code d'honneur du légionnaire»); «honneur» – часть девиза многих полков, служб и родов войск ВС Франции: *Honneur et Patrie* («Честь и Отчизна»).

Если рассматривать вербализацию понятия «honneur» в соответствующем профессиональном военном дискурсе ФИЛ ВС, здесь прежде всего актуализированы следующие аксиологические маркеры: «воинское братство» (*fraternité d'armes*), «командный дух» (*l'esprit de corps*), «уважение противника» (*respect de l'ennemi*), «готовность к самопожертвованию» (*esprit de sacrifice*) и «чувство долга» (*sentiment du devoir*).

Рассматривая «honneur» в его историческом развитии, следует отметить, что постепенно данное понятие приобрело более обобщенный характер, характеризуя не только представителей благородного сословия, но и людей тех профессий, в которых главным считалось соблюдение моральных принципов и профессионального долга [Грицианов 2003, с. 207]. В контексте войск ФИЛ понятие «долг» имеет такие аксиологические маркеры, включающие сему «обязательство», в значении «бороться до последнего» (*se battre et, le cas échéant, à verser son sang*) и «поставить на кон жизнь» (*mettre dans la balance son cœur*).

«Fidélité» в культуре рыцарства и ФИЛ ВС

Верность проявляется исключительно по отношению к *своим*, основана на сакрализации доверия и во всех культурах признается ведущей ценностью в сферах как личных, так и статусно-ориентированных отношений. В средневековой рыцарской культуре аксиологическое

понятие «верность» вербализовано лексемами *fidelitas* (лат.) и *fealté* (ст.-франц.), имевших в качестве основного значения «верность в служении» [Grandsaignes 1947, с. 283]. В рыцарской среде *верность* подразумевала следующие нравственные обязательства: верность данной клятве (*convenance assurée et jurée*), верность и подчинение сюзерену-императору (*servise à l'empereor*) и верность Богу (*la servise Dieu*). Содержание понятия «верность» включало в себя не только формально-юридические отношения сюзерен / вассал как отношения между представителями двух слоев феодального общества, но также подразумевало некое религиозное таинство с позиций его этико-религиозного содержания.

Верность считалась «очень сильным термином, сложившимся в недрах семьи» [Favier 1993, с. 260]. Под термином подразумевалась идея *служения*, т. е. полного подчинения своему сеньору: «Согласиться на положение сына, признать, что ему отныне надлежит почитать другого и помогать ему» [Favier 1993, с. 266]. Это был род верности, сохранения которой требовал обычай.

Вербализацию понятия «верность» именно в этом значении можно видеть в тексте хроник Крестовых походов:

Te jugerons sur sainz, que
nos te servirons à bone foi
[Villehardouin 1969, с. 154].

Мы тебе клянемся на святых мощах, что
будем служить тебе с честностью.

Глагол *servir* в исследуемом отрывке хроники имеет значение «верность сеньору». В контексте нравственных канонов Средневековья он отражает этическую и нормативную оценку. В качестве интенсификатора положительной оценки выступает выражение *bone foi* – «добросовестность, честность».

Христианская средневековая модель мира подразумевала служение сеньору, воспринимаемое рыцарем так же, как и служение Богу, заключающееся в послушании, вечной преданности и готовности защищать своего господина. Служение было высшим проявлением верности, сохранения которой требовал рыцарский обет.

Аксиологическое понятие «верность» и сейчас занимает важное место в профессиональной картине мира французских военных. Особо значимую роль понятие «верность» играет в идеологии ФИЛ – это ключевое понятие в «Code d'honneur du légionnaire»: *Légionnaire, tu*

es un volontaire, servant la France avec honneur et fidélité (www.legion-recrute.com). В этом отрывке «Кодекса» идея «служения», фактически не изменив своего типичного для Средневековья содержания (преданность, личное подчинение и готовность защищать), реализуется в «проявлении верности Франции». «Fidélité» – часть ритуальной эмблемы, которая входит в девиз полков: *Honneur et fidélité* («Честь и верность»). Отличие этого девиза от рассмотренного выше *Honneur et patrie* обусловлено внешними объективными факторами – большая часть солдат и офицеров ФИЛ по своему рождению не являлись гражданами Французской Республики; они обладали правом нести военную службу в качестве иностранцев и не зависели от моральных обязательств перед своим родным государством.

Аксиологическое понятие «fidélité» представляет собой своего рода разграничительный индекс по отношению к профессиональному сообществу легионеров. *Fidélité* принимается сообществом в качестве основы морального кодекса и включает в себя такие нравственные обязательства, как «верность и служение Франции» (*s'il accepte de servir la France, c'est par fidélité qu'il le fait*), «верность своему слову» и «верность в служении» (*fidélité liée à la parole donnée et à la signature apposée sur l'acte d'engagement*), «верность военному институту» (*respect des termes d'un accord passé entre un homme et une institution*), «личные гарантии защиты» (*en échange de la protection et de la seconde chance offertes*). Помимо исключительно профессиональных достоинств военного, *fidélité* отражает и общечеловеческие ценности: «верность принципам гуманизма, свободы, цивилизации» (*fidélité aux valeurs d'humanisme, de liberté et de civilisation de la France*).

Таким образом, основа понятия «fidélité», заключающаяся в идее служения и личной преданности, на протяжении столетий оставалась неизменной. Содержание понятия «fidélité» отражает идеал общественно одобряемого поведения в своей эволюции от средневекового рыцаря до современного солдата ФИЛ ВС.

Идея верности, ориентируясь на статусно-иерархические отношения, столетиями культивировалась в замкнутой социальной группе французских военных и всегда имела целью сформировать вертикаль власти и механизмы управления армией. Подобно тому, как в Средневековье существовала четко отлаженная система подчинения сюзерен – феодал / рыцарь – вассал на основе «кодекса чести рыцаря»,

в современном ФИЛ ВС Франции действует на основе *Code d'honneur du légionnaire* иерархия французской армии: командный состав / офицеры-военнослужащие.

Заключение

Степень преемственности лучших традиций рыцарства современными ФИЛ ВС представляется малоизученной темой и заслуживает отдельного серьезного исследования: насколько сознательно поддерживается такая преемственность, создана ли она искусственно французскими идеологами в наше время или является естественной эволюцией в течение столетий негласного «кодекса чести рыцаря». Представляется также интересным расширить временные рамки и исследовать в диахронии аксиологическое понятие «доблесть» на материале текстов более поздних эпох.

На основе проведенного анализа языкового материала можно сделать вывод, что в современной воинской моральной доктрине ФИЛ ВС нашли отражение традиционные моральные ценности, составляющие понятие «доблесть» и включающие в себя не только достоинства воина, но и общечеловеческие добродетели.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Грицианов А. А. Новейший философский словарь. М. : Книжный дом, 2003. 1280 с.
- Гуревич А. Я. Индивид и социум в средневековом Западе. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2005. 424 с.
- Дюби Ж. История Франции. Средние века. От Гуго Капета до Жанны д'Арк (987–1460 гг.) / пер. с фр. Г. А. Абрамова, В. А. Павлова. М., 2001. 416 с.
- Карповский А. С. Субкультура рыцарства в контексте политической и правовой культуры средневековой Европы : дис. ... канд. культурологии. М., 2003. 230 с.
- Микешина Л. А. Деонтология, или Наука о морали // Новая философская энциклопедия. М.: Мысль, 2010. Т. 1. 744 с.
- Попов А. А. Этика. Курс лекций. М. : Центр, 1998. 160 с.
- Ткаченко О. В. Феномен чести в европейской и русской культуре (философско-антропологический анализ). Ростов-н/Д : Изд-во Северо-Кавказского научного центра высшей школы (СКНЦ ВШ), 2005. 143 с.
- Bloch M. La société féodale (La formation des liens de dépendance). Paris : Édition Albin Michel, 1939. 470 p.

- Dictionnaire d'éthique et de philosophie morale. / publ. sous la direction de Monique Canto-Sperber. Paris : Quadrige : PUF, 2004. T. 1. 1035 p.
- Dubois J.* Dictionnaire étymologique et historique du français. Paris: Larousse, 2000. 821 p.
- Favier J.* Dictionnaire de la France médiévale. Paris : Librairie Arthème Fayard, 1993. 982 p.
- Grandsaignes d'Hauterive R.* Dictionnaire de l'ancien français. Moyen Age et Renaissance. Paris : Larousse, 1947. 589 p.
- Rey A.* Dictionnaire historique de la langue française. Paris : Dictionnaires le Robert, 1993. 2365 p.
- Villehardouin G. de.* La conquête de Constantinople. Chronologie et préface par Jean Dufournet. Paris : Garnier, Flammarion, 1969. 192 p.

REFERENCES

- Gricianov A. A.* Novejšij filozofskij slovar'. M. : Knizhnyj dom, 2003. 1280 s.
- Gurevich A. Ja.* Individ i socium v srednevekovom Zapade. M. : Rossijskaja političeskaja jenciklopedija (ROSSPJeN), 2005. 424 s.
- Džubi Zh.* Istorija Francii. Srednie veka. Ot Gugo Kapeta do Zhanny d'Ark (987–1460 gg.) / per. s fr. G. A. Abramova, V. A. Pavlova. M., 2001. 416 s.
- Karpovskij A. S.* Subkultura rycarstva v kontekste političeskoj i pravovoj kul'tury srednevekovoj Evropy : dis. ... kand. kul'turologii. M., 2003. 230 s.
- Mikeshina L. A.* Deontologija, ili Nauka o morali // Novaja filozofskaja jenciklopedija. M.: Mysl', 2010. T. 1. 744 s.
- Popov A. A.* Jetika. Kurs lekcij. M. : Centr, 1998. 160 s.
- Tkachenko O. V.* Fenomen česti v evropejskoj i ruskoj kul'ture (filozofsko-antropologičeskij analiz). Rostov-n/D : Izd-vo Severo-Kavkazskogo naučnogo centra vysshej šhkoły (SKNC VSh), 2005. 143 s.
- Bloch M.* La société féodale (La formation des liens de dépendance). Paris : Édition Albin Michel, 1939. 470 p.
- Dictionnaire d'éthique et de philosophie morale. / publ. sous la direction de Monique Canto-Sperber. Paris : Quadrige : PUF, 2004. T. 1. 1035 p.
- Dubois J.* Dictionnaire étymologique et historique du français. Paris: Larousse, 2000. 821 p.
- Favier J.* Dictionnaire de la France médiévale. Paris : Librairie Arthème Fayard, 1993. 982 p.
- Grandsaignes d'Hauterive R.* Dictionnaire de l'ancien français. Moyen Age et Renaissance. Paris : Larousse, 1947. 589 p.
- Rey A.* Dictionnaire historique de la langue française. Paris : Dictionnaires le Robert, 1993. 2365 p.
- Villehardouin G. de.* La conquête de Constantinople. Chronologie et préface par Jean Dufournet. Paris : Garnier, Flammarion, 1969. 192 p.

УДК 81-23

И. А. Цыбова

доктор филологических наук, профессор,
старший научный сотрудник кафедры французского языка
факультета международного права Московского государственного института
международных отношений (Университет) МИД России;
e-mail: ia.tsybova@gmail.com

О ПАРАДИГМАТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЯХ В ЛЕКСИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА

В статье рассматриваются парадигматические отношения в лексической системе французского языка: вопросы синонимии, полисемии, омонимии, антонимии, паронимии, гипонимии / гиперонимии, а также голонимы, меронимы и различные типы семантических полей. Различаются абсолютные и относительные синонимы, абсолютные синонимы и варианты слов. Рассматриваются синонимичные аффиксы *-age / -ement, in- / non- / mé-, sur- / super-, extra- / ultra-*. Относительные синонимы рассматриваются с позиций семейного сходства. Среди вариантов аффиксов имеются прототипы: *-ien, -ier, -erie, in-, dé-, en-*. Полисемия отличается от омонимии существованием общей семы. Антонимы имеются при наличии объединяющего их общего концепта. Относительные антонимы могут быть связаны семантически со своими синонимами. Паронимы, гипонимы / гиперонимы, голонимы / меронимы также входят в лексическую систему языка. В статье анализируются различные типы семантических полей.

Ключевые слова: парадигматика; лексическая синонимия; полисемия; омонимия; антонимия; паронимия; гипонимия; голонимы; семантические поля.

I. A. Tsybova

Doctor of Philology (Dr. habil.), Professor,
Senior Research Fellow at the Department of the French Language,
International Law School, MGIMO University; e-mail: ia.tsybova@gmail.com

ON PARADIGMATIC RELATIONS IN THE FRENCH LEXICAL SYSTEM

The article deals with paradigmatic relations in the French lexical system: synonymy, polysemy, homonymy, antonymy, paronymy, hyponymy / hyperonymy, as well as holonyms, meronyms and different types of semantic fields. Synonyms are differentiated as absolute and relative; absolute synonyms differ from variants of words. Synonymous affixes *-age- / -ement, in-, non- / mé-, sur- / super-, extra- / ultra-* are considered. Relative synonyms are considered from the standpoint of family resemblance (cognitive approach). There are prototypes among the variants of affixes: *-ien, -ier, -erie, in-, dé-, en-*. Polysemy differs from homonymy by the existence of any common seme. Antonyms exist if they have a common concept. Relative antonyms

can be related semantically to their synonyms. Paronyms, hyponyms / hyperonyms, holonyms / meronyms are also included into the lexical system of the language. Different types of semantic fields are analyzed

Key words: paradigmatics; lexical synonymy; polysemy; homonymy; antonymy; paronymy; hyponymy, holonyms, semantic fields.

Synonymie

Dans l'optique cognitive les **synonymes** sont compris comme unités d'un espace mental occupant des endroits différents et correspondant aux images différentes de la réalité décrite [Кубрякова 2004, p. 432].

Il existe la synonymie lexicale, dérivationnelle, grammaticale et phraséologique. C'est de la synonymie lexicale et dérivationnelle qu'ils'agit dans cet article.

Il y a des approches différentes de la synonymie. On prend en considération: 1) le degré d'identité de leur sens; 2) leur équivalence fonctionnelle dans le texte; 3) leurs caractéristiques appréciatives et stylistiques [Новиков 1990, p. 446]. Selon le premier critère, on distingue les synonymes **absolus** et **relatifs**. Les premiers sont peu nombreux, comme, par exemple: *hypéronyme – superordonné, nul – aucun, (consonne) fricative – constrictive – spirante, языкознание – лингвистика*. Les synonymes absolus se rencontrent dans **la terminologie scientifique**. D'autre part, on voit des synonymes absolus dans **l'argot**: *pognon, grisbi, oseille, osier, pèse (pèze), picailions* signifient *l'argent*. Pour R. Martin la synonymie absolue est un état précaire [Martin 1976, p. 114]. Les synonymes absolus diffèrent des **variantes** de mots. Ces dernières tout en gardant leur identité sémantique maintiennent leur ressemblance de forme. Les paires de mots telles que *an / année, mont / montagne* présentent des **variantes combinatoires** de mots. Par exemple: *le Jour de l'An; le Nouvel An; Elle a vingt ans et cette année; Bonne année! année scolaire; Combien d'années? Le mont Everest et le climat de montagne*.

Les **synonymes relatifs**, beaucoup plus nombreux, diffèrent par un ou plusieurs sèmes. Tandis que dans *courageux* tous les sèmes reflètent des qualités positives d'une personne, dans *brave* on trouve encore "gentil, mais un peu simple" et dans *téméraire* les qualités positives se transforment en défaut: "qui manifeste une hardiesse excessive et imprudente". Et avec *audacieux* et *hardi* on assiste à toute une série de synonymes qui diffèrent par leurs sèmes dénotatifs et connotatifs.

D'après leurs caractéristiques évaluatives et stylistiques Л. А. Новиков distingue trois types de synonymes [Новиков 1990, p. 447]: synonymes **dénotatifs** (*répondre / répliquer, maison / bâtiment / immeuble*), synonymes **connotatifs (stylistiques)**: *mourir / trépasser, cheval / coursier, tomber / choir*), synonymes **semantico-stylistiques** (*se promener / se balader, venir / s'amener, dormir / roupiller*). On sait que ces derniers temps les mots familiers, populaires et argotiques pénètrent dans le parler de tous les jours. L'emploi de ces mots est **fonctionnel**: tout dépend de la situation de la communication (à qui parler, de quoi parler, dans quelle situation).

Selon le principe **cognitif de ressemblance de famille** introduit par L. Wittgenstein [v. Кубрякова и др. 1996, p. 170–172] on peut situer le mot *petit* de façon suivante:

minuscule, microscopique – *petit* – étroit, court } sens propre

 / \
bas, maigre

faible, infime, léger, médiocre, mesquin, misérable } sens figuré

En matière de **synonymie dérivationnelle** il s'agit des **affixes synonymiques**. Ainsi, par exemple, les suffixes *-age* et *-ement* servent à désigner l'action / son résultat / l'état:

ajustage n. m. – opération consistant à donner à une pièce mécanique la dimension exacte nécessaire pour qu'elle s'assemble correctement avec une autre; *ajustement* n. m. – action d'ajuster, son résultat;

boisage n. m. – action de boiser; ensemble des éléments de soutènement (*en bois ou en métal*) des chantiers d'exploitation et des galeries d'une mine; *boisement* n. m. – action de boiser un lieu; plantation d'arbres forestiers.

Par conséquent, les dérivés en *-age* et *-ement* peuvent être **synonymiques**. Parmi ces dérivés on trouve des **doublets** ou **variantes dérivationnelles** [v. Арутюнова 2007, p. 46–47]: *aiguillage / aiguisement* – action d'aiguiser, *bredouillage / bredouillement* – fait de bredouiller, paroles indistinctes, *broyage / broiement* – action de broyer, son résultat, *creusage / creusement* – action de creuser, son résultat. Pourtant les variantes sont peu nombreuses: elles ne constituent que 4 % de dérivés en *-age* et *-ement* [Цыбова 2014, p. 129]. Les variantes dérivationnelles ont tendance tantôt à disparaître, tantôt à se différencier [Dubois et al. 1960, p. 91; Tsybova 2017, p. 74].

Outre les suffixes synonymiques il existe des **préfixes synonymiques**: *super-* / *sur-*; *in-* (*im-*, *il-*, *ir-*) / *non-* / *mé-*; *extra-* / *ultra-*. Exemples:

supergrand *n. m.*, superpuissance *n. f.* / suractivité *n. f.*, suralimenttion *n. f.*;
impossible *adj.*, illégal *adj.* / non-violent *adj.* / mécontent *adj.*;
extrafin *adj.* / ultraléger *adj.*

Selon l'optique **cognitive** on peut trouver les **prototypes** parmi les variantes des affixes: les **suffixes** *-ier*, *-erie*, *-ien* sont les **prototypes** de *-tier*, *-terie*, *-éen*; les **préfixes** *in-*, *dé-*, *en-* sont les prototypes de *im-* / *il-* / *ir-*, *dis-*, *em-* [Цыбова 2014, с. 128]. Si les variantes combinatoires des affixes se maintiennent dans la langue, l'une des variantes dérivationnelles tend à disparaître [id., с. 129].

Polysémie

R. Martin distingue la polysémie **interne** due au transfert métaphorique ou métonymique et **externe**: *apprendre* la danse (à danser) à qqn / *apprendre* une nouvelle à qqn. La polysémie de sens est caractérisée par la combinaison de la soustraction et de l'addition de sèmes: *couler* (l'eau coule / le navire coule); *changer* qqch, de qqch, en qqch, contre qqch [Martin 1983, p. 76–78]. La **polysémie** s'oppose à l'**homonymie**. Selon A. Niklas-Salminen, la distinction entre polysémie et homonymie est arbitraire et indéterminée. En effet, cet arbitraire se traduit par les divergences de classement des différents dictionnaires : pour *bouton* le Petit Robert a adopté une présentation polysémique – une seule entrée et le Dictionnaire du français contemporain une présentation homonymique – trois entrées [Niklas-Salminen 1997, p. 126]. Toutefois, la polysémie se distingue de l'homonymie par l'existence d'un sème commun [Шмелев 1990, с. 382]. La polysémie est levée dans le texte.

Homonymie

On distingue les **homonymes absolus** et **relatifs**. Les **homonymes absolus** présentent la même forme phonique et graphique et la même partie du discours: *baie* *n. f.* – *espèce de fruit* (raisin, groseille, cassis); *baie* *n.f.* – partie du littoral; *bas* *n. m.* – partie inférieure (*bas* du visage); *bas* *n. m.* – pièce de vêtement habillant le pied et la jambe; *cousin* *n. m.* – parent; *cousin* *n. m.* – insecte. Parmi les **homonymes relatifs** on voit les **homophones** (*pain* *n. m.* / *pin* *n. f.*; *faim* *n. f.* / *fin* *n. f.*; *conte* *n. m.* /

compte n. m. / *comte* n. m.; *foi* n. f. / *foie* n. m. / *fois* n. f.; *maire* n. m. / *mer* n. f. / *mère* n. f.; *ver* n. m. / *verre* n. m. / *vers* n. m. / *vers* prep. / *vert* adj.) et les **formes homonymiques** de mots ou “**homofor**mes” [terme de Виноградов 1994, p. 131], mots de sens différents dont quelques formes coïncident phonétiquement et / ou graphiquement et qui diffèrent par leur partie du discours: *bond* n. m. / *bon* adj.; *don* n. m. / *dont* pron.; *fond* n. m. / (*ils*) *font*; *mont* n. m. / *mon* adj. possessif; *on* pron. / (*ils*) *ont*; *son* n. m. / *son* adj. possessif / (*ils*) *sont*; *vin* n. m. / *vain* adj. / *vingt* adj. numéral / (*il*) *vint*. Les vrais **homographe**s qui diffèrent par leur prononciation sont plus nombreux dans les langues où l’accent est mobile, comme l’italien (*ancora* “ancre” / *ancóra* “encore”; *príncipi* “princes” / *príncipi* “début”) ou le russe (*зámok* “château” / *замóк* “serrure”; *му́ка* «supplice» / *мука́* “farine”). Par contre, en français où l’accent est fixe, les homographes se rencontrent rarement: *les fils à papa* / *les fils de soie*.

Antonymie

Les mots désignant des objets concrets (*chaise*, *table*, *livre*) et n’ayant pas de connotations sont dépourvus d’antonymes. En revanche, si cette antithèse contient des métonymies qui ont des connotations, elle possède des antonymes: *Paix aux chaumières*, *guerre aux palais*. On sait que les antonymes servent à exprimer des **concepts contraires** par leurs caractéristiques qualitatives, quantitatives, temporelles, etc. Cependant, pour qu’on puisse parler des antonymes, il faut qu’il y ait un **concept commun** servant de base à ces mots: *chaud* / *froid* (température), *lourd* / *léger* (poids), *entrer* / *sortir* (mouvement horizontal).

On distingue les types d’antonymes suivants: [Новиков 1990, p. 36]:

1) Les **antonymes contraires** expriment l’**opposition graduelle** qualitative ou quantitative: *facile* / *difficile*, *fort* / *faible*, *léger* / *lourd*, *riche* / *pauvre*. On peut y observer différents **degrés d’intensité**:

excellent – très bon – bon – assez bon – médiocre – mauvais – très mauvais
jeunet – jeune – d’âge moyen – âgé, vieux
ricchissime – riche – aisé – pauvre – misérable, indigent

2) Les **antonymes complémentaires** désignent les concepts qui ne coexistent pas: ce qui est *vrai* n’est pas *faux*; celui qui est *aveugle* n’est pas *voyant*; celui qui est *vivant* n’est pas *mort*; ce qui se trouve *devant* qqch ou qqun n’est pas *derrière* cet objet ou cette personne.

3) Il y a des antonymes exprimant des qualités, des actions, des caractéristiques **opposées**: *arriver / partir, révolutionnaire / contre révolutionnaire, entrer / sortir, monter / descendre, allumer / éteindre; national / antinational*.

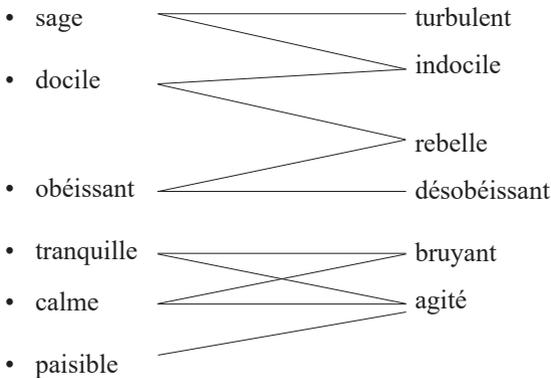
4) Il existe un groupe d'antonymes, peu nombreux, désignant des **actions réciproques**: *donner / prendre, vendre / acheter, prêter / emprunter*.

Il y a des antonymes **absolus** dont tous les sèmes trouvent leurs contraires (*achevé / inachevé*) et des antonymes **relatifs**. Par exemple:

beau, bel, belle adj. 1. Qui éveille une émotion esthétique, qui suscite un plaisir admiratif. 2. Agréable. 3. Qui témoigne de la noblesse, de la générosité. 4. Important, considérable. 5. Qui est très satisfaisant, très réussi.

laide, e adj. 1. Dont l'aspect heurte le sens esthétique, l'idée qu'on a du beau. 2. Qui s'écarte des bienséances, de ce que l'on pense être bien, moral, honnête.

Les **antonymes** relatifs peuvent être liés par des rapports sémantiques avec leurs **synonymes**. Par exemple:

Paronymie

On trouve deux types essentiels de **paronymes**:

1) Les paronymes ayant une **coïncidence partielle** du plan de l'expression et du plan du contenu: *chanteuse / cantatrice, chevalier / cavalier, enfant / infant, humeur / humour, noir / nègre, oeuvre / opéra*.

2) Dans l'autre type de paronymes la coïncidence partielle ne porte que sur le plan de l'expression. Cela est conditionné donc par le caractère

psycholinguistique de la paronymie [Лейчик, Секежицки 2000, p. 46].
Par exemple:

allocation n.f. (action d'allouer qqch. à qqun.) / *allocution* n.f. (bref discours officiel), *conjecture* n.f. (supposition) / *conjoncture* n.f. (situation qui résulte d'un concours de circonstances, occasion), *éminent* adj. (qui est au-dessus du niveau commun) / *imminent* adj. (qui est sur le point de se produire).

Le procédé stylistique de **paronomase** est lié à la **paronymie**: *Qui seresseuble s'assemble. Au volant, la vue c'est la vie* (exemple tiré de [Береговская 2011, p. 124]).

Holonyme et **méronyme**. Du point de vue **cognitif** on comprend sous **l'holonyme** le **tout** et sous **le méronyme** une **partie**. On trouve les types de relations suivants entr'eux [Gaudin, Guespin 2000, p. 192–194]:

- 1) objet / élément: *jambe* / *pied*;
- 2) ensemble / membre: *foret* / *arbre*;
- 3) masse / portion: *neige* / *flocon*;
- 4) objet / constituant: *farine* / *gâteau*;
- 5) activité / phase: *discours* / *péroraison*.

Hyperonymie et hyponymie

“Le terme d'hyponymie désigne un rapport d'*inclusion* appliqué non à la référence, mais au signifié des unités lexicales concernées” [Dubois et al. 1973, p. 247]. Par exemple: *chat* est une espèce, un hyponyme du genre *animal*, qui comprend encore *chien*, *loup*, *renard*, *ours*, *lièvre*, *hérisson*, *cerf*, etc. Donc, l'**hyperonyme** ou le **superordonné** *animal* est plus inclusif que *chat*. Dans le texte on peut remplacer un hyponyme par son hyperonyme. De sorte qu'on peut considérer l'**hyponymie** comme **quasi-synonymie** [Новиков 1990, p. 104].

Champs sémantiques

Outre les **champs notionnels** (J. Trier, G. Ipsen, W. Porzig, L. Weisgerber, G. Matoré), on peut citer les **champs associatifs** de Ch. Bally, les **champs morpho-sémantiques** de P. Guiraud. “C'est un complexe de relations de formes et de sens formé par un ensemble de mots” [Guiraud 1955, p. 80]. Par exemple, le mot *chat* a fait naître des images et des métaphores, comme celles-ci: “*j'ai d'autres chats à fouetter*”, “*acheter chat en poche*”, “*il n'y a pas un chat*”, “*avoir un chat dans la gorge*”, “à

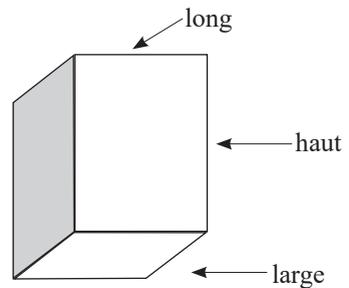
bon chat, bon rat”, “*retomber comme un chat sur ses pattes*”, “*être (vivre) comme chien et chat*”, “*écrire comme un chat*”, “*la nuit, tous les chats sont gris*”, “*quand le chat n’est pas là, les souris dansent*”, etc. Selon P. Guiraudon retrouve le mot *chat* dans des dénominations métaphoriques de quelques plantes, personnes, choses, qualités. Chacun des noms du *chat* prend un certain nombre de sens. L’ensemble de ces mots forme un réseau de synonymes, homonymes, etc. [id., p. 89–90].

Comme la **vision du monde** diffère selon les nations, les **champs lexicaux** sont aussi différents d’une langue à l’autre. Par exemple, au mot français *bleu* (*blue* en anglais, *blau* en allemand) correspondent deux mots russes (*синий* et *голубой*) et trois mots en polonais : *niebieski*, *blekitny*, *granatowy*. Par contre, les concepts *рука* et *нога* sont considérés en russe en entier, tandis qu’en français il y a deux dénominations pour chacun de ces mots: *main / bras*, *pied / jambe*.

Ю. С. Степанов distingue les **champs dénotatifs** (dénominations des couleurs, des plantes, des animaux, de la mesure, du temps, etc) et les **champs significatifs** ou notionnels (dénominations des sentiments, des processus de perception, etc.). Dans les champs dénotatifs les mots sont organisés selon le principe “espace” (le tout et la partie, la fonction et ses arguments) et dans les champs significatifs c’est le principe “temps” qui prédomine [Степанов 1990, p. 438–439].

Dans l’**optique cognitive** le **champ sémantique** s’élargit jusqu’à trois dimensions de l’espace plus le temps. Tels sont, par exemple, les rapports entre *haut / long / large*:

Le terme *haut* désigne “une certaine dimension au sens vertical” [Le Petit Larousse 2005], tandis que *long* “a une certaine étendue d’une extrémité à l’autre” [ibid.] et *large* “a une certaine

étendue au sens perpendiculaire” [ibid.]. Dans la signification lexicale de tous ces mots il y a un **sème commun**: “une certaine dimension”: *haut* de dix mètres, *long* de cent kilomètres, *large* de cinq mètres. Ces mots peuvent posséder encore un sème – “dimension importante”: Il est *haut* de taille et *large* d’épaules. Cette rue est *longue*. Cela permet le développement du **sens figuré**:

haut – *hautes* températures (niveau élevé d'intensité), *haut* fonctionnaire (position supérieure), calcul de haute précision (très grand);

large – faire de *larges* concessions (important en quantité), un esprit *large*, des idées *larges*;

long – une *longue* avenue (qui s'étend sur une grande distance), un *long* voyage (qui dure longtemps).

On voit que les mots *haut* et *large* employés **au sens figuré** acquièrent des **connotations évaluatives**, alors que *long* peut mesurer **non seulement l'espace**, mais aussi **le temps** (la durée). À l'inverse des mots analysés, leurs **contraires** [*bas*, *étroit*, *court* (*bref*)] sont dépourvus de signification "une certaine dimension mesurée". En effet, on ne peut pas dire: *Cet homme est *bas* de cent soixante centimètres ou * La rivière est *étroite* de cinq mètres ou bien * Ce voyage est *court* de deux heures [Tsybova 2017, p. 52–53].

Conclusion

Il existe des synonymes, des homonymes et des antonymes absolus et relatifs. Parmi les synonymes on distingue les synonymes dénотatifs, connotatifs et semanticostylistiques. Leur emploi est fonctionnel. On observe la synonymie des suffixes *-age* / *-ement* et des préfixes *in-* (*im-*, *il-*, *ir-*) / *non-* / *mé-*, *super-* / *sur-*. Les mots polysémiques diffèrent des homonymes par l'existence d'un sème commun. Les antonymes relatifs peuvent être liés par des rapports sémantiques avec leurs synonymes. Les paronymes, holonymes et méronymes aussi bien que les hyperonymes et les holonymes font partie du système lexical. Les champs lexicaux diffèrent d'une langue à l'autre. Dans l'optique cognitive le champ sémantique de l'espace peut s'élargir pour comprendre le concept du temps.

BIBLIOGRAPHIE

- Арутюнова Н. Д. Проблемы морфологии и словообразования (на материале испанского языка). М. : Языки славянских культур, 2007. 288 с.
- Береговская Э. М. Живая риторика. Rhétorique vivante. СПб. : Люмбер, 2011. 180 с.
- Виноградов В. С. Курс лексикологии испанского языка : учеб. для ун-тов. М. : Высшая школа, 1994. 192 с.
- Кубрякова Е. С. Язык и знание: на пути получения знаний о языке. Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М. : Языки славянской культуры, 2004. 560 с.

- Кубрякова Е. С. и др. Семейное или фамильное сходство // Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина ; под общ. ред. Е. С. Кубряковой. М. : Филологический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова, 1996. С. 170–172.
- Кузнецова И. Н. Паронимия в современном французском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1977. 14 с.
- Лейчик В. М., Секежцики Э. Основы конфронтативной лексикологии польского и русского языков. Щецин : Uniwersytet Szczeciński. Rozprawy i Studia T. (CDXXVIII) 354, 2000. 250 с.
- Новиков Л. А. Антонимия. Антонимы // Лингвистический энциклопедический словарь. М. : Советская энциклопедия, 1990. С. 35–36.
- Новиков Л. А. Гипонимия // Лингвистический энциклопедический словарь. М. : Советская энциклопедия, 1990. С. 104.
- Новиков Л. А. Синонимия. Синонимы // Лингвистический энциклопедический словарь. М. : Советская энциклопедия, 1990. 447 с.
- Степанов Ю. С. Семантика // Лингвистический энциклопедический словарь. М. : Советская энциклопедия, 1990. С. 438–439.
- Цыбова И. А. О словообразовательной вариантности и синонимии // Когнитивные исследования языка : сб. научных трудов / отв. ред. В. З. Демьянков. М. – Тамбов, 2014. Вып. XIX. Когнитивное варьирование в языковой интерпретации мира. С. 127–130.
- Шмелев Д. Н. Полисемия // Лингвистический энциклопедический словарь. М. : Советская энциклопедия, 1990. С. 382.
- Dubois J. et al. Dictionnaire de linguistique / J. Dubois, M. Giacomo, C. Marcellesi, J.-B. Marcellesi, J.-P. Mével. P. : Larousse, 1973. 516 p.
- Dubois J. et al. Le mouvement général du vocabulaire français de 1949 à 1960 d'après un dictionnaire d'usage / J. Dubois, L. Guilbert, H. Mitterrand, J. Pignon // FM. P., 1960. N 2. P. 86–106; N 3. P. 196–210.
- Gaudin F., Guespin L. Initiation à la lexicologie. De la néologie aux dictionnaires. Bruxelles : Duculot, 2000. 355 p.
- Guiraud P. La sémantique. P. : PUF, 1955. 126 p.
- Le Petit Larousse illustré. 100e éd. Paris : Larousse, 2005. 2100 p.
- Martin R. Inférence, antonymie et paraphrase. Éléments pour une théorie sémantique. P. : Klincksieck, 1976. 174 p.
- Martin R. Pour une logique du sens. P. : PUF, 1983. 268 p.
- Niklas-Salminen A. La lexicologie. P. : Collin, 1997. 188 p.
- Rey A., Chantreau S. Dictionnaire des expressions et locutions. P. : Le Robert, 2007. 946 p.
- Tsybova I. A. Lexicologie française = Цыбова И. А. Французская лексикология. М. : URSS, 2017. 224 с.

Тыбова И. А. Problèmes sémantiques de formation de mots en français = *Цыбова И. А.* Семантические проблемы словообразования во французском языке. М. : URSS, 2017. 128 p.

REFERENCES

- Arutjunova N. D.* Problemy morfologii i slovoobrazovanija (na materiale ispanskogo jazyka). М. : Jazyki slavjanskih kul'tur, 2007. 288 s.
- Beregovskaja Je. M.* Zhivaja ritorika. Rhétorique vivante. SPb. : Ljum'er, 2011. 180 s.
- Vinogradov V. S.* Kurs leksikologii ispanskogo jazyka : ucheb. dlja un-tov. М. : Vysshaja shkola, 1994. 192 s.
- Kubryakova E. S.* Jazyk i znanie: na puti poluchenija znaniy o jazyke. Chasti rechi s kognitivnoj točki zrenija. Rol' jazyka v poznanii mira. М. : Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2004. 560 s.
- Kubryakova E. S. i dr.* Semejnoe ili famil'noe shodstvo // Kratkij slovar' kognitivnyh terminov / E. S. Kubryakova, V. Z. Dem'jankov, Ju. G. Pankrac, L. G. Luzina ; pod obshh. red. E. S. Kubryakovoj. М. : Filologicheskij fakul'tet MGU im. M. V. Lomonosova, 1996. S. 170–172.
- Kuznecova I. N.* Paronimija v sovremennom francuzskom jazyke : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. М., 1977. 14 s.
- Lejchik V. M., Sekezhicki Je.* Osnovy konfrontativnoj leksikologii pol'skogo i russkogo jazykov. Shhecín : Uniwersytet Szczeciński. Rozprawy Studia T. (CDXXVIII) 354, 2000. 250 s.
- Novikov L. A.* Antonimija. Antonimy // Lingvisticheskij jenciklopedicheskij slovar'. М. : Sovetskaja jenciklopedija, 1990. S. 35–36.
- Novikov L. A.* Giponimija // Lingvisticheskij jenciklopedicheskij slovar'. М. : Sovetskaja jenciklopedija, 1990. S. 104.
- Novikov L. A.* Sinonimija. Sinonimy // Lingvisticheskij jenciklopedicheskij slovar'. М. : Sovetskaja jenciklopedija, 1990. 447 s.
- Stepanov Ju. S.* Semantika // Lingvisticheskij jenciklopedicheskij slovar'. М. : Sovetskaja jenciklopedija, 1990. S. 438–439.
- Cybova I. A.* O slovoobrazovatel'noj variantnosti i sinonimii // Kognitivnye issledovanija jazyka : sb. nauchnyh trudov / otv. red. V. Z. Dem'jankov. М. – Tambov, 2014. Vyp. XIX. Kognitivnoe var'irovanie v jazykovej interpretacii mira. S. 127–130.
- Shmelev D. N.* Poliseimija // Lingvisticheskij jenciklopedicheskij slovar'. М. : Sovetskaja jenciklopedija, 1990. S. 382.
- Dubois J. et al.* Dictionnaire de linguistique / J. Dubois, M. Giacomo, C. Marcellesi, J.-B. Marcellesi, J.-P. Mével. P. : Larousse, 1973. 516 p.

- Dubois J. et al.* Le mouvement général du vocabulaire français de 1949 à 1960 d'après un dictionnaire d'usage / J. Dubois, L. Guilbert, H. Mitterand, J. Pignon // FM. P., 1960. N 2. P. 86–106; N 3. P. 196–210.
- Gaudin F., Guespin L.* Initiation à la lexicologie. De la néologie aux dictionnaires. Bruxelles : Duculot, 2000. 355 p.
- Guiraud P.* La sémantique. P. : PUF, 1955. 126 p.
- Le Petit Larousse illustré. 100e éd. Paris : Larousse, 2005. 2100 p.
- Martin R.* Inférence, antonymie et paraphrase. Éléments pour une théorie sémantique. P. : Klincksieck, 1976. 174 p.
- Martin R.* Pour une logique du sens. P. : PUF, 1983. 268 p.
- Niklas-Salminen A.* La lexicologie. P. : Collin, 1997. 188 p.
- Rey A., Chantreau S.* Dictionnaire des expressions et locutions. P. : Le Robert, 2007. 946 p.
- Tsybova I. A.* Lexicologie française = Cybova I. A. Francuzskaja leksikologija. M. : URSS, 2017. 224 s.
- Tsybova I. A.* Problèmes sémantiques de formation de mots en français = Cybova I. A. Semanticheskie problemy slovoobrazovanija vo francuzskom jazyke. M. : URSS, 2017. 128 p.

О. Ю. Школьников

доктор филологических наук, профессор кафедры романского языкознания
филологического факультета МГУ им. Ломоносова;
e-mail: chkolnikova@mail.ru

**«HOMO PIGER ET HOMO OTIOSUS»:
ПОНЯТИЕ БЕЗДЕЙСТВИЯ И ЕГО ЛЕКСИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ
В РУССКОМ И ИТАЛЬЯНСКОМ ЯЗЫКАХ
(на материале перевода романа И. А. Гончарова «Обломов»)**

В статье рассматриваются лексические средства итальянского и русского языков, используемые для репрезентации понятия «бездействие». На основе компонентного анализа выделяется иерархия семантической структуры каждой лексемы, описывающей состояние бездействия, и анализируется распределение значений в итальянском переводе таких лексем, как *лень, ленивый, лентяй, ленивец, охота же, неохота, бездействие, праздность, покой, нега, небрежно, беззаботно, вяло, уныло* и др. Результаты исследования показали различия в семантической структуре русских и итальянских лексических единиц и выявили зоны пересечения свойственных им значений, а также способы компенсации смысловой составляющей оригинала в итальянском переводе.

Ключевые слова: сопоставительная семантика; компонентный анализ; лексика бездействия; художественный перевод.

O. Ju. Shkolnikova

Doctor of Philology (Dr. habil.), Professor, Romance Languages Department,
Lomonosov Moscow State University, e-mail: chkolnikova@mail.ru

**«HOMO PIGER ET HOMO OTIOSUS»:
THE NOTION OF INACTIVITY AND ITS LEXICAL REPRESENTATION
(based on Ivan Goncharov's novel «Oblomov» and its Italian version)**

The paper examines the lexical means of rendering the concept "inactivity" in the Russian and Italian languages. On the basis of componential analysis the author highlighted the hierarchy of the semantic structure of each lexeme describing the state of inactivity, and analyzes the distribution of meanings in the Italian translation of such lexemes as laziness, lazy, lazybones, reluctance, inactivity, idleness, peace, bliss, carelessly, carelessly, sluggishly, dull etc. The analysis demonstrated a series of differences between Russian and Italian lexical units on the level of semantic structure and identified areas of intersection of their characteristic meanings, as well as ways of compensating the semantic component of the original in Italian translation.

Key words: comparative semantics; componential analysis; vocabulary of inactivity; literary translation.

Введение

В сознании носителей языка лень – это не «столько душевный порок, сколько естественное свойство человеческой природы» [Спода 2009]. Лень играет очень важную роль в сознании человека. «Подобно совести, которая ограничивает человека в достижении желаемого, лень ставит пределы вообще всякой активности, заставляя постоянно взвешивать, настолько ли желанна та или иная вещь, чтобы стоило тратить усилия» [Левонтина 2005, с. 336].

Отношение к труду / действию и их отсутствию изменялось на протяжении разных исторических эпох, и языки, в их современном состоянии, хранят память обо всех изменениях. В работе мы попытаемся описать особенности функционирования лексем, репрезентирующих понятие лени / бездействия в русском и итальянском языках на материале итальянского перевода русского романа, который ярко представил этот феномен в образе Ильи Ильича Обломова.

Главные действующие герои романа И. А. Гончарова – лень и апатия. Они, как писал Н. А. Добролюбов, «единственная пружина действия во всей его истории» [Добролюбов 1970]. Однако, если отталкиваться от языка романа, мы увидим, что отношение к герою и оценка состояния бездействия не являются однозначными, в этом и состоит философская глубина романа И. А. Гончарова.

Текст произведения насыщен лексикой, описывающей состояние бездействия. В данной работе мы затронем только часть лексики, составляющей это поле, выбрав наиболее интересные случаи с точки зрения перевода на другие языки.

Отрицательное отношение к слишком бурной деятельности, частичное оправдание бездействия и философское отношение к жизненным тревогам присущи русскому национальному характеру. Истоки такой позиции можно найти в Евангелии (например: «Взгляните на птиц небесных: они не сеют, не жнут, не собирают в житницы, а Отец ваш Небесный кормит их. А вы намного ли отличаетесь от них? <...> Так что не заботьтесь о завтрашнем дне, ибо завтрашний день сам позаботится о себе, достаточно для сего дня и своих хлопот» [Св. Евангелие от Матфея 6:26; 6:34]) и в православной созерцательной этике, противопоставленной этике протестантской, основанной на апологии труда и деятельного образа жизни. Не случайно образ Обломова в романе противопоставлен образу немца Андрея Штольца.

Такое отношение к жизни отражается в русском языке, многие лексические единицы которого не находят прямого соответствия в других языках. В нашем случае посредством семантического анализа интересно выявить границы возможностей перевода и трансформации, которые претерпевают образ и идея произведения за счет утраты определенных сем и компенсации их другими значениями.

Репрезентация понятия «бездействие» в русском и итальянском языках

Лень / ленивый / лентяй / ленивец

Основой нашего поля будет слово *лень* и его производные *ленивый*, *лениво*, *лентяй* и *ленивец*. Эти лексемы, при общей архисеме 'нежелания производить какие-либо действия и нелюбви к работе', различаются коннотациями, сочетаемостью и даже несут в себе разную оценку данного явления.

Само нежелание совершать какие-либо действия может быть обусловлено разными причинами – физической расслабленностью, определенным душевным состоянием, отсутствием воли, когда человек не может собраться с силами и приступить к выполнению какого-либо действия, или же определенную рациональную установку, направленную на экономию усилий [Левонтина 2005, с. 339]. Главный герой ленив, такую характеристику дает он себе сам:

– Я немного... *ленив*... – сказал он.

– *Ленивы!* – возразила она <...>. – Может ли это быть? Мужчина *ленив* – я этого не понимаю (II, 5).

«Sono un po'... *pigro*...» disse...

«*Pigro!*» ripeté Olga <...> «Ma è possibile? *Pigro*, un uomo, è cosa che io non capisco».

– Он ужасно *ленив*, – заметила тётка (IV, 4).

«È un uomo terribilmente *pigro*» osservò la zia...

Ленивы также и окружающие его люди, например его слуга Захар:

Ленивый от природы, он был *ленив* еще и по своему лакейскому воспитанию (I, 7).

Di natura *pigro*, *pigro* era anche in grazia alla sua educazione di servo.

Самым частотным эквивалентом слову *ленивый* выступает прилагательное *pigro* со значением ‘не желающий утруждаться’. Однако у Гончарова ленив не только сам герой, но и его действия, в этом случае реализуется значение ‘вялый, медлительный’. В этих контекстах переводчик предпочитает синонимы, в которых реализуются дополнительные семы, например, скуки и небрежности:

...разглядывал с *ленивой* зевотой до слёз картинки и вещицы.
...esaminava, con uno sbadiglio *di noia* che arrivava alle lacrime, i quadri e i ninnoli (I, 3).

...*ленивого* записыванья в тетрадку прихода и расхода... (I, 5)
...della *neghittosa* registrazione delle entrate e delle uscite in un quaderno...

Однако есть также примеры употребления прилагательного *pigro* применительно к неодушевленному субъекту:

Сон остановил медленный и *ленивый* поток его мыслей... (I, 8)
Il sonno fermò il corso lento e *pigro* dei suoi pensieri...

Обломову, среди *ленивого* лежания в ленивых позах ... всегда грези-лась женщина ... (II, 6)

Oblomov, nel suo *pigro star coricato in posture pigre* ... aveva sempre sognato la donna...

Он задумчиво сидел в креслах в своей *лениво-красивой позе*... (I,4)
Se ne stava seduto pensieroso in poltrona, nel suo *bel'atteggiamento pigro*...

Интересно распределяются прилагательные при переводе словосочетания «ленивая душа». Мы видим использование пары *anima / animo* с прилагательными *pigro* и *apatico*. *Animo*, восходящий к латинскому *animus*, сохраняет идущее из латинского языка значениеместилища чувств и, одновременно, разума, того, что отличает человека от животного [Школьникова 2016, с. 243], и при этом существительном переводчик употребляет прилагательное *pigro*. В другом случае он переводит существительным женского рода *anima*, в котором есть значение дыхания, жизни, при нем он ставит более сильное прилагательное *apatica*, несущее в себе значение продолжительного или постоянного отсутствия участия и интереса к чему-либо.

Она хотела доследить до конца, как в его *ленивой душе* любовь совершит переворот (III, 7).

LSM: Voleva osservare fino alla fine come l'amore avrebbe compiuto un rivolgimento *nell'animo pigro* di lui...

Страхнуть сон с *ленивой* души (II, 10).
Scuotere dal sonno *l'anima apatica*...

Преобладающим эквивалентом наречия *лениво*, характеризующего действия разных персонажей, становится наречие *pigramente* (заметим, что «лениво» действует не только Обломов):

Обломов ... *лениво* пробежал глазами по строкам (I, 6).
Oblovov ... lesse ... scorrendo *pigramente* con lo sguardo le righe.

– Ну как всё! Нет, не всё! – *лениво* заметил Обломов (I, 2).
«Ve', tutti! No, non tutti! osservò *pigramente* Oblovov.

Тихо, *лениво* выходит узор, она ещё *ленивее* развёртывает его... (II, 10).
Piano, *pigramente* si rivela il disegno, ancor più *pigramente* ella lo svolge...

Она *лениво* обопрётся на плечо его и идёт машинально... (II, 11)
Ella si appoggiava *pigramente* alla spalla di lui, camminando macchinamente...

Сонный мужик в тулупе ... *лениво* смотрел на Обломова (III, 2).
Un contadino assonnato ... guardò *pigramente* Oblovov.

Деятели ... *лениво*, вполглаза глядя вокруг, прикладывали руку к общественной машине и с дремотой двигали ее по обычной колее... (II, 2)

Gli uomini che agiscono ... guardandosi *pigramente* attorno, hanno posto mano alla macchina sociale e, dormicchiando, l'hanno sospinta lungo il solco consueto...

Однако в ряде случаев переводчик использует наречие *lentamente*, которое содержит только сему скорости:

Они вдвоём откуда-то возвращались *лениво*, молча (II, 11).
Essi tornavano insieme da una passeggiata, in silenzio, *con lentezza*...

И вся эта летняя, цветущая поэма любви как будто остановилась, пошла *ленивее* (III, 3).

Quel fiorente, estivo poema d'amore sembrò ristagnare, scorse *più lentamente*...

Главного героя, рассматривая его поведение, называют в романе двоем: *лентяй* и *ленивец*, в этом проявляется двойственное отношение к нему автора. У слова *лентяй* – четкая отрицательная коннотация, это человек, который не любит работать и не хочет ничего делать. В итальянском языке у него есть целый ряд эквивалентов: *pigro*, *fannulone*, *pigrone*, *sfaccendato*, *scioperato*, *scansafatiche*, *bighellone*, *ciondolone*, *badalone*, *infingardo*, *poltrone*, *dondolone* и др. Слова этого синонимического ряда могут различаться самым образом праздного человека (например, *dondolone* и *ciondolone* – движутся, «шатаются», но совершенно бесполезно, а *poltrone* предпочитает лежать неподвижно), главное, что обилие синонимов с отрицательной коннотацией четко показывает отношение носителей языка к данному типу людей. Переводчик выбирает наименее эмоционально окрашенный вариант:

Лентяй ты, *лентяй*! Пропадёшь, брат, Илья Ильич, ни за копейку!
(I, 4)

Sei un pigro, un gran pigro! `e andai in rovina, fratello Ilia Ilic, per niente!

Что касается слова *ленивец*, здесь возникает определенная проблема, поскольку в русском языке это слово, обозначая человека, который отличается ленью и ведет малоподвижный образ жизни, не выражает осуждения, и, напротив, напоминает об античном понятии *otium*, о досуге, свободном от тяжелого ручного труда, и располагающем к занятиям умственным, к размышлениям и вдохновению. Интересно, что в латинском языке понятие *otium* первично по отношению к понятию *negotium* ‘дело’, которое, собственно, является «не-досугом», «не-свободным временем», а не наоборот.

В русскую культуру понимание *лени* как счастливого досуга привнесли поэты анакреонтического направления, такие как К. Н. Батюшков, А. С. Пушкин, А. А. Дельвиг и другие, продолжая темы французской анакреонтики XVIII в., «питавшейся», в свою очередь, идеями Античности. Мы видим, что *ленивец* переводится как *fannulone*, вследствие чего эпикурейские мотивы в переводе не реализуются.

– Ах вы, чудак! – сказал тот. – Всё такой же неисправимый, *беззаботный ленивец*! (I, 2)

“A voi, bel tipo!” fece l’altro. “Siete sempre lo stesso incorreggibile *fannullone spensierato*!”

Образ счастливого досуга отражается в самом слове *лень*, и в этом случае переводчик его транслирует с помощью существительного *ozio* и субстантивированного глагола *l'oziare*, противопоставленных *pigrizia* (причем в итальянском языке есть также слово *pigrezza*, в котором сильнее сема именно физической слабости, переводчик его не использует):

Теперь его поглотила любимая мысль: он думал о маленькой колонии друзей, которые поселятся в деревеньках и фермах, в пятнадцати или двадцати верстах вокруг его деревни ... будет вечное лето, вечное веселье, сладкая еда да сладкая *лень* (I, 8).

Adesso si abbandonava al suo sogno piu' caro: pensava ad una piccola colonia di mici che si sarebbero stabiliti nei villaggi e nelle fattorie a quindici, venti verste dalla sua proprietà... sarà un'eterna estate, un'eterna allegria, dolce sarà il mangiare e dolce *l'oziare*.

У них, как и у всех людей, были и заботы, и слабости, взнос подати или оброка, *лень* и сон; но всё это обходилось им дёшево, без волнений крови. (I,9).

Anch'essi, come i tutti gli uomini, avevano le loro preoccupazioni e le loro debolezze, quali il pagamento delle imposte e dei tributi al padrone, quali *l'ozio* e il sonno, ma in tutto cio' se la cavavano a buon mercato, senza guastarsi il sangue.

Робкий, апатический характер мешал ему обнаруживать вполне свою *лень* и капризы в чужих людях, в школе... (I,6).

Il suo carattere timido e apatico gli aveva impedito di manifestare pienamente la propria *pigrizia* e i propri capricci di fronte agli estranei e in scuola...

Лень / неохота / не лень / охота же / вот охота

В предикативно-наречном употреблении данные лексемы отражают состояние внутренней борьбы между желанием получить какой-то результат и нежеланием совершать для этого действия. При этом *лень* и *неохота* немного различаются и не во всех контекстах являются взаимозаменяемыми. В слове *лень* на первом плане стоит идея затраты усилий, а в слове *неохота* – идея предпочтения [Левонтина 2005, с. 340]. Захар говорит, что ему *неохота* ехать от могилки Ильи Ильича, однако это нежелание не распространяется на другие действия. В итальянском языке наречия с таким комплексом значений отсутствуют, поэтому слова *лень* и *неохота* переводятся на итальянский

либо сочетанием *avere pigrizia*, либо с помощью глагола *volere* в отрицательной форме: и в том, и в другом варианте пропадает идея внутренней борьбы и экономии усилий.

– Тебе, кажется, и жить-то *лень*? – спросил Штольц.

– А что, ведь и то правда: *лень*, Андрей (II,3).

“Mi pare, Iia, che tu abbia perfino la *pigrizia* di vivere.”

“Si, anche questo è vero.”

– Ехать-то *неохота* отсюда, от могилки-то! (IV, 11)

“Io *non ho voglia* di andar via di qui, di lasciare la sua tomba!”

Предикативные наречия *не лень*, *охота же*, *вот охота* в дополнении к вышеназванным значениям несут в себе идею удивления говорящего тому, что другой человек находит в себе силы и желание для совершения какого-то действия и даже его осуждения – «немотивированная чрезмерная активность выглядит в глазах русского человека неестественно и подозрительно» [Левонтина 2005, с. 343]. В итальянском переводе эти семы ослабляются или пропадают, зато появляются новые: в глаголе *seccare* содержится идея скуки или неприятности, в данном контексте она частично компенсирует семный набор глагола *мыкаться*; в следующих двух случаях в переводе выражениями *che gusto / bel gusto* добавляется значение сомнения в том, что действие приносит радость или удовольствие.

– И вам *не лень* мыкаться изо дня в день?

– Вот, *лень*! Что за *лень*? Превесело! – беспечно говорил он (I, 2).

“E non *vi seccate* di vagabondare a questo modo ogni giorno?”

“*Seccarmi?* Macché! Mi diverte moltissimo!”

– Ух! *Охота* же вам прятаться на горе! – Он сел подле неё (II, 9).

“Oh, *che gusto* nascondersi sul poggio!” disse, e le sedette accanto.

«*Vom oхота* тащиться в жар!» (II, 8)

“*Bel gusto* trascinarsi con questo caldo!”

Праздный

Синонимом слова *лень* в значении ‘досуг’ выступает слово *праздность*, оно не всегда имеет положительную коннотацию, но переводится словом *ozio*.

Не то, так дома сидят в благородной **праздности**; завтракают, обедают с приятелями, с женщинами (II, 11).

Oppure se ne stanno a casa **in nobile ozio**: far colazione, pranzare in compagnia degli amici, con le donne...

Я дал тебе понять, что в нём есть и ума не меньше других, только зарыт, задавлен он всякою дрянью и заснул в **праздности** (IV, 8).

Io ti feci capire che egli non ha meno intelligenza degli altri, solo che la sua intelligenza è soffocata, sopraffatta da mille cose senza valore, assopita **dall'ozio**.

Большой интерес представляют его однокоренные прилагательное и наречие, которые, характеризуя одушевленные и неодушевленные субъекты, реализуют целый ряд значений: 'пустой, свободный', 'не занятый делом', 'бесполезный' [Ожегов 1973]. С помощью использования всех значений слова **праздный** И. А. Гончаров достигает очень большой семантической плотности нужного ему поля, это касается всех лексем, содержащих сему бездеятельности. По-итальянски перевод варьируется, реализуя то или иное значение.

...тот же сонный дворник и в том же тулупе **праздно** доживает свой век в конуре (IV, 10).

...lo stesso portiere sonnolento, con indosso il suo pellicciotto corto, finisce **oziosamente** i suoi giorni nella guardiola.

Она всё колола его лёгкими сарказмами за **праздно** убитые годы... (II, 10)

Olga aveva punzecchiato con lieve sarcasmo Oblomov a proposito degli anni **inutilmente** perduti...

Обман её глаз, лукавый шепот еще **праздного** сердца; не любовь, а только предчувствие любви! (II, 10)

Una fata morgana, un inganno del cuore **inesperto**; non esprimeva amore, ma solo il presentimento dell'amore.

Если Ольге приходилось иногда раздумываться над Обломовым, над своей любовью к нему, если от этой любви оставалось **праздное** время и **праздное** место в сердце... (II, 11)

Se ad Ol'ga capitava di riflettere su Oblomov, sul suo amore per lui, se questo amore lasciava al cuore spazio e tempo **liberi**...

Агафья Матвеевна и Анисья вдруг остались с разинутыми ртами и с **праздно** повисшими руками, над пустыми кастрюлями и горшками (IV, 5).

Agafia Matvéievna e Anissia restarono a bocca aperta, con le mani **penzoloni**, a guardare le casseruole e le pentole vuote.

Бездействие

Бездействие можно считать нейтральным синонимом к *праздности*. Если оно определено прилагательным и приобрело оценку, в переводе опять появляется *ozio* (*in – ozio* в противопоставлении к *nell'ozio* описывает отсутствие деятельности в определенный момент, активный человек может пребывать *in ozio*, тогда как *nell'ozio* – это постоянная характеристика, длительное пребывание *nell'ozio* ведет к инерции, лени и унынию [Tommaso 1838]):

– Или достигнуть службой значения и положения в обществе и потом в почётном **бездействии** наслаждаться заслуженным отдыхом... (II, 4)

Oppure, prestando servizio, farsi una posizione e un nome in società per poi godere **in ozio** onorato la meritata pace?

Кроме того, эквивалентами данной лексемы в итальянском языке служат *inerzia* и *inazione*. Словом *inazione* описывается состояние, при котором не делается ничего важного или полезного, *inerzia* – бездействие в мыслях [Tommaso 1838]:

...любовь к **бездействию** и вечная, никогда не умолкающая, потребность жевать влекли Захара то к куме, то в кухню... (I, 7)

...l'amore per **inazione** e un'interna, insaziabile necessità di masticare spingevano Zakhar ora in casa della comare, ora in cucina...

Добрые люди понимали её не иначе, как идеалом покоя и **бездействия**... (I, 9)

Quella brava gente non concepiva il vivere se non come un ideale di tranquillità e di **inerzia**...

Покой

Понятие покоя включает идеи относительной неподвижности, отсутствия шума и резких движений, а также отсутствие сильных

эмоций. В переводе мы видим появление синонимов *tranquilità* ‘отсутствие физических и моральных потрясений’, *pace* ‘спокойствие, мир’ и *quiete* ‘состояние неподвижности, сон’.

Да цель всей вашей беготни ... разве не выделка **покоя**, не стремление к этому идеалу утраченного рая? ... – Все ищут **отдыха и покоя**... (II, 4).

Lo scopo di tutto quel vostro affannarvi ... non sta, forse, nel raggiungere la **tranquilità**, nell’aspirazione a raggiungere questo paradiso perduto? ... – Tutti cercano **pace e riposo**...

...неприятные письма старосты ... побуждали его к деятельности и, следовательно, нарушали **покой** (I,1).

...le spiacevoli lettere dello starosta reclamavano la sua attività e, di conseguenza, turbavano la sua **quiete**.

Гончаров широко использует всё словообразовательное гнездо лексемы: *покойный*, *покойно*, *покоиться*. Прилагательное и наречие передаются адекватно, глагол же при переводе теряет важное значение длительной неподвижности, передаваясь глаголами *riporre* ‘помещать’, *posare*, ‘возлагать’ и даже *regnare* ‘царить’, в последнем реализуется сема власти.

В мечтах пред ним носился образ высокой, стройной женщины, с **покойно** сложенными на груди руками... (II, 6)

Nelle sue fantasticherie appariva l’immagine di una donna alta e slanciata, con le mani **quietamente** raccolte sul petto...

Мир и тишина **покоятся** над Выборгской стороной... (IV, 9)
Pace e silenzio **regnano** alla Viborskaia...

...**покоит** лучшие и конечные жизненные надежды (IV, 4).
...**riponeva in lei** le sue migliori speranze di vita.

...голова ... как она нежно **покоится** на плечах (II, 5)
...la testa ... delicatamente **posata** sulle spalle...

Нега / нежить / нежно / изнеженный

Интересно вписывается в семантическое поле бездействия лексема *нега* и ее производные *нежный*, *нежить*, *изнеженный*, очень

частотные в тексте. Слово *нега* используется в двух своих значениях: ‘нежность’ и ‘состояние довольства, удовольствие’. Если первое значение переводчик передает без труда, то со вторым у него возникают трудности – в первом из приведенных примеров он переводит глаголом *sognare* ‘мечтать, видеть во сне’, во втором случае использует существительное *godimento* ‘удовольствие’, более слабое по семантике, чем слово *нега*, в третьем же случае слово *нега* компенсируется прилагательным *tenere*, однако при этом в русском тексте имеется в виду не нежность, а как раз второе значение сильного наслаждения.

– Милый мой! – *с негой* прошептала потом (II, 11).

“Caro!” – mormorò poi con *tenerezza*.

...решается он ... поменять заботливую позу на другую ... более удобную для мечтаний и *неги* (II, 9).

...si decide a mutare la sua positura ... in un'altra più comoda per fantasticare e *sognare* 89

...момент высочайшей *неги* духа (II,9).

...nei momenti di più intenso *godimento* dell'anima.

...сказала она проникающим до души, до *неги* радостным голосом (IV, 4).

...esclamò con voce dolcissima e tenera, con un calore che entrava nell'anima.

Что касается глагола *нежить*, то при переводе реализуется его более слабое значение ‘ласкать’ (глагол *coccolare*) или отдельная сема мягкости (прилагательное *soffice*), в то время, как более сильное значение ‘приводить в состояние неги’ теряется.

...говорил он, *нежа* и лаская ребёнка ... (IV, 9).

...disse *coccolando* e accarezzando il piccino...

...халат и одеяла будут облекать, греть, *нежить* и *покоить* велико-лепного Илью Ильича. (IV,9)

...le coperte e la vestaglia avrebbero offerto un *soffice* e riposante calore all'ottimo Pià Ilìc'.

В следующем примере переводчик находит глагол *molcere*, который, принадлежа к поэтическому языку, стилистически компенсирует более слабое семантическое значение:

Рёв и бешеные раскаты валов не **нежат** слабого слуха (I,9).

Il mugghiare e rombare infuriato delle onde non **molce** il nostro debole orecchio...

Прилагательное *изнеженный* поддерживает в тексте образ неги и также имеет сему сильной избалованности, неприспособленности, которая в переводе ослабляется. В следующих примерах мы видим, что пропадает сема причины и усиливается сема следствия (изнеженный > *delicato* ‘нежный’, изнеженный > *dolce* ‘нежный’), кроме того, появляется эпитет *candidi*, привносящий «посторонние» значения – ‘чистый’, ‘светлый’, ‘невинный’, ‘наивный’:

Вообще же тело его ... казалось слишком **изнеженным** для мужчины (I, 4).

Il suo corpo appariva troppo **delicato** per essere quello di un uomo.

Изнеженные лица... (II, 1).

visi candidi e **dolci**...

Изнемогать / изнеможение / томность

Основная идея романа передается также в частотных глаголах, описывающих действия, совершаемые главным героем и остальными, и, в основном, эти глаголы не представляют трудности для переводчика, передаваясь совершенно эквивалентно (*сидеть, лежать, зевать* и т. д.) Наиболее интересный случай представляет глагол *изнемогать* со значением ‘ослабевать, доходить до полного бессилия’, который употребляется в несовершенном и в совершенном виде. За неимением эквивалента, для перевода несовершенного вида переводчику приходится использовать описательные обороты *sentirsi venir meno, rimanere estenuato*, для совершенного – *essere all'estremo delle sue forze*:

Обломов вспыхивал, **изнемогал**, с трудом сдерживал слёзы (II,5).

Oblomov, tutto acceso in volto, **si sentiva venir meno**, stentava a trattenerne le lacrime

Он **изнемогал**, ложился у ног её ... (II, 9).

ma più spesso **ne rimaneva estenuato**, si stendeva ai piedi di lei ...

Всё это уничтожило Обломова: он **изнемог** (II, 5).

annientarono Oblomov, **già all'estremo delle sue forze**.

Существительное *изнеможение* имеет эквивалент в итальянском языке, это *sfinimento*, оба со значением ‘полная потеря сил’, однако переводчик часто ослабляет значение и переводит словом *languore*, которое по значению соответствует существительному *томность*, сочетая семы ‘усталости’, ‘нежности’, ‘расслабленности’:

...на лице всё то же *изнеможение*... (II, 11)
...sul viso aveva sempre lo stesso *sfinimento*...

Он никогда не хотел видеть трепета в ней ... *изнеможения*... (II, 6)
Non voleva vedere fremiti in lei ..., *languori*...

...*томно* сказала она... (II, 11).
...disse con *languore*...

Вяло, небрежно, нехотя, уныло

Важную функцию для создания образа играют словообразовательные гнезда лексем *вялость*, *небрежность*, *унылость*, основная нагрузка ложится здесь на наречия, характеризующие действия персонажей.

Понятие *вялость* достаточно сложное, оно включает в себя слабость и отсутствие живости, яркости и интереса к окружающему, поэтому в переводе этот комплекс распадается, мы видим множество вариантов перевода, в каждом случае реализуется какая-то одна сема и утрачиваются остальные: *fiaccamente* ‘слабо, бледно’, *senza impeto* ‘без воодушевления’, *con indolenza* ‘с равнодушием’, *pigramente* ‘лениво’, *smorto* ‘бледно’, *lentamente* ‘медленно’, *monotoni* ‘однообразно’.

Мальчик *вяло* повторял их... (I, 9).
Il bambino le ripeteva *fiaccamente*...

...лелеемый, как экзотический цветок в теплице и так же, как последний под стеклом, *он рос медленно и вяло*... (I, 9).
custodito come un fiore esotico in una serra, ... cresceva lentamente e *senza impeto*...

Ходили *вяло*... (II, 8)
Camminavano *con indolenza*...

Протекал *вяло* и *скучно* (II, 9).
LSM: e allora tutto diventava *noioso e smorto*...

Он **вяло** напился чаю... (II, 10)

LSM: sorbì il te *lentamente*...

Осень, лето и зима прошли **вяло**, скучно (IV,1).

L'autunno, l'inverno e l'estate passarono *monotoni e tristi*...

В ряде случаев слово *вяло* опускается:

...и улыбался на их детскую болтовню **вяло и нехотя** (IV,1).

...sorrìdeva *svogliato* al loro cicaluccio infantile.

Понятие *небрежность* включает два значения, они оба реализуются в тексте: 'без должного внимания' и 'без старания'. Переводчик «считывает» наиболее важные для контекста семы и выбирает из имеющегося в итальянском ряда синонимов: *negligenza* 'неохотное, без должного старания выполнение собственных обязанностей', *noncuranza* 'нехватка внимания, заботы, уважения к кому-л., чему-л.', *incurante* 'не заботящийся о тех вещах, которые его касаются', *indifferenza* 'отсутствие участия, эмоциональных порывов', *trascuratezza* 'невнимательность, неряшливость как обычное поведение', *trasandantezza* 'отсутствие заботы', *disinvolto* 'развязность, отсутствие моральных ограничителей'. Разработанность лексики в данном сегменте позволяет, с одной стороны, очень точно передать оттенки, и с другой – сохранить плотность поля.

...вид кабинета, если осмотреть там всё повнимательнее, поражал господствующей в нём запущенностью и **небрежностью** (I, 1).

...l'aspetto di quello studio colpisse per l'abbandono e la *trascuratezza* che vi regnavano.

Он вынул тончайший батистовый платок ... потом **небрежно** провёл им по лицу... (I, 2)

Estrasse un finissimo fazzoletto di batista ... lo passò poi, **con un gesto incurante**, sul viso...

Он был одет с умышленной **небрежностью** (I, 2).

Era un uomo vestito con voluta *trasandatezza*.

Иногда дипломат **небрежно** выслушает совет жены, пожмет плечами – и втихомолку напишет по ее совету (II, 7).

Qualche volta un diplomatico ascolta **con indifferenza** il consiglio datogli dalla moglie, alza le spalle, ma poi, di nascosto, scrive seguendo quel consiglio.

– Да, я читал кое-что, – *небрежно* отозвался он (II, 8).
“Sì, ho letto qualche cosa” rispose *con negligenza*.

– Кажется... да, – *небрежно* отвечала она (II, 8).
“Si direbbe ... di sì” rispose Olga *con indifferenza*.

Прежде, бывало, иначе на него и не смотрели благодаря его сонному, скучающему взгляду, *небрежности* в одежде (II, 11).

...anche prima la gente non lo guardava diversamente per via del suo occhio assonnato e annoiato e della sua *trascuratezza* nel vestire.

...иногда приляжет *небрежно* с книгой на диван и читает (III, 4).
...qualche volta, *con negligenza*, si sdraiava con il libro in mano sul divano.

Илья Ильич лежал *небрежно* на диване... (III, 4).
Più Ilic' stava coricato *con noncuranza* sul divano...

...а потом забывал и Ольгу, и свои *небрежные* уроки (IV, 8).
Ma poi aveva dimenticato Olga e le proprie *disinvoltate* lezioni.

Наречие *нехотя* также составляет важную характеристику действия героев, действия, выполняемого помимо воли субъекта, либо вопреки ей, либо произвольно вне зависимости от нее. Для перевода первого значения используются наречия *svogliatamente*, *di mala voglia* ‘против воли’ (они восходят к слову *voglia*, в котором идея желания выражена сильнее, чем в слове *volontà*), второго – *involontariamente* ‘невольно, произвольно’.

– Да, – *нехотя* отозвался Андрей (IV,10).
“Sì” rispose Andrei, *svogliatamente*.

Обломов, облокотясь на него, *нехотя*, как очень утомлённый человек, привстал с постели и, *нехотя* же перейдя на большое кресло, опустился в него... (I,4)

Oblovov, appoggiandosi a lui, si alzò *di malavoglia*, come una persona molto stanca, e trasferitosi, altrettanto *di malavoglia*, presso una vasta poltrona, vi si lasciò cadere...

– Пойдём! – *нехотя* повторила она (II,11).
“Andiamo!” ripeté *involontariamente* Olga.

Кроме того, встречается перевод слова *нехотя* сочетанием *tu malgrado*, которое вводит значение ‘незаметно для субъекта действия’, постороннее для комплекса значений лексемы *нехотя*.

Нехотя станешь жить, как живут около тебя (IV, 6).

Tuo malgrado, prenderai a vivere come gli altri vivono...

Еще одна лексема, которая представляется очень важной с содержательной стороны и интересной в контексте перевода – *уныло*. Уныние – смертный грех с религиозной точки зрения: отсутствие в человеке заботы о добре, сочетающееся с мрачной грустью, скукой и равнодушием, делает человека неспособным к выполнению социального долга. В итальянском языке есть слово *accidia*, эквивалент слова «уныние». Однако, проанализировав текст перевода, мы его не обнаружили. Среди переводов преобладает наречие *tristemente* и однокоренные ему лексемы, сохраняется только сема грусти:

Она *уныло* проводила его глазами... (III, 3).

Ella lo accomagnò *tristemente* con gli occhi...

...*уныло*, почти про себя прибавила она (IV, 4).

...disse Olga *con tristezza*, come se parlasse a se stessa.

...немые чайки ... *уныло* носятся у побережья... (I, 9).

...i muti gabbiani ... volano *tristemente* lungo la riva...

...заметил Обломов *уныло* (II, 4).

...osservò *tristemente* Oblomov.

...холодно, *уныло* на сердце (II, 8).

...ma adesso si sentiva ... *triste* e infreddolito...

Когда слово *унылый* Гончаров использует применительно к неодушевленному существительному, переводчик реализует другую составную часть семантического комплекса – мрачность – с помощью прилагательного *tetro*:

...гаснул в *унылом* и ленивом хождении по Невскому проспекту (II, 4).

...mi sono spento nel *tetro* e fiacco passeggiare lungo il viale Nevski.

Однокоренной глагол *приуныть* с ослабленным значением вполне адекватно передан глаголом *avvilirsi* ‘падать духом’:

Что ж он так *приуныл*? (III, 11)

Perché mai *si era avvilito* a tal punto?

Почему же переводчик не пользуется понятием *accidio*? Ответ на этот вопрос мы находим в словаре синонимов итальянского языка:

«Лень (*pigrizia*) может быть или причиной, или следствием уныния (*accidia*). Уныние всегда лениво. Любовь к Богу всегда внушает радость и бодрость, ненависть же к добру – всегда тоску и тягу к жизни бездейственной (*sfaccendata e scioperata*). Человека ленивого в мирских вещах (*pigro*) не назовут унылым *accidioso*, если только в его лени (*pigrizia*) есть что-то что касается сферы вечного и непреходящего (*immortale*)» [Tommaso 1838, с. 395]. По-видимому, итальянское понятие *accidia* имеет более узкую сферу употребления, и уныние Обломова, связанное с делами мирскими, в эту сферу не вписывается.

Заключение

В романе И. А. Гончарова рассмотренная лексика очень частотна и составляет плотное семантическое поле бездействия, каждая из лексем реализует все имеющиеся значения, описывая как главного, так и второстепенных персонажей, как одушевленные, так и неодушевленные субъекты.

При переводе на итальянский язык в большинстве случаев целостный семантический комплекс распадается, в разных случаях реализуются разные значения посредством ряда синонимов, что ведет к уменьшению плотности семантического поля в переводе.

В русском языке наличествует специальная лексика, описывающая состояние немотивированной слабости / неактивности с положительной или нечетко выраженной коннотацией. В итальянском языке более определенно выражено отрицательное отношение к пассивности и бездействию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Гончаров И. А. Обломов // Собрание сочинений : в 6 т. М. : Государственное изд-во Художественная литература, 1959. Т. 4. 384 с.
- Добролюбов Н. А. Что такое обломовщина? // Русские классики. Избранные литературно-критические статьи / Н. А. Добролюбов. М. : Наука, 1970. URL : az.lib.ru/d/dobroljubow_n_a/text_0022.shtml.
- Левонтина И. Б. Номо piger // Ключевые идеи русской языковой картины мира. М. : Языки славянской культуры, 2005. 542 с.
- Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1973. 848 с.
- Св. Евангелие от Матфея. URL : www.bibleonline.ru.
- Снода О. М. Концепт «Лень» как объект концептуального анализа. URL : www.rusnauka.com/21_DNIS_2009/Philologia/49456.doc.htm.

Школьникова О. Ю. Лексическая семантика в контексте функциональных стилей: дихотомия «дух-душа» в русском, латинском, французском и итальянском языках // Риторика-Лингвистика : сб. ст. 12. Смоленск : Изд-во СмолГУ, 2016.

Gončarov I. A. Oblomov / Trad. L. Simoni Malavasi. Milano, Rizzoli, 1985.

Sabatini F., Coletti V. DISC: Dizionario italiano Sabatini Coletti. URL : www.accademiadellacrusca.it/it/referenza-bibliografica/bibliografia/disc-dizionario-italiano-sabatini-coletti (дата обращения: 01.10.18).

Tommaseo N. Nuovo dizionario de' sinonimi della lingua italiana. Napoli, 1838.

REFERENCES

Goncharov I. A. Oblomov // Sbornie sochinenij : v 6 t. M. : Gosudarstvennoe izd-vo Hudozhestvennaja literatura, 1959. T. 4. 384 s.

Dobroljubov N. A. Chto takoe oblomovshhina? // Russkie klassiki. Izbrannye literaturno-kriticheskie stat'i / N. A. Dobroljubov. M. : Nauka, 1970. URL : az.lib.ru/d/dobroljubow_n_a/text_0022.shtml.

Levontina I. B. Homo piger // Ključevye idei russkoj jazykovoj kartiny mira. M. : Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2005. 542 s.

Ozhegov S. I. Slovar' russkogo jazyka. M., 1973. 848 s.

Св. Evangelie ot Matfeja. URL : www.bibleonline.ru.

Spoda O. M. Koncept «Len'» kak ob#ekt konceptual'nogo analiza. URL : www.rusnauka.com/21_DNIS_2009/Philologia/49456.doc.htm.

Shkol'nikova O. Ju. Leksicheskaja semantika v kontekste funkcional'nyh stilej: dihotomija «duh-dusha» v russkom, latinskom, francuzskom i ital'janskom jazykah // Ritorika-Lingvistika : sb. st. 12. Smolensk : Izd-vo SmolGU, 2016.

Gončarov I. A. Oblomov / Trad. L. Simoni Malavasi. Milano, Rizzoli, 1985.

Sabatini F., Coletti V. DISC: Dizionario italiano Sabatini Coletti. URL : www.accademiadellacrusca.it/it/referenza-bibliografica/bibliografia/disc-dizionario-italiano-sabatini-coletti (data obrashhenija: 01.10.18).

Tommaseo N. Nuovo dizionario de' sinonimi della lingua italiana. Napoli, 1838.

УДК 81'38:42

К. И. Шпетный

кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры стилистики английского языка
факультета английского языка
Московского государственного лингвистического университета;
e-mail: kon5804@yandex.ru

ГОМИЛЕТИЧЕСКИЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРСЫ В ДИАХРОНИИ: ДЖИРОЛАМО САВОНАРОЛА И ДОНАЛЬД ТРАМП

Эпоха глобализации предполагает взаимопроникновение материальных и духовных компонентов различных социальных культур. Полилингвизм становится необходимым условием успешной адаптации человека к современной среде обитания. Сравнительный анализ гомилетического и политического дискурсов итальянского монаха-доминиканца, искусного оратора и политического деятеля эпохи флорентийского Ренессанса Джироламо Савонаролы (1494–1498) и 45-го американского Президента Дональда Джона Трампа (в должности с 2017 г.) проводится в рамках когнитивно-стилистического метода исследования. Предпринимается попытка выявить наиболее характерные лингвистические параметры двух взаимосвязанных типов дискурсов в диахронии и показать их преемственность и различия в контексте различных исторических парадигм. Дистинктивным признаком политико-религиозного дискурса является концепт «популизм», передаваемый посредством комплекса лингвистических средств на грамматическом, лексическом, стилистическом, а также фонетическом уровнях. Предлагаемые выводы и заключения представляются актуальными для дальнейших когнитивно-лингвистических исследований в области романских и германских языков.

Ключевые слова: полилингвизм; когнитивно-стилистический метод; концепт; гомилетика; политический дискурс; популизм.

С. I. Shpetny

PhD (Philology), Associate Professor,
Associate professor at the Department of Stylistics of the English language,
Faculty of the English language, Moscow State Linguistic University;
e-mail: kon5804@yandex.ru

HOMILETIC AND POLITICAL DISCOURSE IN DIACHRONY: GIROLAMO SAVONAROLA AND DONALD TRUMP

The globalisation age avails of progressive interaction of material and spiritual component parts of various social cultures. Multilingualism appears to be an indispensable proviso of successful adaptation of the human to the current

updating habitat. The comparative analysis of the homiletic and political discourse of the Dominican friar, skillful orator and political leader at the time of Florentine Renaissance Girolamo Savonarola (1494–1498) and the 45th U.S. President Donald John Trump (inaugurated in 2017–) is conducted within the framework of cognitive and linguostylistic mode of research. An attempt is undertaken to reveal the basic linguistic features of the two correlated types of discourse in diachrony manifesting their inner continuity and differences in the context of varied historical paradigms. The concept “populism” is viewed as the fundamental distinctive feature of the political and religious (homiletic) discourse. It is actualised by a set of linguistic means at the grammatical, lexical, stylistic as well as phonetic levels. The results of the investigation and its conclusions seem significant for further cognitive-stylistic research in the domains of romance studies and Germanistik.

Key words: multilingualism; cognitive and linguostylistic mode of research; concept; homiletics; political discourse; populism.

...язык – небольшой член, но много делает.
Посмотри, небольшой огонь как много вещества
зажигает. И язык – огонь, прикраса неправды; язык
в таком положении находится между членами
нашими, что оскверняет всё тело и воспаляет
круг жизни, будучи сам воспаляем от геенны.

*Соборное Послание св. апостола Иакова.
Гл. 3, стихи 5-6.*

Введение

Глобализация является процессом, который затрагивает едва ли не все стороны бытия сообщества людей. Можно наблюдать многочисленные и разноаспектные изменения в политике, экономике, идеологии, верованиях людей, их культур, традиций и языка – не в последнюю очередь сегодня благодаря новым информационным технологиям. Используя их, человек получает доступ к знаниям и умениям, накопленным во времени иными этносами и их культурными кодами. Полилингвизм является одним из важнейших путей межкультурного взаимодействия.

Тесное взаимодействие культурно-языковых артефактов можно с очевидностью наблюдать на протяжении многих веков на европейском континенте, и оно нередко становится материалом исследований в науках о романских языках и германистике [Дмитриева 2016].

Содержанием и предметом данного исследования является сравнительно-сопоставительный анализ основных когнитивно-стилистических характеристик гомилетического¹ и политического дискурсов монаха-доминиканца, искусного оратора и политического деятеля эпохи флорентийского Ренессанса Джироламо Савонаролы (1494–1498) и 45-го Президента США Дональда Джона Трампа (в должности с 2017 г.).

Выбор темы исследования и ее актуальность обусловлены наличием ряда общих и отличительных особенностей в дискурсах обоих лидеров, анализ которых представляется значимым в контексте современных когнитивных и лингвостилистических исследований различных стилей речи и типов текстов.

Лингвокогнитивному анализу в данной работе подверглись 30 дискурсов Дж. Савонаролы [Girolamo Savonarola 1930] и ряд дискурсов Д. Трампа [Trump 2017; Trump 2017; Trump 2018].

Дискурс публичных обращений Дж. Савонаролы к жителям Флоренции и обитателей (проповеди он начал читать с 1481 г. и стал признанным проповедником к 1494 г.) носит гомилетический или гомилетико-политический характер (на начальном и среднем этапах его ораторской деятельности) и преимущественно политический характер (на среднем и заключительном этапах) [Шпетный 2014; Шпетный 2016]. По мнению некоторых исследователей, можно говорить о жанре политической проповеди в публичных речах Дж. Савонаролы [Топорова 2014]. Приведем пример гомилетического дискурса Дж. Савонаролы²:

- (1) La vita spirituale è quella, se tu la pigli e séguiti in essa, che ti farà lasciare ogni altro affetto, perchè chi fa profitto nella vita spirituale, pone tanto il suo amore in Dio, che disprezza ogn'altra cosa, ed ama più Dio che sè medesimo. E però io vorrei che tu venissi a questa vita spirituale; chè, beato a te, se tu lo facessi!

¹ Гомилетика (от *греч.* *ὁμιλία* – гомилия, беседа, общение, общество и *лат.* *ethica* – учение о нравственности) наука о характере, целях, особенностях и методах осуществления христианской проповеди.

² Здесь и далее в тексте цитируемые отрывки из дискурсов на итальянском и английском языках будут сопровождаться перечнем концептов, выделяемых в них при анализе.

- (2) Questo vi prometto certamente, e per questo abbiamo grandissimo gaudio; e però Esse quam bonum et quam iocundum habitare fraters in unum. State uniti...

Концепты: духовная жизнь, познание, страсти, преуспевание, Бог, любовь, ненависть, счастье / счастливцев, земные привязанности, желание, страдание, враг, зло, братья / братство, единство / единение.

Здесь можно наблюдать наличие некоторых схожих черт с политическим дискурсом Д. Трампа, в котором анализ позволяет обнаружить ряд гомилетических признаков. Данное обстоятельство объясняется, на наш взгляд, исторической сложившейся англо-саксонской традицией морализаторства, с одной стороны, а с другой – частично и формально остающейся приверженностью некоторых англоязычных лидеров идеям и практике христианства. Доминирующей формой публичной речи Д. Трампа, наряду с другими типами текстов, остается политический дискурс. Приведем «вкрапления» элементов религиозного стиля в политическом дискурсе Д. Трампа на примере отрывка из текста Full text: 2017 Donald Trump Inauguration Speech:

The Bible tells us, how good and pleasant it is when God's people live together in unity. We must speak our minds openly, debate our disagreements, but always pursue solidarity. When America is united, America is totally unstoppable. There should be no fear. We are protected, and we will always be protected. We will be protected by the great men and women of our military and law enforcement. ***And most importantly, we will be protected by God.***

We will make America safe again, And yes, together, we will make we will make America great again. Thank you. ***God bless you. And God bless America. Thank you. God bless America*** (выделено нами. – К. III.).

Концепты: Бог, Библия, человек, жизнь, единство, честность, добродетель, страх, Америка, защита, армия, закон, благодарность / благодарить, благословение).

Схожая модель употребления аллюзий на христианское наследие человечества присутствует в дискурсе Full text: Trump's 2017 U.N. Speech:

So let this be our mission, and let this be our message to the world: We will fight together, sacrifice together, and stand together for peace, for freedom, for justice, for family, for humanity, and for the almighty God who made us all.

Thank you. God bless you. God bless the nations of the world. And God bless the United States of America. Thank you very much.

Концепты: миссия, проповедь / послание, борьба, жертва, единение / единство, мир, справедливость, семья, гуманизм, Всемогущий Бог, творение, благословение, народы, мир, Соединенные Штаты Америки, благодарность.

Главной и объединяющей дистинктивной характеристикой курсов фра Джироламы Савонаролы в XV в. и Президента Дональда Трампа в XXI в. является концепт *популизм*.

Французское слово *populisme* происходит от лат. *populus* – народ – понятие, появившееся в начале XX в., под которым подразумевали тогда французскую литературную школу 1920-х гг., считавшую своим принципом реалистическое изображение быта городской и сельской бедноты, но фактически оказавшуюся одной из разновидностей натурализма [Словарь политических терминов. URL].

В когнитивной лингвистике концепт «популизм» осознается как политико-философская позиция и стиль риторики, направленные на то, чтобы с их помощью формировать мнение и предпочтения народных масс.

Наибольшее распространение популизм приобретает в сообществах, где наблюдается экономический, политический, институциональный или другой вид кризиса. Люди пребывают в состоянии повышенной тревожности, испытывая естественное желание быстрее выйти из сложной ситуации, и живо откликаются на сиюминутные призывы к избавлению от невзгод.

В гомилетическом и политическом дискурсах концепт «популизм» актуализируется комплексом специально отобранных когнитивно-лингвистических средств.

Структурно-композиционные особенности

Дискурс Дж. Савонаролы характеризуется использованием протяженных высказываний, оформленных в виде довольно длинных абзацев, размер каждого из которых может составлять иногда до 1–2 страниц печатного текста [Girolamo Savonarola 1930].

Так, гомилетический дискурс *L'umiltà* (рус. Смирение) имеет следующие параметры: 1 134 слова, 126 строк, 7 абзацев. 1-й абзац имеет размер 432 слова, 48 строк, 5-й абзац – 414 слов, 46 строк. При этом

абзацы 2, 3 и 4 весьма невелики по размеру: соответственно 63 слова, 7 строк; 72 слова, 8 строк; 45 слов, 5 строк. Автор дискурса делает небольшую когнитивную паузу на пространстве 2-4 абзацев, учитывая прагматические возможности восприятия речи паствой. А затем следует абзац 5, размер которого почти равен размеру абзаца 1 (свыше одной страницы текста). Концовка дискурса – это два небольших абзаца: абзац 6–81 слово, 9 строк; абзац 7–27 слов, 3 строки.

Последний абзац является концептуально эпиграмматическим и отражает общее заключение произнесенной проповеди о добродетели смирения, которая упомянута первой в евангельских заповедях блаженства: Μακαριοι οι πτωχοι, οτι υμετερα εστιν η βασιλεια του θεου (Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное) [Мф. 5:3-12 и Лк. 6:20-23].

Приводим текст последних двух абзацев из дискурса *L'umiltà*:

È ancora molto astuto, perchè molte volte, sotto specie di bene, fa l' uomo precipitare, istigando l' animo a dimonstrar di fuori le sue buone operazioni per esempio e salute degli altri, istigando a cercare dignitate o accettarle per salvare el prossimo, istigando a parlare delle cose spirituali a di cose alte e divine, sapendo che in tutte queste cose si mescola la vanagloria e che è difficile cosa all' uomo non offendere in questo pravo desiderio.

È continuo, perchè non abandona all' uomo insino alla sua ultima età. Tutti gli altri vizii danno all' uomo luogo qualche volta, ma questo non mai.

Концепты: духовность, добро, зло, Бог, добродетель, благословение, тщеславие, обида, жизнь, порок, время.

Для гомилетического и политического дискурса Дж. Савонаролы характерны тексты большого размера, в которых заметны особенности византийской традиции в искусстве публичного красноречия как, например, можно видеть в проповедях Святителя Иоанна Златоуста архиепископа Константинопольского IV в. [Иоанн Златоуст 2005]. Это можно наблюдать в политико-экономическом дискурсе флорентинца «Legislazione politica e finanziaria», размещенном на 15 страницах – 3 915 слов и разбитом на 22 абзаца. Приводим два небольших отрывка из данного дискурса:

Erudimini qui indicates terram, et servite Domino in timore, et exultate ei cum tremore...¹

¹ Дж. Савонарола неточно цитирует текст Псалма 2 царя Давида, строки 10–11 на латинском языке. Вот правильный вариант: 10 et nunc reges intellegite erudimini qui

Essendo l'uomo animale sociale che non sa e non può vivere soliterio, è stato necessario che gli uomini si radunino e congreghino insieme, o in città o in castelli o ville, e facciano congregazione insieme per I bisogni comuni l'uno dell'altro. E per potere in queste congregazioni intendersi insieme, la natura ha trovato e dato loro la loquela ed il parlare per esprimere il concetto suo l'uno all'altro, second oil suo bisogno. Ogni moltitudine, adunque, degli uomini congregate è ordinate a qualche fine, al quale ella può pervenore per diverse vie, ed ha bisogno che sia chi dirizzi e regoli tutti gli altri; e ogni popolo e luogo, che tenda al suo ben naturale, ha bisogno di reggimento; e questi reggimenti sono distinti, e diversi in più modi.

Концепты: человек / люди, социальный, животное, жизнь, одиночество, объединение, совместно, город, замок, вилла, потребности, природа, говорить / общение, обычность, достижение (цели), различие / различный, путь, нужда, управление.

O Firenze, io non ti posso dire ogni cosa che io sento in me, perchètu non sei disposta a portarle per il presente. Oh ! se io ti potessi dire il tutto, vedresti che in sono come un vaso nuovo pieno di mosto, e serrato, che bolle per ogni verso, ma non può uscire fuori !

Концепты: Флоренция, чувство, хранение, любовь, настоящее, сосуд, вино, стихи, украшение.

Структурно-композиционное членение дискурса *Full text: 2017 Donald Trump Inauguration Speech* существенно отличается от дискурса *L'umiltà* Дж. Савонаролы: у Д. Трампа весьма дробное членение всего пространства данного текста, параметры которого следующие: 1457 слов, 122 строки, 74 абзаца. Размер абзаца у Д. Трампа колеблется и составляет преимущественно не более 1–2 строк. Абзац состоит большей частью из одного предложения и включает в себя обычно одно сверхфразовое единство, в то время как у Дж. Савонаролы в абзаце дискурса *L'umiltà* можно фиксировать до 8–10 СФЕ. Вот начало дискурса *Inauguration Speech of American President*:

Chief Justice Roberts, President Carter, President Clinton, President Bush, President Obama, fellow Americans, and people of the world: thank you.

iudicatis terram 11 servite Domino in timore et exultate ei in tremore. Рус. 10 И ныне, царие, разумеите. Накажитесь вси судящийи земли. 11 Работайте Господеву со страхом. И радуйтесь Ему с трепетом (*Псалтирь, Псалом 2, стихи 10–11*).

We, the citizens of America, are now joined in a great national effort to rebuild our country and restore its promise for all of our people.

Together, we will determine the course of America and the world for many, many years to come.

We will face challenges. We will confront hardships. But we will get the job done.

Концепты: суд, судья, президент, народ, человечество, гражданин, нация, перестройка, обещание, единение, политика, будущее, трудности, испытания, успех.

Тожественный принцип членения текста у американского Президента находим и в другом его дискурсе – *Full text: Trump's 2018 UN speech transcript:*

Madam President, Mr. Secretary-General, world leaders, ambassadors, and distinguished delegates:

One year ago, I stood before you for the first time in this grand hall. I addressed the threats facing our world, and I presented a vision to achieve a brighter future for all of humanity.

Today, I stand before the United Nations General Assembly to share the extraordinary progress we've made.

In less than two years, my administration has accomplished more than almost any administration in the history of our country.

America's – so true. [*Laughter*] Didn't expect that reaction, but that's okay. [*Laughter and applause.*]

America's economy is booming like never before. Since my election, we've added \$10 trillion in wealth. The stock market is at an all-time high in history, and jobless claims are at a 50-year low. African American, Hispanic American, and Asian American unemployment have all achieved their lowest levels ever recorded. We've added more than 4 million new jobs, including half a million manufacturing jobs.

Концепты: господин Президент, господин Генеральный Секретарь, Генеральная Ассамблея, ООН, руководитель, страна, посол, делегат, год, впервые, зал, обращение / обращаться, угроза, представление / представлять, видение, (светлое) будущее, человечество, прогресс, правительство, достижение / достигать (успеха), история, ожидание / ожидать, о'кей, смех, экономика, процветать, выборы, доллар, миллион, богатство, биржевой рынок, безработица, высокий / низкий, афроамериканец, испаноязычный американец, выходец из Азии,

уровень, статистика / фиксировать, рабочие места (в промышленности).

В этом примере обращает на себя особое внимание абзац 5, в котором курсивом в скобках обозначена весьма необычная реакция представителей и глав государств, присутствовавших на ежегодном собрании в Генеральной Ассамблее ООН – *Laughter u Laughter and applause*. Принятая Президентом Трампом схема структурно-композиционного членения политического дискурса – выделение каждой высказываемой мысли непременно в один абзац – является с прагматической точки зрения вполне оправданной: каждое положение речи привлекает пристальное внимание аудитории и вызывает подчас неожиданное (для Президента Д. Трампа) возбуждение слушателей и столь же неожиданную реплику с его стороны: *Didn't expect that reaction, but that's okay*. Известны также восторженно экзотические возгласы и рукоплескания флорентийцев во время произнесения гомилетических речей проповедником и правителем города Дж. Савонаролой.

Указанное здесь резкое отличие в членении дискурсов лидеров Флоренции и США есть результат последовательной реализации прагматической установки на актуализацию концепта популизма. Современная эпоха глобализации в лингвокогнитивном плане характеризуется, в частности, фрагментаризацией нарастающего потока многочисленных событий. На примере укрупненных информационных блоков когниций у Дж. Савонаролы можно убедиться в характере самого сознания средневекового жителя – оно еще носит целостный и христоцентрический характер.

Дискурсивные периоды значительного размера – характерный признак ренессансных речей.

«Уникальность позиции Савонаролы, очевидная и для него самого, – отмечает А. В. Топорова, – заключается в том, что он, как никто прежде, столь глубоко вторгся в сферу конкретной политики, что из проповедника превратился в общественного деятеля, или, точнее, стал использовать проповедь как орудие политической деятельности» [Топорова 2014, с. 225].

Как носитель культуры гомилетической речи Дж. Савонарола всё стремительнее в последние годы своей земной жизни превращается

в проводника концептов, отличающих именно политический дискурс. Эта тенденция с отчетливостью проявляется в цикле проповедей на книгу пророка Аггея, где в дискурсах с 8-го по 13-й он говорит о политической реформе во Флоренции на основе нравственных заповедей смирения, любви и простоты и провозглашает правителем города и республики Господа Иисуса Христа. Приводим небольшой пример из дискурса «Legislazione politica e finanziaria»:

È necessario ancora, in una città ben regolata, che quelli che governano facciano che le gravezze che si pagano per la città e per il dominio siano poste giustamente e sopra i beni, e non per arbitrio, come è stato qualche volta fatto, acciocchè gli uomini ai possano esercitare per il bene universale.

Концепты: город, люди, правление, реформа, господство, бремя, справедливость, имущество, богатство, воля, благо.

Исправление морали общества на нравственных основаниях сочетается с идеями преобразования общественного и государственного устройства. Республиканское управление городом – согласно «видению» Дж. Савонаролы 13 января 1495 г. – угодно самому Богу:

Il contradire alla reforma, che è ordine di Dio, è in disonore di Dio.
<...>

E però, popolo, fache tu difenda questo Consiglio e che tu ci metta la vita per mantenerlo, perché li è la salute tua.

Концепты: сопротивление, реформа, повеление, Бог, бесчестие; народ, Совет / Правительство, жизнь, смерть, поддержка, спасение.

По мере «размывания» в диахронии общественного самосознания на пути к миру человека Новейшего времени, обремененного бесконечной чередой всё более разнообразных забот и обязанностей, утери значимого смысла жизни и на фоне потери целостного мышления о мире и об Источнике его бытия, восприятие современника востребовало или подчинилось требованию атомарности когнитивного и речевого пространства, что находит свое отражение и соответствие в детальном членении речевого сообщения в современном политическом и гомилетическом дискурсах.

Концепт «популизм», таким образом, действует непреложно и в эпоху Средневековья, и в век Глобализации, однако социально-культурная

и языковая парадигма за прошедшие века существенно изменилась. Принципиально изменившееся структурно-композиционное членение дискурсов Д. Трампа относительно Дж. Савонаролы это вполне отражает.

Лингвостилистические особенности

В области ораторской речи вкусы эпохи Кватроченто были весьма умеренными. Среди ценителей церковного красноречия предпочтение отдавалось высоколитературному напыщенному стилю, приверженностью к неумеренно употребляемым средствам и приемам выразительности (эпитетам, метафорам, метонимиям, сравнениям, восклицательным и вопросительным конструкциям, параллелизмам, повторам), которые сопровождалась преувеличенной артикуляцией, жестами и мимикой, при этом «живописность и внешняя броскость деталей заменяли богословское знание и личное отношение» к тому, о чем говорилось с амвона» [Топорова 2014, с. 217].

Итальянский ученый первой половины XIX в. Дж. Тирабоски так описывал господствующий стиль гомилетического дискурса второй половины XV в.: «Сила их красноречия сводилась к отдельным восклицаниям, к которым добавлялось такое описание некоторых наиболее распространенных пороков того времени, что сегодня вызывает у нас смех, а тогда заставляло слушателей раздражаться горькими рыданиями» [Tiraboschi 1825, с. 273].

Не избежал в целом такого стиля риторики и фра Дж. Савонарола, например, в гомилетическом дискурсе *Oratio pro Ecclesia* в стиле *vers libre*:

Iesù, dolce conforto e sommo bene
 D'ogni affannato core,
 Risguarda Roma cum perfetto amore.
 De ! mira cum pietade in che procella
 Si trova la tua Sposa,
 E quanto sangue, oimè ! tra nui s'aspetta,
 Se la tua man pietosa,
 Che di perdonar sempre se diletta,
 Non la reduce a quella
 Pace, che fu quand'era poverella.

Перевод

Иисусе, сладкое утешение и высшее благо каждого беспокойного сердца, защити Рим Своею великою любовью. Ну же! Взгляни с состраданием в каком несчастье находится Твоя Супруга и сколько крови, о горе! Ждём мы, чтобы Твоя рука милосердная, что всегда прощением милует, приведет ее к тому миру, что был, когда Она была бедна.

Концепты: Иисус, сладчайший, утешение, благо, сердце, защита, Рим, любовь, сострадание, несчастье, Супруга (=Церковь), кровь, горе, ожидание, рука, милосердие / миловать, прощение, мир, бедность.

Дж. Савонарола начал свою проповедническую деятельность в кафедральном соборе Флоренции Cattedrale di Santa Maria del Fiore 16 февраля 1491 г. На Светлой седмице того же года в своей традиционной проповеди в Palazzo Vecchio он говорит о том, что все настроения в жизни города происходят от коррумпированных правителей, которые устанавливают непосильные для народа налоги и благоденствуют за счет бедных людей.

Ему как бы вторит другой морализатор Д. Трамп – в дискурсе века XXI *Full text: Trump's 2017 U.N. speech:*

We live in a time of extraordinary opportunity. Breakthroughs in science, technology, and medicine are curing illnesses and solving problems that prior generations thought impossible to solve.

But each day also brings news of growing dangers that threaten everything we cherish and value. Terrorists and extremists have gathered strength and spread to every region of the planet. Rogue regimes represented in this body not only support terrorists but threaten other nations and their own people with the most destructive weapons known to humanity.

Authority and authoritarian powers seek to collapse the values, the systems, and alliances that prevented conflict and tilted the world toward freedom since World War II.

International criminal networks traffic drugs, weapons, people; force dislocation and mass migration; threaten our borders; and new forms of aggression exploit technology to menace our citizens.

Концепты: эпоха, возможности, прорыв, наука, технологии, медицина, болезни, проблемы, поколение, опасности, угроза / угрожать, ценности, терроризм, экстремизм, сила, страна, планета, режим, правительство, народ, граждане, оружие, человечество,

криминальная сеть, наркотики, вооруженные силы, миграция, границы, агрессия.

В эпоху Ренессанса происходит видимое и экзистенциальное смещение концептов в гомилетическом дискурсе – от нравственных концептов «Бог – Церковь – спасение» для христиански ориентированных слушателей к концептам «мир – человек – (земное) благополучие» для дальнего странника на Земле. И лишь небольшие и редкие ссылки и аллюзии на непреходящие ценности Истины христианства иногда находят свой путь во всё более доминирующий в публичной коммуникации политический и экономический дискурсы Нового и Новейшего времени.

Обобщая вышесказанное о средствах образности в гомилетико-политическом и политическом дискурсах обоих лидеров, можно сделать вывод, что они вполне сопоставимы. Оба деятеля используют известный набор стилистических приемов и выразительных средств. Как видим из приведенных примеров, в дискурсах фра Джироламы Савонаролы особенно часто находим развернутые концептуальные метафоры, эпитеты, витиеватые сравнения. Его гомилетические речи также отличает обильная цитация (ссылки на Новый Завет и Ветхий Завет), широкое использование параллельных конструкций и многочисленных повторов и обращений, восклицательных и вопросительных конструкций, например, в дискурсе *Vita nova*:

...O Firenze, ora mi volta a te. Se vuoi rinnovarti, o città nuova e se hai mutato nuovo stato, bisogna che muti nuovi modi e nuovo vivere se vuoi durare e se vuoi reggere; e ti bisogna fare uno nuovo cantico e ricercare che tu abbia nuova forma. La prima cosa che tu debba fare intra l'alter è questa, che tu facci tale che legge che nessuno più per l'avvenire possa farsi capo, altrimenti tu sarai fondata sulla rena. E hai a fare in modo che nessuno si facci tale, che gli altri abbiano ad inchinarsi a lui come superiore, ma l'autorità sia solo della virtù. E se fai questo, le cose anderanno bene, e dotti il modo; e se non fate quello che vii dico, voi fondate sulla rena. Bisogna ridursi a Dio! ...
*Cantate igitur canticum novum*¹, fate adunque vita nuova.

Концепты: Флоренция, стремление, желание, обновление / новый, город, государство, поиск / искать, найти, путь, жизнь / жить,

¹ Пер.: «Посему воспойте песнь нову». Здесь неточное цитирование у автора со ссылкой на Псалом 97, стих 1 царя Давида. Правильно: *Cantate Domino canticum novum* (рус.: Воспойте Господеви песнь нову).

сохранять, удерживать, сочинение / сочинять, песня / петь, форма, дело / делать, должен, эго, закон, будущее, добродетель, склонность, страсть, добро, хороший, просить милость / милостыню, Бог, следовательно / посему.

В дискурсах Д. Трампа также неоднократно встречаются сравнения и метафоры, регулярно используются гиперболы и эпитеты, восклицательные предложения и лексические и синтаксические повторы, однако, по сравнению с текстами Дж. Савонаролы, они довольно немногочисленны и не могут быть соотнесены с высоким книжным стилем, как видно, например, в приводимой ниже серии высказываний из дискурса – *Full text: Trump's 2018 UN speech*:

America's policy of principled realism means we will not be held hostage to old dogmas, discredited ideologies, and so-called experts who have been proven wrong over the years, time and time again. This is true not only in matters of peace, but in matters of prosperity.

Yet, other countries did not grant us fair and reciprocal access to their markets in return. Even worse, some countries abused their openness to dump their products, subsidize their goods, target our industries, and manipulate their currencies to gain unfair advantage over our country. As a result, our trade deficit ballooned to nearly \$800 billion a year.

OPEC and OPEC nations, are, as usual, ripping off the rest of the world, and I don't like it. Nobody should like it. We defend many of these nations for nothing, and then they take advantage of us by giving us high oil prices. Not good.

We want them to stop raising prices, we want them to start lowering prices, and they must contribute substantially to military protection from now on. We are not going to put up with it – these horrible prices – much longer.

It's a horrible thing that's going on, at levels that nobody has ever seen before. It's very, very cruel.

Thank you very much. Thank you.

Концепты: Америка, политика, реализм, заложник, догма, дискредитация, идеология, эксперт, ошибка / ошибаться, мир, процветание, страна, награда, доступ на рынки, страна, посягать, открытость, демпинг, субсидия / субсидировать, товары, промышленность, валюта, преимущество, торговый дефицит, доллар, дефицит, ОПЕК, отбирать, нефть, (высокие) цены, повышать / понижать цены, вклад (во ч.-л.), армия / военный, защита, мириться (с ч.-л.), жестокий / ужасный, благодарность / благодарить.

Заключение

Следует отметить, что проведенный когнитивно-стилистический анализ материала показывает, что монах-доминиканец эпохи флорентийского Ренессанса фра Джироламо Савонарола являлся, несомненно, искусным оратором, умело владевшим всем аппаратом многообразных языковых средств и приемов искусства красноречия в жанре гомилетического дискурса, равно как и незаурядным политическим и общественным деятелем Флорентийской Республики конца XV в.

Нынешний 45-й Президент Соединенных Штатов Америки Дональд Джон Трамп, умело продолжающий развивать национальные традиции политического дискурса и достаточно успешно использующий в своих публичных выступлениях некоторые приемы ораторской и гомилетической речи, отражает в условиях общемирового системного кризиса XXI в. попытку современника найти ответы на насущные мировые проблемы и задачи своей страны, которые охватывают различные сферы жизни и деятельности современного человека,

Дистинктивным признаком дискурсов Джироламо Савонаролы и Дональда Трампа является концепт «популизм», который характеризуется как нравственная, идеологическая и социально-политическая ориентированность субъектов политики в условиях очевидного кризиса на предпочтения и настроения широких масс населения, испытывающих неудовлетворенность своей жизнью, не предполагая при этом осуществления на практике высказанных ими обещаний.

Концепт «популизм» как стиль риторики апеллирует к широким народным массам и актуализируется комплексом разнообразных лингвокогнитивных средств и приемов – грамматико-синтаксических, лексико-фразеологических, собственно стилистических (эксплицитных и имплицитных), а также фонетических.

Они сопровождаются использованием средств экстралингвистических – жестикуляции, мимики, перемещения человека в пространстве, учитывая широкие возможности современных технологий и технических изобретений, что может стать предметом дальнейших лингвокогнитивных исследований.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Дмитриева Е. Г. На романо-германском пограничье: эволюция и современное состояние французского языка в Люксембурге // Вестник Российского

университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2016. Т. 20, № 1. С. 77–95.

Иоанн Златоуст. Полное собрание творений святого отца нашего Иоанна Златоуста : в 12 т. Творения святого отца нашего Архиепископа Иоанна Златоуста в русском переводе. Свято-Успенская Почаевская Лавра, 2005. 13 818 с.

Словарь политических терминов : политическая энциклопедия. URL : онлайн.onlinedics.ru>slavar/pol.html.

Топорова А. В. Джироламо Савонарола. Цикл проповедей на книгу пророка Аггея / отв. ред. М. А. Андреев. М. : Наука, 2014. 309 с.

Шпетный К. И. Стилистические характеристики ораторского дискурса в диахронии. Часть I // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2015. Вып. 6 (717). С. 672–687.

Шпетный К. И. Стилистические характеристики ораторского дискурса в диахронии. Часть II // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2016. Вып. 7 (746). С. 296–312.

White House. Full text: 2017 Donald Trump inauguration speech transcript / by Politico staff // Politico Magazine. January 20, 2017.

White House. Full text: Trump's 2017 U.N. speech transcript / by Politico staff // Politico Magazine. September 19, 2017.

White House. Full text: Trump's 2018 UN speech transcript / by Politico staff // Politico Magazine. September 25, 2018.

Savonarola G. Prediche e Scriptti. Con introduzipone, commento, nota bibliographica e uno studio sopra “L'influenza del Savonarola su la letteratura e l'arte del quattrocento” di Mario Ferrara con XXXII tavole fuori testo / Ulrico Hoepli. Milano : Editore-libraio della real caso, 1930. 426 p.

Tiraboschi G. Storia della letteratura italiana di Girolamo Tiraboschi. Venezia, 1825. Т. 3. Dalla rovina dell'Impero occidentale fino all' anno 1183. 411 p.

REFERENCES

Dmitrieva E. G. Na romano-germanskom pogranich'e: jevoljucija i sovremennoe sostojanie francuzskogo jazyka v Ljuksemburge // Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Serija: Lingvistika. 2016. Т. 20, № 1. С. 77–95.

Ioann Zlatoust. Polnoe sobranie tvorenij svjatogo otca nashego Ioanna Zlatousta : v 12 t. Tvorenija svjatogo otca nashego Arhiepiskopa Ioanna Zlatousta v russkom perevode. Svjato-Uspenskaja Pochaevskaja Lavra, 2005. 13 818 s. Slovar' politicheskikh terminov : politicheskaja jenciklopedija. URL : onlajn.onlinedics.ru>slavar/pol.html.

Toporova A. V. Dzhirolamo Savonarola. Cikl propovedej na knigu proroka Aggeja / отв. ред. М. А. Андреев. М. : Наука, 2014. 309 с.

-
- Shpetnyj K. I.* Stilisticheskie harakteristiki oratorskogo diskursa v diahronii. Chast' I // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. 2015. Vyp. 6 (717). S. 672–687.
- Shpetnyj K. I.* Stilisticheskie harakteristiki oratorskogo diskursa v diahronii. Chast' II // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. 2016. Vyp. 7 (746). S. 296–312.
- 2017 Donald Trump inauguration speech transcript / by Politico staff // Politico Magazine. January 20, 2017.
- Trump's 2017 U.N. speech transcript / by Politico staff // Politico Magazine. September 19, 2017.
- Trump's 2018 UN speech transcript / by Politico staff // Politico Magazine. September 25, 2018.
- Savonarola G.* Prediche e Scriptti. Con introduzipone, commento, nota bibliographica e uno studio sopra “L'influenza del Savonarola su la letteratura e l'arte del quattrocento” di Mario Ferrara con XXXII tavole fuori testo / Ulrico Hoepli. Milano : Editore-libraio della real caso, 1930. 426 p.
- Tiraboschi G.* Storia della letteratura italiana di Girolamo Tiraboschi. Venezia, 1825. T. 3. Dalla rovina dell'Impero occidentale fino all' anno 1183. 411 p.

УДК 81'373.45

А. Н. Шумакова

кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации
в области политических наук ИМО и СПН Московского государственного
лингвистического университета; e-mail: ashumakova@yandex.ru

АНГЛИЦИЗМЫ В СТАТЬЯХ О ГАСТРОНОМИИ (на материале современной французской прессы)

Работа посвящена особенностям функционирования заимствований из английского языка во французской прессе, а именно – в языке гастрономии, где англицизмы и американизмы используются не только в качестве профессиональных терминов, но и для наименования новых явлений, модных понятий. На материале статей из журнала *L'Obs* анализируются структурные особенности заимствований, рассматриваются их функции в тексте. Затрагивается вопрос об ассимиляции англицизмов и американизмов во французском языке.

Ключевые слова: французская пресса; *L'Obs*; заимствование; англицизм; американизм; ассимиляция; гастрономия.

A. N. Shumakova

PhD (Philology), Associate Professor, Department of Linguistics
and Professional Communication in Political Sciences,
Institute of International Relations and Social and Political Sciences,
Moscow State Linguistic University; e-mail: ashumakova@yandex.ru

ON THE USE OF ANGLICISMS IN ARTICLES ABOUT GASTRONOMY (based on the present-day French periodicals)

The paper focuses on the use of English loanwords in articles about gastronomy in the present-day French periodicals. In this field Anglicisms and Americanisms not only function as a part of terminology, but also allow to designate the latest trends and concepts. Structural and functional features of loanwords are analyzed and the problem of English and American loanwords assimilation in French is addressed with reference to examples from *L'Obs* magazine.

Key words: French news magazines; *L'Obs*; loanword; Anglicism; Americanism; assimilation; gastronomy.

Введение

В настоящее время заимствования из английского языка (англицизмы) и американского варианта английского языка (американизмы) используются во французской прессе в статьях разной тематики.

Наибольшее количество англицизмов употребляется в статьях, посвященных информационным технологиям, экономике, т. е. областям, где ведущая роль принадлежит англоязычным странам, а английский язык служит основным языком общения. Однако заимствования можно встретить и в областях, в которых французский язык традиционно пользовался большим влиянием, например мода и гастрономия (кухня). Ранее мы рассматривали особенности функционирования англицизмов в статьях о моде [Шумакова 2017], а в этой работе решили обратиться к анализу заимствований в материалах, посвященных гастрономии.

Французская кухня известна во всем мире, она включена в список культурного наследия ЮНЕСКО (*Французскую кухню признали достоянием человечества. www.bbc.com. 17.11.10*). Блюда французской кухни любят и готовят в разных странах; многие кулинарные термины из французского языка вошли в лексику других языков, включая русский, например: *деликатес, безе, пюре, майонез* и другие. При этом французский язык также пополняется кулинарными терминами из других языков, прежде всего – из английского. Заимствование кулинарных терминов из английского языка началось в XVII в. Как пишет П. Богаардс (Paul Bogaards) в книге «*On ne parle pas français: la langue française face à l'anglais*», именно в этот период во французскую лексику вошли английские слова *pudding, rosbif, rhum, punch*. В XVIII в. французский словарь пополнился названиями напитков – *grog, whisky*, а заимствования XIX в. отражали представления англичан о хорошем обеде и радушном приеме: *five o'clock, sandwich, cocktail, pale-ale, sherry, garden-party* [Bogaards 2008, с. 76]. В XX в. наблюдается влияние американской культуры питания и американской кухни, что отразилось в появлении таких американизмов, как *fastfood, food truck, McDonaldisation*. В распространении англицизмов и американизмов во французском языке велика роль прессы, так как именно через публицистику многие заимствования проникают во французскую лексику. Поскольку особенности использования заимствованной английской лексики из области кулинарии и гастрономии во французской прессе рассматриваются редко, мы решили проанализировать, какие англицизмы употребляются в статьях о гастрономии, каковы их структурные особенности и функции в рамках статьи. Для анализа были отобраны англицизмы и американизмы из статей,

посвященных этой теме, из журнала L'Obs (рубрики «Tendances», «Food»). Мы выбрали именно это издание, потому что оно рассчитано на широкую аудиторию и публикует материалы о разных аспектах жизни человека.

Структурно-семантические особенности и функции англицизмов в статьях о гастрономии

Как показал анализ, в статьях о гастрономии преобладают существительные и именные словосочетания, заимствованные из английского языка. Они обозначают названия блюд (*lobster roll, cheesecake, hot-dog, bowl, mug cake*), напитков (*cocktail, cold brew, whiskey, smoothie*), посуды и аксессуаров для кухни (*shaker*), разновидности кухни (*street food, fast-food*), ингредиентов (*cranberries*), сторонников какой-либо диеты (*vegan*), традиции, связанные с приемом пищи (*five o'clock*), и выполняют номинативную функцию. Многие из этих заимствований также употребляются в качестве профессиональных терминов.

Для статей о гастрономии характерно употребление англицизмов и американизмов – имен собственных, также выполняющих номинативную функцию. Это названия марок продуктов, напитков (*Canadian Lumberjack, Magic Pearl*), ресторанов, пабов, баров (*Shake n'Smash*), компаний, занимающихся доставкой питания (*Foodora, Deliveroo*). Ряд существительных в сфере гастрономии относится к эпонимам, т. е. словам, образованным от имен собственных или названий марок, например *sandwich, scotch*. П. Богаардс отдельно говорит о слове *martini*, которое является названием итальянской марки, но также обозначает американский коктейль на основе джина и вермута [Bogaards, 2008, с. 27]. Очевидно, во втором значении слово *martini* можно отнести к американизмам.

Некоторые заимствованные существительные и именные словосочетания выполняют не только номинативную функцию, но и характеризуют обозначаемое понятие. Часто такие заимствования имеют разговорный характер. Например, слово *foodie* употребляется по отношению к любителям готовить еду, а также к гурманам. Оно образовано от слова *food – eda* с помощью уменьшительно-ласкательного суффикса *-ie*, который придает ему разговорный оттенок. Словосочетание *tea addict* обозначает людей, которые очень любят чай, оно

относится к разговорному стилю благодаря компоненту *addict*, отражающему пристрастие к чему-либо, зависимость от чего-либо.

Гастрономия и кулинария связаны с другими областями, поэтому в статьях на кулинарную тему можно увидеть заимствованные существительные и именные словосочетания из Интернета (*Instagram*), моды и культуры (*look, star*), музыки (*heavy metal*), экономики (*top sellers, start-up*), модные слова (*hype*).

Были выявлено небольшое число англицизмов, относящихся к другим частям речи, кроме существительных (например, прилагательные *healthy* – *здоровый*, *trendy* – *модный*, глагол *shaker* – *смешивать*, междометие *Cheers!* – *Ваше здоровье*). В некоторых случаях такие заимствования используются в качестве профессиональных терминов. Например, прилагательное *gluten free* – *не содержащий глютена*, описывает состав продуктов, а глагол *shaker* – *встряхивать*, *смешивать* употребляется, когда идет речь о приготовлении коктейлей, т. е. о смешивании компонентов.

Проведенный анализ показал, что заимствованная лексика подвергается ассимиляции. Так, некоторые англицизмы-словосочетания во французском языке функционируют как сложные слова, например: *fast food* → *fastfood, fast-food, garden party* → *garden-party*. Англицизмы-существительные приобретают категорию рода, чаще всего – мужского (*le sandwich, le milk-shake*), однако некоторые существительные употребляются в женском роде по аналогии с близким по смыслу французским существительным, например *la lunch box* (досл.: *коробка с едой* от англ. *lunch* – *лэнч* и *box* – *коробка*) – *коробка, содержащая ингредиенты для приготовления еды*, видимо, по аналогии с французским словом *la boîte; la garden-party* (от англ. *garden* – *сад* и *party* – *вечеринка*) – *прием в саду* употребляется в женском роде по аналогии с французским словом *la partie* в значении «развлечение» [Bogaards 2008, с. 52]. При этом одно и то же слово может использоваться и в мужском, и в женском роде. Это можно наблюдать на примере сложных слов и словосочетаний с компонентом *food* – *еда*. Например, в словосочетаниях *la street food* (от англ. *street* – *улица* и *food* – *еда*) – *уличная еда*, *la junk food* – *вредная еда* англицизм *food* относится к женскому роду, очевидно, по аналогии со словом *la nourriture* – *еда*, имеющим женский род. Заимствование *fastfood* (*fast-food, fast food*) с тем же компонентом зафиксировано в словарях

в форме мужского рода, но мы зафиксировали употребление этого англицизма с артиклем женского рода: «Pas de doute, la *fast food* devient *good*» (*L'Obs.* 6.12.2016). К другим признакам ассимиляции относится изменение существительных по числам: *food trucks, sandwiches, bagels, rolls, nuggets*. Отметим, что в собранном материале образование формы множественного числа у существительного *sandwich* происходит по правилам французского языка (*sandwichs*), потому что в английском языке к этому существительному во множественном числе добавляется окончание *es* – *sandwiches*.

Для английских словосочетаний, используемых во французском языке, характерно усечение (*truncation*) последнего компонента, в результате вместо всего словосочетания употребляется только его первый компонент, например *soft* вместо *soft drink* – *безалкогольный напиток* [Bogaards 2008, с. 27; Candel, Humbley 2017, с. 25]. Усечение может происходить как в процессе заимствования лексической единицы, так и позже, при ассимиляции заимствованного элемента. Как пишут Д. Кандель и Дж. Хамбли в книге «*Les anglicismes: entre réalité linguistique et fait culturel*», если во французском языке встречаются полная и усеченная форма заимствования, значит, усечение произошло после появления заимствования в языке [Candel, Humbley 2017, с. 25]. Так, словосочетание *soft drink* – *безалкогольный напиток* употребляется как в полной, так и в усеченной форме *soft*, поэтому можно сказать, что усечение является результатом ассимиляции (*Un soft drink à l'or.* *L'Obs.* 05.11.2010). В исходном словосочетании компонент *soft* – *безалкогольный* относился к именам прилагательным, после заимствования и усечения он перешел в разряд существительных, приобрел форму мужского рода (*un soft frais*) и стал меняться по числам – *les softs*.

Ассимиляция заимствованных прилагательных проявляется в их употреблении после определяемого слова (*les adresses healthy, la tendance gluten free*), т. е. в соответствии с грамматическими правилами французского языка, тогда как согласования прилагательных с существительным по родам и числам не наблюдалось. Ассимиляция глаголов заключается в появлении у них грамматических признаков, свойственных глаголам первой группы (окончание *er* в инфинитиве), а также в спряжении. Например, во фразе «*Shakez fort*» из заметки о коктейлях (досл.: *хорошо взбейте*) упоминаемый выше глагол *shaker*, образованный от английского *to shake* – *встряхивать*,

взбивать, употреблен в форме множественного числа в повелительном наклонении (*L'Obs.* 07.06.2018).

Как правило, заимствованная лексика во французском тексте выделяется курсивом или кавычками, а ее значение поясняется с помощью французского эквивалента или словарной дефиниции. Анализ собранного материала показал, что некоторые англицизмы и американизмы в статьях о гастрономии не выделяются графически и не поясняются, поскольку они зафиксированы в словарях и не мешают понимать текст. Чаще всего это заимствования, достаточно давно пополнившие французскую лексику: *hamburger, whiskey, sandwich, fastfood, garden-party, malt, cocktails*.

Заимствования, не зафиксированные в словарях, выделяются кавычками или курсивом и поясняются словарной дефиницией или французским эквивалентом. Кроме того, в статьях о гастрономии, как и в статьях о моде, значение англицизма может поясняться с помощью иллюстрации. Это особенно важно, когда речь идет о заимствованиях, обозначающих новые явления, так как иллюстрация, как правило, фотография, добавляет наглядности. Так, в последнее время в статьях о гастрономии можно увидеть термин *bowl* (от англ. *bowl* – чаша) – *сбалансированная еда, сервируемая в чаше*. Очевидно, в результате метонимического переноса значения английское слово *bowl* стало обозначать не только посуду, но и блюдо, которое в ней подается. Популярность еды из чаши объясняется не только подбором компонентов, обеспечивающих здоровое питание, но и небольшим размером порций, что важно для тех, кто следит за фигурой. Новая тенденция получила распространение и благодаря пользователям «Инстаграма», которые любят фотографировать еду. Под влиянием Интернета и моды на здоровое питание англицизм *bowl* появился и в русском языке: «Набирающий популярность боул (или чаша) – это отличный вариант вкусного сбалансированного ужина всего в одной тарелке» (*Вегетарианский боул: 3 отличных, но неочевидных рецепта. The Challenger.* 20.04.2017). Во французской прессе заимствование *bowl* ставят в кавычки и поясняют с помощью французского эквивалента *bol*. Так, в заметке, озаглавленной *Le «Bowl»*, читателю предлагают попробовать новый вариант этого блюда:

Inspiré du «poke bowl» hawaïen, ce bol «fourre-tout» et équilibré, sucré ou salé, se décline à toutes les sauces (*L'Obs.* 13.10.2017).

Займствование *poke bowl* (от гавайского *poke* – *резать ломтиками* и англ. *bowl* – *чаша*) обозначает подаваемое в чаше гавайское блюдо, основой которого служит нарезанная кусочками рыба. Это блюдо напоминает суши, но в Западной Европе в него начали добавлять новые ингредиенты. Так, по данным портала «Рамблер», «основу блюда составляют рис и свежая рыба, а в качестве наполнителя – различные овощи, травы и специи. В отличие от суши, все ингредиенты достаточно сложить в миску и смешать» (*Гастрономические тренды 2018 г. URL: weekend.rambler.ru. 9.04.2018*). Займствование поясняется французским эквивалентом *bol* «*fourre-tout*» (от *bol* – *чаша* и *fourre-tout* – *вещевой мешок, кладовка*), что отражает представление о смешивании разных компонентов по аналогии с кладовкой, в которой хранят разные вещи. Это позволяет сообщить читателю, что в новом блюде, называемом *bowl*, сочетаются самые разные компоненты. Заметка сопровождается фотографией блюда, о котором говорится в тексте, что также помогает понять значение заимствованного слова.

В некоторых случаях заимствования употребляются без выделения во французском тексте, а их значение понятно из контекста. Например, в предложении «*Ce plat ... est l'emblème de la cuisine tradi, ... c'est notre confort food à nous*» (*L'Obs. 04.01.2017*) англицизм *comfort food* – «традиционные блюда национальной кухни, которые помимо своего насыщенного вкуса несут в себе ностальгическую ноту и дарят сентиментальное настроение» (*Comfort food: искусство домашней еды. www.elle.ru. 18.03.2015*) не выделен, но поясняется контекстом: *l'emblème de la cuisine tradi* – *символ традиционной кухни*. Некоторые заимствования, не вошедшие в словарь, иногда не выделяются в тексте и не поясняются, так как их значение закреплено традицией употребления и понятно читателю. Так, англицизм *healthy* – *здоровый* часто встречается во французской прессе, поэтому и в статьях о гастрономии употребляется без кавычек и без пояснений, например в названии заметки о фруктовых эскимо, которые решила производить одна французская компания: «*Emkipop, les bâtonnets glacés et healthy, bientôt incontournables*» (*L'Obs. 01.07.2018*). Значение профессиональных терминов поясняется с помощью французского эквивалента: англ. *craft* – *пиво, произведенное по традиционным рецептам на небольшой пивоварне* – фр. *bière artisanale*.

Как показывает проведенный анализ, многие англицизмы выполняют в статьях о гастрономии номинативную функцию. Для этой сферы

характерна заимствованная лексика, обозначающая новые тенденции, новые блюда, так как одна из задач специализированной прессы – познакомить публику с новинками. Например, один из разделов заметки об охлажденных напитках озаглавлен «Le “cold brew”, la vague du café froid» (*L'Obs.* 20.07.18). Речь идет о напитке, ставшем популярным во Франции летом 2018 г., – кофе, который заваривается на холодной воде в течение не менее 12 часов и употребляется охлажденным. Значение заимствования *cold brew*, которое является сокращением от *cold brew coffee* – кофе холодного настоя (от англ. *cold* – холодный, *brew* – настоянный напиток, *coffee* – кофе) поясняется с помощью французского эквивалента *café froid*, а в тексте приводится словарная дефиниция англицизма, что позволяет читателю понять смысл заимствования и всей заметки. Кроме того, благодаря выделению кавычками заимствование привлекает внимание читателя.

Заимствования часто используются для передачи местного колорита. Так, в заметке «Découvrir Edimbourg on the rocks» предлагается совершить прогулку по шотландскому городу Эдинбургу и попробовать местную кухню, особенно напитки. В этом материале можно увидеть несколько англицизмов, связанных с гастрономическими и культурными традициями Шотландии и Великобритании: *scotch whisky* – шотландское виски, *скотч*, *scottish street food* – шотландская уличная еда, *pub crawl* – барный тур. Некоторые из них, например, *scotch whisky*, уже вошли в лексику французского языка, поэтому их восприятие не вызывает затруднений у французского читателя. Другие поясняются с помощью французского эквивалента:

L'un des sésames consiste à se livrer au traditionnel pub crawl, comprendre la tournée locale des bars (*L'Obs.* 15.12.17).

Выражение *pub crawl* (от англ. *pub* – паб и *crawl* – медленное перемещение, ползание) – кочевание из кабачка в кабачок, барный тур характерно для британского варианта английского языка. Оно метафорически (по сходству образа действия) обозначает поведение человека, который медленно переходит из одного бара или паба в другой, употребляя один или несколько напитков в каждом заведении. В приведенной фразе англицизм не выделен, но пояснен с помощью словосочетания *la tournée locale des bars* (досл.: местный тур по барам). Эпитет *traditionnel* – традиционный также позволяет понять, что

речь идет об английской традиции. В целом, благодаря англицизмам в статье передан местный колорит.

Англицизмы и американизмы употребляются как в тексте статей, так и в сильной позиции – в заголовке, подзаголовке, а также в названии рубрики. Отметим, что для заимствований, обозначающих новинки в сфере гастрономии, характерно использование в сильной позиции, так как это позволяет привлечь внимание читателя и к заголовку, и к блюду или тенденции, о которой идет речь в заметке, например:

La lunch box, nouvelle obsession culinaire américaine

Qui l'eût cru? Le panier-repas fait saliver aux Etats-Unis... (*L'Obs*. 3.11.2016).

Это заголовок и подзаголовок заметки о новом явлении в области гастрономии – моде на коробки с ингредиентами и рецептами блюд, которые можно самостоятельно из них приготовить. Словосочетание *lunch box* (от *lunch* – *ленч* и *box* – *коробка*) обозначает чемоданчик (контейнер) для завтрака, в котором школьники и рабочие носят бутерброды. По данным словарей, в таком значении выражение *lunch box* употребляется в американском варианте английского языка, поэтому мы будем рассматривать его как американизм [Collins Dictionary URL; AMERICANA II 2005]. Однако в последнее время у этого словосочетания появилось новое значение, так как в чемоданчик для завтрака начали помещать не готовую еду, а продукты для ее приготовления. Как следует из текста, мода на такие коробки пришла из США, где не у каждого есть время и возможность купить на рынке свежие продукты. В заголовке заимствование не выделено графически, однако его значение раскрывается в подзаголовке благодаря французскому эквиваленту *panier-repas* (от фр. *panier* – *корзина* и *repas* – *еда*), поэтому заимствование не мешает понимать содержание текста. По смыслу компонент *box* ближе французскому существительному *la boîte* – *коробка*, очевидно, этим объясняется употребление словосочетания *lunch box* с артиклем женского рода. Графическая ассимиляция американизма еще не завершена, потому что в заметке употребляются два варианта написания: *lunch box* и *lunch-box*.

Использование заимствований представляется обоснованным, если они функционируют в роли терминов или передают местный колорит. Однако в некоторых ситуациях использование заимствованной

лексики можно объяснить скорее престижем английского языка, чем необходимостью. Как пишет А. И. Дьяков в статье, посвященной заимствованиям из английского языка в русском языке, английское слово нередко представляется более престижным, чем русское, оно кажется более экспрессивным, может подчеркивать уровень информированности говорящего [Дьяков 2003]. Собранный материал показывает, что выбор англицизма вместо французского эквивалента характерен и для французской прессы. Например, рубрика о гастрономии в журнале *L'Obs* озаглавлена английским словом *Food – еда*. Полагаем, что в данном случае англицизм не мешает пониманию смысла: значение слова *food* известно французскому читателю, так как оно входит в состав слова *fastfood*, зафиксированного в словарях. Возможно, английское слово представляется более емким, экспрессивным, чем французское слово *nourriture* с тем же значением.

Вероятно, в некоторых случаях англицизм может помешать читателю, не владеющему английским языком, полностью понять фразу. Например, в подзаголовке заметки с рецептами коктейлей использовано сленговое выражение-тост *Cheers! – За ваше здоровье!*

Pour agrémenter les longues soirées d’hiver, on sort son matériel de parfait mixologue pour réaliser des cocktails gourmands et surprenants. Cheers! (*L'Obs*. 17.12.2017)

Как следует из этой фразы, читателю предлагают приготовить вкусные коктейли, чтобы разнообразить длинные зимние вечера. Англицизм *Cheers!* в сильной позиции – подзаголовке привлекает внимание читателя, а также приглашает его попробовать коктейли, о которых далее пойдет речь. Кроме того, англицизм участвует в создании местного колорита, так как выражение *Cheers!* используется в британском и американском английском перед употреблением алкогольного напитка, а некоторые из перечисленных в статье коктейлей популярны в США. Но до читателей, не владеющих английским языком, будет сложно донести эту информацию, так как заимствование не выделено в тексте, не поясняется, поэтому только из контекста можно понять, что речь идет о напитках (*des cocktails gourmands et surprenants – вкусные и удивительные коктейли*) и о приглашении их попробовать. Во французском языке существует несколько выражений (например, *A la vôtre!*) с тем же значением, однако автор выбрал именно английское

выражение. Можно предположить, что престиж английского языка способствовал употреблению англицизма в подзаголовке.

Заключение

Подводя итог, можно сказать, что в статьях о гастрономии преобладают имена существительные и именные словосочетания, которые выполняют номинативную функцию, а также функционируют в качестве профессиональных терминов. Для сферы гастрономии характерно использование имен собственных и эпонимов. Лексика, относящаяся к другим частям речи, заимствуется реже.

Заимствованные слова подвергаются ассимиляции. Для существительных характерно появление категории рода и множественного числа. Ассимиляция прилагательных проявляется в их использовании после определяемого существительного. Ассимилированные глаголы приобретают признаки глаголов первой группы и спрягаются. Ассимиляция словосочетаний заключается в усечении словосочетания до первого компонента.

Заимствования, зафиксированные в словарях, встречаются во французском тексте без пояснений, так как их значение известно французскому читателю. Англицизмы и американизмы, обозначающие новые явления в гастрономии, часто выделяются кавычками или курсивом, чтобы привлечь внимание читателя. Для пояснения значения заимствованных слов используются французские эквиваленты, словарные дефиниции, а также иллюстрации. Некоторые англицизмы употребляются без пояснений, что может помешать читателям, не владеющим английским языком, понять содержание статьи.

Основная функция заимствований – номинативная для привлечения внимания читателя и создания местного колорита. Заимствования из английского языка часто используются в сильной позиции текста, а также в названиях рубрик, что позволяет привлечь внимание читателя и информировать его о содержании статьи. В некоторых случаях употребление англицизмов оправдано, но в других ситуациях наличие заимствования объясняется престижем английского языка и его ролью в качестве языка-посредника в разных сферах жизни человека. Проникновение заимствований из английского языка во французский язык и в прессу также происходит под влиянием кулинарных тенденций и кулинарной моды англоязычных стран.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Дьяков А. И.* Причины интенсивного заимствования англицизмов в современном русском языке. Язык и культура. Новосибирск, 2003. С. 35–43. URL : www.philology.ru/linguistics2/dyakov-03.htm.
- Шумакова А. Н.* Функционирование англицизмов в статьях о моде (на материале современной французской прессы) // Романистика в эпоху полилингвизма : материалы Международной научно-практической конференции. 19–21 октября 2017 г. М. : ФГБОУ ВО МГЛУ, 2017. С. 561–572.
- AMERICANA II: English-Russian Encyclopedic Dictionary / ed. by Prof. G. V. Chernov ; M. V. Vasyanin et al. 2005. URL : www.lingvo.ru.
- Bogaards P.* On ne parle pas franglais: la langue française face à l'anglais. Bruxelles : De Boeck-Duculot, 2008. 208 p.
- Candel D., Humbley J.* Les anglicismes: entre réalité linguistique et fait culturel. Paris, Editions Garnier // Le Monde. 2017. 94 p.
- Collins Dictionary. URL : www.collinsdictionary.com.
- L'Obs. Paris. URL : www.nouvelobs.com.

REFERENCES

- D'jakov A. I.* Prichiny intensivnogo zaimstvovanija anglicizmov v sovremenom russkom jazyke. Jazyk i kul'tura. Novosibirsk, 2003. S. 35–43. URL : www.philology.ru/linguistics2/dyakov-03.htm.
- Shumakova A. N.* Funkcionirovanie anglicizmov v stat'jah o mode (na materiale sovremennoj francuzskoj pressy) // Romanistika v jepohu polilingvizma : materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. 19–21 oktjabrja 2017 g. M. : FGBOU VO MGLU, 2017. S. 561–572.
- AMERICANA II: English-Russian Encyclopedic Dictionary / ed. by Prof. G. V. Chernov ; M. V. Vasyanin et al. 2005. URL : www.lingvo.ru.
- Bogaards P.* On ne parle pas franglais: la langue française face à l'anglais. Bruxelles : De Boeck-Duculot, 2008. 208 p.
- Candel D., Humbley J.* Les anglicismes: entre réalité linguistique et fait culturel. Paris, Editions Garnier // Le Monde. 2017. 94 p.
- Collins Dictionary. URL : www.collinsdictionary.com.
- L'Obs. Paris. URL : www.nouvelobs.com.

УДК 81'373.612.2

Л. В. Порохницкая, С. М. Теплякова

Порохницкая Л. В., доктор филологических наук;
профессор кафедры лексикологии английского языка
факультета английского языка Московского государственного лингвистического
университета; e-mail: lidie@list.ru

Теплякова С. М., преподаватель кафедры иностранных языков
Первого московского образовательного комплекса;
e-mail: djcrazy@rambler.ru

РЕАЛИЗАЦИЯ МЕТОНИМИЧЕСКИХ КОНЦЕПТОВ В СЕМАНТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЕ ЭВФЕМИЗМОВ (сопоставительный ракурс)¹

В статье рассматриваются продуктивные концептуальные модели формирования семантики политкорректных и эвфемистических единиц во франкоязычном и англоязычном социумах. По результатам исследования делается вывод о высокой активности ряда метонимических концептов, реализация которых в обоих языках обнаруживает много схожих черт. В работе показано, что в основе семантики эвфемистических и политкорректных единиц, фигурирующих в разных типах дискурса в рамках одной номинативной сферы, лежат константные концептуальные модели, общие для двух анализируемых линвокультур.

Ключевые слова: реализация концепта; метонимический концепт; блок концептов; эвфемизм; концептуальная модель.

L. V. Porokhnitskaya, S. M. Teplyakova

Porokhnitskaya L. V., Doctor of Philology (Dr. habil.),
Department of English Lexicology, Faculty of the English Language,
Moscow State Linguistic University; e-mail: lidie@list.ru

Teplyakova S. M., Lecturer, Department of Foreign Languages,
The First Moscow Educational Complex; e-mail: djcrazy@rambler.ru

ACTUALISATION OF METONYMIC CONCEPTS IN THE SEMANTIC STRUCTURE OF EUPHEMISMS (comparative analysis)

The article deals with productive conceptual patterns that underlie the semantics of politically correct and euphemistic units in the English and French languages. The research findings testify to a high degree of productivity of metonymic concepts the actualization of which manifests common tendencies in both languages. Constant

¹Статья подготовлена при поддержке Российского Фонда Фундаментальных Исследований. Конкурс поддержки молодых ученых 2017 г. Номер проекта: 17-34-01003a2 («Семантика эвфемизма с когнитивной точки зрения»).

cognitive patterns that underlie the semantics of politically correct and euphemistic units that function in different types of discourse are the same in both linguistic communities.

Key words: actualisation of concepts; metonymic concept; conceptual cluster; euphemism; conceptual pattern.

Введение

В последние десятилетия наметилось значительное повышение интереса исследователей к проблеме моделируемости разнообразных единиц номинации, выполняющих разные функции в дискурсе. Достаточно продуктивным в этом плане представляется метод концептуально-метафорической реконструкции [Беляевская 2011; Порохницкая 2015]. Данный метод позволяет выявить концептуальные модели, формирующие семантику лексических и фразеологических единиц, репрезентирующих одну номинативную область. Мы полагаем, что применение метода концептуально-метафорической реконструкции дает исследователям ключи к пониманию целого ряда сложных вопросов, связанных с принципами номинации и инференции в разных типах дискурса как на материале одного языка, так и в рамках сопоставительных исследований.

Трудности изучения семантики политкорректных эвфемизмов

До недавнего времени в значительной степени открытым оставался вопрос о возможности моделирования политкорректного лексикона на материале одного или нескольких языков. Неясными оставались принципы выявления семантических моделей разнородных языковых единиц, большое количество которых представляют собой многокомпонентные сочетания, относящиеся к окказиональной номинации.

В работе на материале эвфемистических единиц английского и французского языков, репрезентирующих номинативную область, связанную с правонарушениями и деятельностью правоохранительных органов в англоязычном и франкоязычном социумах, мы попытаемся ответить на вопрос: можно ли говорить об общих принципах формирования семантики лексических и фразеологических единиц, фигурирующих в номинативных областях, сопряженных с действием законов политической корректности.

Выбранная область представляет собой достаточно разнородную сферу, включающую разнообразные правонарушения – от традиционных (кражи, вымогательства) до более современных, связанных с деятельностью нелегальных иммигрантов, а также различные аспекты функционирования пенитенциарной системы в изучаемых лингвокультурах. Анализируемая сфера может считаться в значительной степени показательной в плане формирования и эволюции концептуальных моделей, поскольку она непосредственным образом сопряжена с наиболее актуальными проблемами данных социумов и традиционно испытывает на себе влияние норм идеологии политической корректности, основным средством вербализации которой следует считать эвфемизм.

Исследование проведено на материале значительного массива лексических и фразеологических единиц английского и французского языков, обладающих эвфемистическим потенциалом, что позволяет им использоваться в качестве смягчающей и / или маскирующей альтернативы неуместному в данной коммуникативной ситуации слову (словосочетанию).

Большинство эвфемистических единиц в нашем исследовании характеризуются высоким эвфемистическим потенциалом и функционируют в рамках разных социальных групп и в разных типах дискурса. Помимо собственно политкорректных сочетаний, типа фр. *client du système carcéral*, англ. *community alienation* наш корпус включает в себя также некоторый процент единиц, являющихся принадлежностью жаргона социальных групп, в частности полицейских. Большинство таких единиц имеют в основе своей семантики действие обобщенного концепта, в центре внимания которого находится нейтральная или положительная идея, что обеспечивает им стабильный эвфемистический потенциал.

Закономерности реализации метонимических концептов в семантике политкорректных эвфемизмов в английском и французском языках

Пенитенциарный дискурс, являясь разновидностью институционального дискурса, обнаруживает многие черты, присущие и другим подвидам данного типа дискурса. Речь, в частности, идет о реализации функции установления норм и стандартов, а также функции создания

правильного имиджа соответствующих инстанций и их сотрудников в глазах обывателей. Жесткая регламентированность и типизация, характерные для институционального дискурса, непосредственным образом коррелируют с известной негибкостью норм идеологии и языка политкорректности, навязываемых коммуникантам в рамках официального взаимодействия.

Пенитенциарный дискурс представляет собой, по всей видимости, не самую изученную область институционального дискурса. Как правило, в центре внимания исследователей находятся ключевые понятия анализируемой концептосферы («тюрьма», «заключенный», «надзиратель» и т. д.) и способы их вербализации на материале определенного языка. Лингвистов также интересуют вопросы этимологии синонимичных сочетаний, специфика перевода данного пласта лексики, принципы функционирования такой лексики в современных СМИ, художественной литературе, кино.

Мы полагаем, что концептуальные модели, на базе которых формируется семантика лексических и фразеологических единиц, номинирующих различные аспекты пенитенциарной системы, представляют собой единый концептуальный базис для продуцирования политкорректных языковых единиц, фигурирующих в любом подвиде институционального дискурса.

Анализ нашего языкового корпуса, репрезентирующего изучаемую номинативную сферу, продемонстрировал, что в основе семантики разноструктурных языковых единиц в обоих языках лежит система взаимосвязанных концептуальных блоков. Ведущая роль в описанной системе принадлежит блокам концептуальных метонимий (метонимических концептов).

В результате проведенного исследования можно утверждать, что большинство метонимических блоков демонстрирует высокую активность при формировании семантики единиц, номинирующих различные аспекты данной сферы как в англоязычной, так и франкоязычной лингвокультурах. Сравните примеры репрезентантов блока **антропоморфных концептов**: англ. *operator* мошенник, ам. англ. *associate* (например, в сочетании *field associate* полицейский, назначенный следить за работой своих коллег и сообщать о нарушениях); фр. *agent* (в сочетании *agent de la sécurité* полицейский, фр. *citoyen détenu* заключенный, фр. *client* (в сочетании *client du système carcéral*);

концептуальный блок **отклонение от нормы**: англ. *non-national* иностранец (часто в контексте нелегальной иммиграции), англ. *irregular* незаконный, мошеннический, *unavailable* в бегах от правосудия; фр. *dysfonctionnement* противозаконные действия полиции, фр. *non droit* (в сочетании *zone de non droit* трущобы), фр. *désorienté* преступный (например, в сочетании *désorienté affectif*), фр. *incivilité* вандализм; блок **обобщенных концептов**: англ. *act, action* незаконная деятельность, англ. *case* (рецидивист, обычно в сочетании *hard case*), *to do* арестовывать; фр. *force, ordre* (часто в сочетании *forces de l'ordre* полицейские); блок **локальных концептов**: англ. *place* (например, в сочетании *place of correction* тюрьма), фр. *espace* (например, в сочетании *espace de correction* тюрьма), фр. *zone* (например, в сочетании *zone de non droit*), *proximité* (например, в сочетаниях *zone suburbaine de proximité* пригород, где наблюдается повышенный уровень преступности, фр. *délinquance de proximité* ограбление), **временные концепты**: *time* тюремный срок, букв. 'время', фр. *passé*.

Комментируя вышеприведенные примеры, можно заметить, что в целом наблюдается значительная унификация концептуально-метонимической репрезентации сегментов анализируемой области как в плане реализации концептуальных блоков в целом, так и отдельных концептов в английском и французском языках (напр., англ. *anti-social* и фр. *asocial*). Некоторые концептуальные блоки обнаруживают меньшую активность в рамках анализируемой сферы по сравнению с их средней продуктивностью в других номинативных областях, сопряженных с принципами политкорректности. Так, несколько меньшей продуктивностью отмечены временные концепты. Метонимический блок **изменения** в контексте описываемых явлений включает в себя, главным образом, метонимические представления об исправлении, коррекции (например, англ. *corrective, correctional* тюремный, исправительный, например, *corrective system, correctional facility*; фр. *maison de correction*).

Определенная унификация концептуализации может быть отмечена и в плане актуализации концептов соматического кластера, примыкающего к блоку антропоморфных представлений. Большинство соматических концептов реализуются в структуре метонимических моделей сценарного типа (например, фр. *lever la main sur*). В этой связи следует отметить важную роль динамичной метонимии

в репрезентации многих составляющих анализируемой области (например, фр. *se faire prendre* «попасться», быть арестованным, англ. *to pull in* арестовать, букв. ‘затащить’, англ. *to go over the wire* сбежать из тюрьмы).

Проведенное исследование позволило выявить базовые модели корреляции и комбинаторики концептов разных метонимических блоков при формировании эвфемистических и политкорректных номинаций в рамках анализируемой области. К ведущим метонимическим моделям следует отнести: корреляцию концептов в рамках одного концептуального блока (например, фр. *forces de l'ordre* полиция, англ. *piece of the action* доля участия в незаконной деятельности); корреляция концептов, репрезентирующих разные блоки (например, фр. *économie parallèle* распространение наркотиков, англ. *community alienation* беззаконие). Отдельно надо отметить концептуальную модель, которая становится всё более продуктивной в политкорректном дискурсе. Речь идет о совмещении в рамках одного сочетания единиц, моделируемых как на базе «нейтрального» метонимического концепта, принадлежащего к одному из описанных концептуальных блоков, так и репрезентирующих концепт, стоящий за прямой номинацией обозначаемого явления (например, фр. *espace carcéral* тюрьма). Такие языковые единицы, как бы «балансирующие» на грани прямой и вторичной номинации, становятся всё более распространенными в политкорректном дискурсе изучаемых лингвокультур.

Заключение

Подводя итог, отметим, что концептуальная метонимия, которая наряду с концептуальной метафорой представляет собой базовый механизм формирования значения лексических и фразеологических единиц в разных типах дискурса, проявляет особую активность в номинативных сферах, сопряженных с действием норм политической корректности. Несмотря на отдельные случаи эвфемистической лакунарности (сравните, например, англ. *he is helping the police – он находится под следствием*, букв. ‘он помогает полиции’, фр. *un homme est interrogé par la police dans le cadre de l'enquête*), метонимические концепты функционируют в семантике эвфемистических и политкорректных единиц как константные концептуальные модели, действие которых в изучаемых языках обнаруживает общие тенденции.

Активность отдельных метонимических концептов, моделей их комбинаторики, а также блоков в целом совпадает в анализируемых лингвокультурах, что во многом обусловлено общим социально-правовым фоном сопоставляемых языковых социумов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Беляевская Е. Г.* Номинативный потенциал концептуальных метафор (концептуально-метафорическая репрезентация как иерархическая система) // Сборник научных трудов. К 100-летию И. И. Чернышевой. М. : ИПК МГЛУ «Рема», 2011. С. 13–30.
- Никишина О. А.* Лексикон англоязычного пенитенциарного дискурса // Вестник Брянского государственного университета. Вып. 3. Сер. Языкознание. 2016. С. 156–160.
- Порохницкая Л. В.* Константность и вариативность сегментов концептуального номинативного базиса как критерий сопоставительного изучения эвфемизмов разных языковых систем // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2015. Вып. 12 (723). С. 159–164. URL : www.vestnik-mslu.ru/Vest-2015/Vest15-723z.pdf.

REFERENCES

- Beljaevskaja E. G.* Nominativnyj potencial konceptual'nyh metafor (konceptual'no-metaforicheseskaja reprezentacija kak ierarhicheskaja sistema) // Sbornik nauchnyh trudov. K 100-letiju I. I. Chernyshevoj. M. : IPK MGLU «Rema», 2011. S. 13–30.
- Nikishina O. A.* Leksikon anglojazychnogo penitenciarного diskursa // Vestnik Brjanskogo gosudarstvennogo universiteta. Vyp. 3. Ser. Jazykoznanie. 2016. S. 156–160.
- Porohnickaja L. V.* Konstantnost' i variativnost' segmentov konceptual'nogo nominativnogo bazisa kak kriterij sopostavitel'nogo izuchenija jevfemizmov raznyh jazykovyh sistem // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. 2015. Vyp. 12 (723). S. 159–164. URL : www.vestnik-mslu.ru/Vest-2015/Vest15-723z.pdf.

УДК 811.131.1-112

Л. И. Жолудева

кандидат филологических наук,
старший преподаватель кафедры романского языкознания
филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова;
e-mail: Lzholudeva@gmail.com

КОМЕДИИ Ф. ДЕ ФОРНАРИСА И А. КАЛЬМО: РАННИЕ ОБРАЗЦЫ ITALIANO REGIONALE?

Статья посвящена проблеме регионально маркированных разновидностей итальянского языка – феномену *italiano regionale*. В итальянистике на данном этапе нет единой точки зрения относительно времени возникновения ранних образцов *italiano regionale*. По мнению автора, к ним могут быть отнесены тексты художественных произведений XVI в., в частности комедий, стилистические особенности которых определяются ориентацией на устную речь.

Ключевые слова: итальянский язык; история итальянского языка; языковая норма; литературный язык; языковая вариативность; *italiano regionale*; язык итальянских комедий XVI в.

L. I. Zholudeva

PhD (Philology), Senior Lecturer, Department of Romance Linguistics,
Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University;
e-mail: Lzholudeva@gmail.com

COMEDIES BY F. DE FORNARIS AND A. CALMO: EARLY EVIDENCE OF ITALIANO REGIONALE?

The article deals with the phenomenon of *italiano regionale*, that is, the realizations of Standard Italian that are territorially marked. Up to now there is no universally accepted viewpoint as to when *italiano regionale* makes its appearance. The author believes that 16th century comedies by authors from all over Italy can be looked upon as early examples of *italiano regionale* due to a combination of linguistic features typical of this literary genre.

Key words: the Italian language; history of Italian; language norm; literary standard; language variation; *italiano regionale*; language of 16th century Italian comedies.

Введение

Говоря об истории итальянского языка, начиная с XVI в. и далее, мы употребляем термин «итальянский», подразумевая формирующийся языковой стандарт. Однако заслуживает внимания и тот факт, что одновременно с появлением кодифицированной формы речи появились и ее регионально маркированные реализации, применительно к современной языковой ситуации обозначаемые как *italiani regionali*.

Термин «italiano regionale» используется преимущественно в работах, посвященных современному этапу существования итальянского языка; без него не обходятся исследователи, изучающие феномен вариативности литературного языка в диатопии. Поскольку между *italiano standard* и диалектами Италии существует довольно обширная переходная область, куда входят, в частности, диалектные койне, испытывающие влияние литературного языка, и регионально маркированные варианты реализации нормы, простая оппозиция «литературный язык – диалекты» не смогла бы адекватно представить современную языковую ситуацию.

Историки итальянского языка до недавнего времени обходились без термина «italiano regionale»; возможно, это объясняется их особым вниманием к процессу консолидации и распространения нормы и перераспределению функций между формирующимся литературным языком, латынью и диалектами. Вариативность в рамках самого литературного языка, если и рассматривалась, то, скорее, как признак неполноценного владения нормой. При таком подходе непросто увидеть преемственность, непрерывность развития языковой ситуации от начала формирования литературной нормы и до современности. Ряд исследователей, чьи интересы связаны с современной социолингвистической ситуацией в Италии, предпочитают говорить о появлении *italiano regionale* в период между двумя мировыми войнами¹ [Cerruti

¹ Эта точка зрения не является единственной: так, одна из секций Конгресса Итальянского лингвистического общества (SLI), проходившего в 1984 г., была посвящена «italiano regionale del passato» [Cerruti 2009, с. 22]. О давней истории *italiano regionale* пишет в своей недавно опубликованной статье Л. Д'Онгия: «In effetti non possono esserci dubbi sulla lunga vita scritta di un italiano comune, regionale, popolare o pidocchiale che dir si voglia, una lingua con utenti e ambiti di circolazione del tutto distinti da quelli dell'italiano letterario di matrice grossomodo bembesca» [D'Onghia 2018, с. 38].

2009, с. 18], однако данный подход, опирающийся на внешнелингвистические критерии, не является ни единственным, ни общепринятым.

С нашей точки зрения, будет вполне логично, говоря о формировании литературной нормы в XVI в., признать тот же исторический отрезок временем возникновения *italiano regionale*, тем более что характерная для современного итальянского языка зависимость между формальностью / неформальностью дискурса и степенью региональной маркированности обнаруживается уже в текстах XVI в.

Вариативность итальянского литературного языка в диатопии: ранние свидетельства

Участники *questione della lingua* по-разному оценивали феномен территориальной вариативности итальянского языка: сторонники «придворной» теории фактически предлагали наделить *italiano regionale* (если считать таковым койне на тосканской основе с некоторой долей латинизации и регионализмов¹) статусом, близким к статусу литературного языка (ср. точку зрения Дж. Триссино о приемлемости как «тосканского», так и «придворного» произношения), с чем были категорически не согласны пуристы; флорентинисты (точнее, тосканисты) были патриотами обработанных вариантов своих диалектов, прежде всего, флорентийского и сиенского; для представителей обоих не-архаизирующих направлений выбор правильной социальной основы нормы – т. е., опора на речь образованных современников – был важнее полного устранения вариативности в диатопии. Как говорил Дж. Триссино в начале «Книги о придворном», «лучше пусть во мне узнают жителя Ломбардии, говорящего на ломбардский манер, чем не-тосканца, говорящего слишком по-тоскански»².

¹ Идею, что *italiano comune* представлял собой не что иное как «italiano regionale del passato», ранее высказывала Т. Поджи Салани (цит. по: [Trovato 1994, с. 12].

² «Né credo che mi si debba imputare per errore lo aver eletto di farmi piú tosto conoscere per lombardo parlando lombardo, che per non toscano parlando troppo toscano ... io confesso ai mei riprensori non sapere questa lor lingua toscana tanto difficile e recondita; e dico aver scritto nella mia, e come io parlo, ed a coloro che parlano come parl'io; e così penso non avere fatto ingiuria ad alcuno, ché, secondo me, non è proibito a chi si sia scrivere e parlare nella sua propria lingua; né meno alcuno è astretto²¹ a leggere o ascoltare quello che non gli aggrada. Perciò, se essi non vorran leggere il mio Cortegiano, non me tenerò io punto da loro ingiuriato» (B. Castiglione «Il Cortegiano», I, 2).

Сделанный авторитетными грамматистами выбор в пользу определенных – ассоциирующихся с узусом писателей XIV в. – морфологических вариантов, а также стилистические ориентиры, заданные П. Бембо эксплицитно (в «Беседах о народном языке») и имплицитно (в его собственной практике – на примере «Азоланских бесед», писем и пр. [Ferrero 1948, с. 14]), лишь отчасти регламентировали узус. Предложенная П. Бембо модель оказалась удобной для формальных и высоких стилистических регистров и лишь отчасти отвечающей нуждам «*uso medio*», не говоря уже о стилистически сниженных контекстах. Вполне естественным в этой ситуации было обращение к живому разговорному языку, что и предлагали флорентинисты, с одной стороны, и сторонники «придворной» теории – с другой. Тосканские авторы оказались здесь в привилегированном положении: их языковая компетенция была такова, что кодифицированный литературный язык воспринимался ими как обработанная форма их родного диалекта (достаточно вспомнить мнения Б. Варки и других тосканских авторов на соотношение устной и письменной речи). Сложившиеся к середине XVI в. различия на всех уровнях языка между живыми диалектами Тосканы и кодифицированной нормой, по-видимому, ощущались ими как элементы вариативности в диафазии и диастратии.

Характеризуя язык комедий XVI в., исследователи нередко пишут об их диалектной природе. Так, Пьетро Трифоне характеризует язык комедиографов сиенской школы как «усредненный тосканский диалект с отдельными сиенскими чертами, взятыми из речи среднего стиля ... и, по большей части, не маркированными социально как просторечные» [Trifone 1994, с. 110]. Иными словами, язык тосканских комедий на основании совокупности черт, о которых речь пойдет далее, характеризуется исследователями как диалектное койне. В отличие от диалекта в собственном смысле слова, представляющего собой естественным образом развившуюся, относительно стабильную диасистему (*abstand language* в терминологии Х. Клосса [Kloss 1967]), такое койне представляет собой довольно трудноопределимую форму речи (поскольку характер и «удельный вес» различных территориально и социально маркированных черт будет разным в зависимости от жанра произведения, региона, а также индивидуальных особенностей авторского и редакторского узуса) – результат речевого взаимодействия между носителями разных диалектов, испытывающими

влияние кодифицированной нормы. В случае с тосканским «койне», зафиксированным в текстах комедий, кодифицированная норма и диалекты обладают генетической общностью, что дополнительно осложняет его описание.

С учетом всего этого неудивительно, что узус тосканских авторов, даже если сравнивать тексты пьес, написанных комедиографами из одного и того же города (скажем, сиенцами Алессандро Пикколомини и Джироламо Баргальи или флорентийцами Никколо Макиавелли, Донато Джаннотти, Антон Франческо Граццини и Джован Марии Чекки), будет нестабилен и далек от единообразия. Соотношение черт, характерных для кодифицированной нормы и для диалектной речи, отличается неустойчивостью даже в пьесах одного и того же автора. Кроме того, как отмечает П. Тровато, в текстах комедий подчас можно встретить комбинацию таких диалектных черт, которые никогда не сосуществовали в реальности [Trovato 1994, с. 135].

На наш взгляд, применительно к текстам XVI века, после появления кодифицированной нормы, будет корректнее говорить о текстах комедий и других текстов, отражающих особенности разговорной речи вместе с присущим ей региональным колоритом, как о *italano regionale*, а не как о диалектном койне, хотя, как и на современном этапе, разграничение этих участников итальянской языковой ситуации часто оказывается проблематичным [Sabatini 1985, с. 172–173]).

Характеризуя язык комедий XVI в. как диалектный, пришлось бы делать целый ряд оговорок, объясняя избирательность в отображении комедиографами – даже тосканскими – диалектных черт. Многие особенности диалектной фонетики (к примеру, тосканская спирантизация – так называемая «*gorgia toscana*») не воспроизводятся на письме в силу орфографических традиций и условностей. Другие черты остаются незафиксированными, возможно, из-за слишком сильной просторечной окраски (так, даже в комедиях редко встречаются тосканские формы с дистантной ассимиляцией типа *povaro*, *povarina* и формы с [gj] на месте палатального l-го типа *figghia*). Но даже в том, что касается относительно нейтральных (с точки зрения диастратии) диалектных черт, комедиографы довольно непоследовательно воспроизводят диалектный узус. Вероятно, балансируя между «литературностью» и диалектностью речи персонажей, они стремились сохранить связь с живой разговорной стихией, но при этом избежать

излишней грубости или просторечной маркированности, а также добиться общепонятности текста. Нечто подобное происходит в современной спонтанной разговорной речи в неформальных ситуациях, когда в речи носителей итальянского языка неизбежно обнаруживаются регионально маркированные особенности, не затрудняющие коммуникацию между жителями разных регионов так, как ее могло бы затруднить использование диалектов.

Проиллюстрируем вышесказанное примерами из комедий двух авторов XVI в.: неаполитанца Ф. де Форнариса и венецианца А. Кальмо.

В комедии Ф. де Форнариса «Анжелика» присутствуют следующие не характерные для литературного языка особенности фонетики и грамматики:

а) фонетика:

- примеры дифтонгизации в открытом слоге (во флорентийском диалекте в соответствующих словах дифтонг стянулся под влиянием фонетического окружения – [D'Ovidio, Meyer-Lübke 1932, с. 54–55]): *priego, truovo, leggiero*;
- частое отсутствие тосканского перехода *ar > er* в предударном слоге: *estimarebbe, tornarebbe, aiutarei, ricordare, tapezzarie* (наряду с *si ricorderà, entrerà*);
- спорадически встречаются примеры, где отсутствует закрытие *e > i* в предударном слоге (в пределах слова или синтагмы с безударной клитикой): *ogn'huomo se guardi della mala ventura*;
- встречаются южные – палатализованные – формы глагола *vedere*: *veggio* (наряду с *veggo*), *veggia*;
- для орфографии «Анжелики» характерно неустойчивое отображение геминат, что может говорить о гиперкоррекции в условиях, когда в родном диалекте автора удвоение согласных происходило чаще, чем во флорентийском (например, после ударного гласного) или же о вмешательстве редактора, готовившего текст к печати (комедия была опубликована в Венеции): *publico, femina, comedia* наряду с *robba; Eccomi ... pronto al vostro comando: che commandate?*

б) грамматика:

- форма второго лица множественного числа глагола *essere* выглядит как *sete* вместо *siete*;

- отличные от нормативных объектные формы личных местоимений: *chiamatime* (наряду с *fammi questo piacere a me*);
- примеры южного кондиционала на *-ia* (на фоне преобладающего тосканского кондиционала): *saria, havria*; пример использования разных типов кондиционала в одном контексте: *che t'havria piene le vene e la testa e le donne non t'havrebbero dispiaciute come tu dimostri*;
- вспомогательный глагол *avere* при возвратных глаголах: *Angelica s'ha fidata di me; s'ha dimenticata di se stessa; s'ha serbata una carta di soblimato*.

Наряду с этими особенностями в тексте «Анжелики» (особенно в репликах слуг) можно встретить те же черты диалектов Тосканы, которые используются тосканскими комедиографами для имитации разговорной речи:

- разговорно и просторечно маркированные окончания перфекта и кондиционала: *s'innamororno, potrebbono* [Nencioni 1955];
- диалектные (тосканские) формы первого лица единственного числа: *fo (faccio), vo (vado)*;
- формы будущего времени без синкопы: *viverò, haverai, anderà, vederò* (наряду с нормативными – *andrò*);
- разговорно маркированное употребление имперфекта индикатива в составе условного периода с нереальным условием: *s'io non t'havesse pregata, ... l'andavi dicendo da te stessa* (наряду с нормативным условным периодом «второго» типа, со значением вероятности: *se prima non ti dicessi questo, non potresti capire l'inganno*);
- отличные от нормативных окончания глаголов в конъюнктиве (презенс, имперфект, плюсквамперфект): *venghi; io fusse, uscisse*.

Спорадически встречаются и лексические диалектизмы, уже упоминавшиеся нами в связи с языком комедий тосканских авторов, например, глагол *mirare (guardare)*.

На синтаксическом уровне можно отметить примеры эмфатической конструкции с двойным *che* («*che enfatizzante esclamativo*» – [Messina 2006]): *che grida ch'è stata questa?* Также любопытно, что в комедии встречаются примеры перифразы *stare + герундий*, отсутствовавшей

в староитальянском языке [Egerland 2010, с. 920] и получившей распространение в литературном итальянском только в XX в. [Titus-Brianti 2010]: *stavamo spazzando le camere*.

Язык комедий А. Кальмо (в состав текстов, послуживших материалом для нашего исследования, мы включили комедии «Девушка с Родоса» и «Травалья») также, с нашей точки зрения, может быть охарактеризован как *italiano regionale*: язык пролога и реплик персонажей, в чью речевую характеристику не входит использование иностранного языка или диалекта¹, близок к нормативному, хотя и здесь обнаруживаются следы не-тосканского диалектного «субстрата». Интересно, что даже не-тосканские черты в текстах А. Кальмо и Ф. де Форнариса частично совпадают (в ряде случаев речь идет об особенностях, общих для Юга и Севера Италии; в других случаях совпадение, возможно, объясняется вмешательством венецианских издателей):

а) фонетика:

- формы с дифтогом в открытом слоге: *priego, figliuolo, struologo*;
- формы с переходом *ar > er* в предударном слоге чередуются с аналогичными без перехода: *drizzarò, riportarete, camminarete, operarò / mancherà, dimanderò, menerò*;
- отсутствие закрытия в предударном слоге: *descendere, desgratia, odite*;
- отсутствие закрытия в заударном неконечном слоге: *quindeci, huomeni, femena*;
- спорадически встречаются формы без анафонии – типично флорентийского явления: *longa*;
- примерно так же редко, но всё же встречаются формы без тосканской дифтонгизации: *bone*;
- формы с метафоническим закрытием гласного: *vinti, vinticinque*;
- колебания в написании слов с геминатами: *colera, overo, me ne ramenti, comedia, obligatissimo, mezo, dimi / crepperà, robba*;

¹ О вполне осознанном переключении автора между кодифицированным литературным языком и диалектом свидетельствует, в частности, речевая характеристика персонажа Труффо, который говорит на диалекте, притворяясь слугой-простолудином, и переходит на литературный язык, когда выходит из этого образа и демонстрирует, играя свое истинное «я» – знатного молодого человека.

б) грамматика:

- регионально маркированные формы *vo, veggio*;
- этимологическая форма первого лица имперфекта индикатива: *io andava*;
- тенденция к выравниванию по модели на *-i* форм настоящего времени конъюнктива: *venghi, possi, sii / sia, habbi / habbia*;
- колебания в наличии / отсутствии синкопы в будущем времени и кондиционале: *venirà, andarà, andarei; harei, harete; havrebbero*;
- встречаются примеры употребления вспомогательного глагола *avere* при возвратных глаголах: *mi ho pensato*;
- спорадически встречаются формы кондиционала на *-ia*: *saria*;
- есть примеры использования имперфекта индикатива как элемента условного периода: *Forse che senza il mio favore l'essercito Spagnolo passava nell'Africa o nella Alimagna*.

На лексическом уровне в комедиях Кальмо можно встретить уже упоминавшиеся нами в связи с тосканскими текстами диалектизмы: *mirare, desinare, ire, mo', ciancie, cascio (cacio)* и др.

Возможно, как уже говорилось, частичное совпадение черт нетосканского происхождения, присутствующих в текстах неаполитанца Ф. де Форнариса и венецианца А. Кальмо объясняется тем, что оба текста были опубликованы в Венеции. Однако для нас является существенным то, что в своих основных чертах тексты обоих комедиографов могут быть охарактеризованы как тексты на итальянском языке с небольшой примесью регионально маркированных черт, а не как тексты на диалектах Италии.

В тех случаях, когда у Кальмо, де Форнариса и других авторов персонажи говорят на диалектах и иностранных языках, использование многоязычия является сознательно используемым художественным приемом, тогда как языковой «фон» комедий остается, в общем и целом, тосканским, хотя для комических произведений и не характерно такое методичное устранение маркированных черт, как для текстов «высоких» жанров и близких к ним по стилистике произведений (таких как «Азоланские беседы» П. Бембо, поэма Дж. Триссино «Италия, освобожденная от готлов», «Неистовый

Роланд» Л. Ариосто (в третьем издании, где текст был приведен в максимальное соответствие с кодифицированной нормой) и т. п.). По-видимому, значение и назначение языкового стандарта, предложенного П. Бембо, в XVI в. воспринималось, в первую очередь, как эстетическое (стилистическое), подобно тому как для Данте *volgare illustre* был, по сути, языком определенных литературных жанров¹.

Заключение

Как мы видим, язык литературных памятников XVI в., несмотря на появление ориентиров в виде авторитетных грамматических сочинений и трактатов, далек от единообразия, и дело не только в том, что средствами, доступными в ту эпоху, быстро добиться единообразия было трудно. Опыт П. Бембо и других авторов, чьи произведения отличаются стилистической возвышенностью, а также опыт издателей, работавших над приведением популярных текстов в соответствие с кодифицированной нормой, показывает, что эта задача отнюдь не была невыполнимой. Интересно и то, что набор регионально маркированных черт, чаще всего встречающихся в нейтральных и стилистически сниженных образцах итальянской прозы этого периода, включает немало повторяющихся особенностей, характерных как для узуса южан, так и для узуса северян и жителей центральной Италии. Это может объясняться как особенностями издательской практики, так и уже сложившейся к XVI в. тенденцией к языковой унификации – и в Тоскане, и за ее пределами – и лидирующей роли диалектов Тосканы в процессе формирования литературного языка и его регионально маркированных реализаций.

¹ «Анализ заключительного фрагмента первой книги трактата, т. е. четырех эпитетов-терминов, показывает высокую семантическую насыщенность этих определений и в то же время позволяет, хотя и с определенной степенью гипотетичности, понять, какими чертами обладал “искомый язык” в глазах Данте. Это язык, имеющий своим источником божественный свет (ср. божественный свет разума), сохраняющий баланс изменчивости и стабильности, принадлежащий всему итальянскому сообществу (и в частности – обществу лучших поэтов) и одновременно являющийся достоянием одного поэта, наконец, язык, направленный “сам на себя”, – язык поэтический; поэтический язык является единственной сферой языковой деятельности, где осуществляется его функция “меры”» [Степанова 2000, с. 131].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Степанова Л. Г.* Итальянская лингвистическая мысль XIV–XVI веков (от Данте до позднего Возрождения). СПб. : Изд-во РХГИ, 2000. 504 с.
- Calmo A.* Il Travaglia. In Vinegia : Appresso Domenico de Farri, 1561.
- Calmo A.* Rodiana: comedia stupenda e ridicolissima piena d'argutissimi moti e in varie lingue recitata / A. Calmo. - Padova : Antenore, 1985. 267 p.
- Castiglione B.* Il libro del cortegiano. Milano : Fabbri, 2001. 400 p.
- Cerruti M.* Strutture dell'italiano regionale: morfosintassi di una varietà diatopica in prospettiva sociolinguistica. Frankfurt am Main : Peter Lang, 2009. 308 p.
- D'Onghia L.* Da quanto tempo gli italiani parlano italiano? Riflessioni sparse sulla questione dell'italofonia preunitaria // Fiorentino G., Ricci C. e Siekiera A. (a cura di) Trasversalità delle lingue e dell'analisi linguistica. Firenze : Cesati, 2018. P. 35–48.
- D'Ovidio F., Meyer-Lübke W.* Grammatica storica della lingua e dei dialetti italiani. Milano : Hoepli, 1932. 301 p.
- Egerland V.* Frasi subordinate al gerundio // Grammatica dell'italiano antico. A cura di G. Salvi e L. Renzi. Bologna : Mulino, 2010. P. 903–921.
- Ferrero G. G.* Introduzione // Lettere del Cinquecento. A cura di G. G. Ferrero. Torino : UTET, 1948. P. 9–28.
- Fornaris F. de.* L'Angelica. Venetia : Francesco Bariletti, 1607.
- Kloss H.* 'Abstand Languages' and 'Ausbau Languages' // Anthropological Linguistics. 1967. Vol. 9, № 7. P. 29–41.
- Messina S.* Il che tuttofare // A cura di E. Cresti. Prospettive nello studio del lessico italiano. Atti SILFI 2006. Firenze : FUP, 2006. Vol. II. P. 445–453.
- Nencioni G.* Fra grammatica e retorica. Firenze : Leo Olschki Editore, 1955. 184 p.
- Sabatini F.* L'italiano dell'uso medio: una realtà tra le varietà linguistiche italiane // Gesprochenes italienisch in Geschichte und Gegenwart. Tübingen : Narr, 1985. P. 154–184.
- Titus-Brianti G.* La perifrasi progressiva'in progress': confronto tra italiano e inglese // Terzoli M. A., Asor Rosa A. & Inglese G. (Eds.) Letteratura e filologia fra Svizzera e Italia. Studi in onore di Guglielmo Gorni. Vol. III Dall'Ottocento al Novecento: letteratura e linguistica. Roma : Edizioni di storia e letteratura, 2010. P. 351–362.
- Trovato P.* Il primo Cinquecento / Storia della lingua italiana. Bologna : Mulino, 1994. 476 p.

REFERENCES

- Stepanova L. G.* Ital'janskaja lingvisticheskaja mysl' XIV–XVI vekov (ot Dante do pozdnego Vozrozhdenija). SPb. : Izd-vo RHGI, 2000. 504 c.
- Calmo A.* Il Travaglia. In Vinegia : Appresso Domenico de Farri, 1561.

- Calmo A.* Rodiana: comedia stupenda e ridicolosissima piena d'argutissimi moti e in varie lingue recitata / A. Calmo. - Padova : Antenore, 1985. 267 p.
- Castiglione B.* Il libro del cortegiano. Milano : Fabbri, 2001. 400 p.
- Cerruti M.* Strutture dell'italiano regionale: morfosintassi di una varietà diatopica in prospettiva sociolinguistica. Frankfurt am Main : Peter Lang, 2009. 308 p.
- D'Onghia L.* Da quanto tempo gli italiani parlano italiano? Riflessioni sparse sulla questione dell'italofonia preunitaria // Fiorentino G., Ricci C. e Siekiera A. (a cura di) Trasversalità delle lingue e dell'analisi linguistica. Firenze : Cesati, 2018. P. 35–48.
- D'Ovidio F., Meyer-Lübke W.* Grammatica storica della lingua e dei dialetti italiani. Milano : Hoepli, 1932. 301 p.
- Egerland V.* Frasi subordinate al gerundio // Grammatica dell'italiano antico. A cura di G. Salvi e L. Renzi. Bologna : Mulino, 2010. P. 903–921.
- Ferrero G. G.* Introduzione // Lettere del Cinquecento. A cura di G. G. Ferrero. Torino : UTET, 1948. P. 9–28.
- Fornaris F. de.* L'Angelica. Venetia : Francesco Bariletti, 1607.
- Kloss H.* 'Abstand Languages' and 'Ausbau Languages' // Anthropological Linguistics. 1967. Vol. 9, № 7. P. 29–41.
- Messina S.* Il che tuttofare // A cura di E. Cresti. Prospettive nello studio del lessico italiano. Atti SILFI 2006. Firenze : FUP, 2006. Vol. II. P. 445–453.
- Nencioni G.* Fra grammatica e retorica. Firenze : Leo Olschki Editore, 1955. 184 p.
- Sabatini F.* L'italiano dell'uso medio: una realtà tra le varietà linguistiche italiane // Gesprochenes italienisch in Geschichte und Gegenwart. Tübingen : Narr, 1985. P. 154–184.
- Titus-Brianti G.* La perifrasi progressiva'in progress': confronto tra italiano e inglese // Terzoli M. A., Asor Rosa A. & Inglese G. (Eds.) Letteratura e filologia fra Svizzera e Italia. Studi in onore di Guglielmo Gorni. Vol. III Dall'Ottocento al Novecento: letteratura e linguistica. Roma : Edizioni di storia e letteratura, 2010. P. 351–362.
- Trovato P.* Il primo Cinquecento / Storia della lingua italiana. Bologna : Mulino, 1994. 476 p.

УДК 811.131

С. Н. Эйснер

доцент кафедры второго иностранного языка
института иностранных языков им. М. Тореза Московского
государственного лингвистического университета;
e-mail: Svetlana.eisner@yandex.ru

ПОИСКИ ИДЕНТИЧНОСТИ В РОМАНАХ РОМЕНА ГАРИ «ОБЕЩАНИЕ НА РАССВЕТЕ» И «ЖИЗНЬ ВПЕРЕДИ»

Статья посвящена анализу романов, в частности изучению того, почему писатель прибегает к автореминисценциям и переписыванию своей биографии. Роман «Жизнь впереди» – это повествование мальчика из иммигрантского квартала, однако персонажи читателю уже давно знакомы. И только в «Обещании на рассвете», романе, заявленном самим Гари как автобиографический, становится понятен перенос и пересказ автобиографии писателя. Такой интертекстуальный подход задуман с единственной целью: показать отношения самого автора и его матери, сильно повлиявшей на жизнь Гари.

Ключевые слова: автобиография; идентичность; интертекстуальность; псевдоним.

S. N. Eysner

Associate Professor at the Department of Second Foreign Language,
Moscow State Linguistic University; e-mail: Svetlana.eisner@yandex.ru

THE SEARCH FOR IDENTITY IN THE NOVELS “PROMISE AT DAWN” AND “THE LIFE BEFORE US” BY ROMAIN GARY

The article is dedicated to the analysis of Romain Gary's works, in particular to the study of the reasons for which the writer resorts to literary devices of auto-reminiscence and rewriting his biography. The novel “The Life before Us” is the narrative of a young boy from the immigrants' quarter, but the characters have long been familiar to the reader. It is only in the “Promise at Dawn”, a novel claimed by Gary himself as autobiographical, that the transfer and the fact that the writer retells his biography become evident. Such intertextual approach was conceived with a single purpose – to show the relationship of the author and his mother, who greatly influenced the life of Gary.

Key words: identity; autobiography; intertextuality; pseudonym.

Введение

История главного героя романа «Жизнь впереди» Момо вызвала у публики многочисленные вопросы, учитывая тайну, окружавшую

автора произведения, до его появления никому не известного, некоего Эмиля Ажара. Теперь мы уже знаем, что эта история, рассказанная от первого лица о жизни мальчика из эмигрантского пригорода Парижа, была написана известным французским писателем Роменом Гари.

Интересно провести анализ и понять желание писателя появляться в разных ипостасях, под разными именами, воплощаться в образе героев своих романов, а также его навязчивое желание придумывать и писать под псевдонимом.

Писатель в своих произведениях порывает с традиционными литературными жанрами, он множит свое «Я», переписывая свою жизнь, вдохновляясь своими же воспоминаниями, а также в романах постоянно присутствуют его литературные двойники.

Творчество Гари становится, таким образом, «свободным полем» для исследования и переписывания своей собственной жизни. Он ставит вопросы и пытается на них отвечать.

Интертекстуальный подход к анализу романов Ромена Гари «Обещание на рассвете» и «Жизнь впереди»

На первый взгляд, роман «Жизнь впереди» кажется реальной автобиографией, написанной мальчиком от первого лица из эмигрантского квартала, однако в нем улавливаются давно знакомые персонажи. И только читая «Обещание на рассвете» роман, заявленный его автором Роменом Гари как автобиографический, можно заметить, что текст Ажара представляет собой перенос и пересказ первой автобиографии писателя. Такой интертекстуальный подход задуман с единственной целью: показать отношения самого автора и его матери, так сильно повлиявшие на жизнь Гари.

«Жизнь впереди» можно рассматривать как подлинную автобиографическую историю подростка Момо. Отличительные черты повествования понятны, персонажи и их отношения с самого начала определены. Читатель сразу же попадает в атмосферу неблагополучного квартала, знакомится с мадам Розой и ее ежедневными проблемами, герой предельно откровенно говорит обо всем, начиная от ее еврейского происхождения и вплоть до ее веса и здоровья.

С первых строк читатель воспринимает в мальчике нарратора, рассказывающего свою историю. Еще даже не назвав своего имени, Момо определяет свой статус: ребенок, о котором заботится мадам Роза, за

что она получает ежемесячную плату. Место действия также реально, это район Парижа Бельвиль, в котором царит колоритная атмосфера, являющаяся неотъемлемой частью повествования. Другие персонажи, такие как доктор Кац, господин Валумба, мадам Лола описаны как реальные люди, существование которых можно проверить, мальчик хочет пойти к ним, поблагодарить за их помощь мадам Розе.

Но бóльшую достоверность рассказу придает сам стиль повествования, манера речи ребенка. Момо нередко неправильно формулирует фразы, плохо владеет грамматикой французского языка, меняет порядок слов в предложении и вследствие этого путает причинно-следственные связи, нарушая тем самым логику высказывания. Употребление некоторых слов ошибочно, например, *avortement* используется вместо *euthanasie*; *proxynète* вместо *proxénète*. Ряд выражений усечены, изменены и неправильно употребляются. Однако именно эти структурные ошибки, сопровождаемые размышлениями ребенка, создают неповторимый стиль и производят ошеломляющее впечатление на читателя. Этот нарочито «наивный» взгляд ребенка на жизнь в отверженном добропорядочными французами квартале, жизнь среди изгоев и является настоящим изобличением общества и его законов. Таким образом, в описании социальных условий жизни детей у мадам Розы хватает двусмысленности и остроумия. Например, Момо говорит:

Nous étions presque tous des enfants de putes [Gary 1975, с. 16].

Почти все мы у мадам Розы были детьми шлюх [Гари 2010, с. 15].

В этой фразе сочетается правдивая информация и одновременно с этим подразумевается их положение отверженности, ненужности в обществе, жертвами которого стали дети.

В том же ряду понятий и отношения в обществе к эмигрантам выстраивается рассказ мальчика о том, как он пошел в школу, и именно там впервые столкнулся с расизмом.

Иммигранты описаны согласно традиционным стереотипам:

M. Waloumba a beaucoup ri car il a des dents très blanches [Gary 1975, с. 371].

Мосье Валумба долго смеялся, показывая свои очень белые зубы [Гари 2010, с. 389].

Сразу же приходит на ум реклама бананов, кстати, одного из детей, за которыми ухаживала мадам Роза зовут Банания. Момо также описывает братьев господина Валумба как *de la tribu des éboueurs* [Gary 1975, с. 371] («и его братья по племени мусорщиков» [Гари 2010, с. 389]). На первый взгляд, описание ветхого жилья для иммигрантов кажется безотносительным, отстраненным:

Ils ont plusieurs foyers qu'on appelle taudis [Gary 1975, с. 54].

У них много общежитий, которые называют трущобами [Гари 2010, с. 54].

Ужасы фашизма также показаны как обычные факты, как будто ребенок особо ничего не понимает, из-за этого описание производит еще более сильное впечатление. Мадам Роза была помещена нацистами *dans un vélodrome pour juifs*. Тот же прием, основывающийся на кажущейся наивности ребенка, используется, чтобы подчеркнуть отсутствие внимания общества к ним.

Ah là là, je vous jure il y a une telle quantité de manque d'attention dans le monde qu'on est obligé de choisir comme pour les vacances quand on ne peut pas aller à la fois à la mer et à la montagne. On est obligé de choisir ce qui nous plait le mieux comme manque d'attention dans le monde et les gens prennent toujours ce qu'il y de mieux dans le genre et le plus chèrement payé comme les nazis qui ont coûté des millions ou le Vietnam, alors une vieille juive au sixième étage sans ascenseur qui a déjà trop souffert dans le passé pour qu'on s'intéresse à elle, c'est pas avec ça qu'on passera en première série, ah non alors. (...) et on ne peut pas leur en vouloir car plus c'est petit et moins ça compte [Gary 1975, с. 468].

«Клянусь вам, на свете так не хватает внимания, что и тут приходится выбирать, как на каникулах, когда нельзя поехать сразу и в горы, и к морю. Приходится решать, на что же все-таки обратить внимание, а поскольку выбор тут громадный, клюют всегда на самое яркое и дорогостоящее – к примеру, на нацистов, которые обошлись в миллионы людей, или на Вьетнам. Поэтому старая еврейка на седьмом этаже без лифта, которая и так уж слишком настрадалась, чтобы ею еще интересовались, – это вовсе не то, что может пойти на первые полосы ... и трудно их в этом упрекнуть, потому что никому неохота разбрасываться по мелочам» [Гари 2010 с. 490].

Что касается забытых всеми детей, об их положении также рассказывается обыденным тоном:

Il y en a même qui sont obligés de crever de faim pour se faire apercevoir, (...) il y en a même qui se font photographier [Gary 1975 с. 258].

Пацанов слишком много, чтобы их всех замечать, среди них некоторые вынуждены даже подыхать с голоду, чтобы кто-то их наконец заметил [Гари 2010 с. 271].

Подобный стиль намеренно наивный, используя его, ребенок избличает общество, и сами эти разоблачения доказывают читателю прочное укоренение рассказчика в той среде, которую он описывает с первых страниц повествования, среда, в которой он чувствует себя уверенно. В то же время читатель не находит данных о личности персонажей. Во-первых, у самого нарратора есть только имя, но нет фамилии, кроме того, читатель, как, впрочем, и сам мальчик, не знает своего точного возраста: *Je n'ai pas été daté*, и далее: *le certificat qui prouvait que j'étais né et que j'étais en règle était faux* [Gary 1975, с. 12]. («Свидетельство, удостоверяющее, что я действительно родился и что живу по всем правилам, было липовое» [Гари 2010, с. 10].) Таким образом: *Il n'y avait aucun document qui me prouvait*. Момо настаивает на том факте, что он сам не знает откуда взялся: *je ne figurais nulle part du point de vue documentaire* [Gary 1975, с. 69]. Мадам Роза идет еще дальше:

L'identité, vous savez, ça peut se tromper également, ce n'est pas à l'épreuve [Gary, 1975 с. 418].

Установить личность, знаете ли, тоже можно с ошибкой, не такое уж это беспорное дело [Гари 2010, с. 392].

И, наконец, как расценивать любопытное двойственное отношение мадам Розы к возрасту, когда доктор Кац спрашивает у детей кто старший, она указывает на Момо.

Что мы знаем о самой мадам Розе? Ее личность настолько таинственна, насколько и травмирована событиями Второй мировой войны. Она сделала себе документы: *Qui prouvaient qu'elle était quelqu'un d'autre; qu'elle n'avait aucun rapport avec elle-même* [Gary 1975, с. 417].

О героях известно только то, что мадам Роза много путешествовала, родители Момо неизвестны, из чего следует что, акцент ставится на поиске идентичности героев, особенно если принимать во внимание вопросы, которые ребенок постоянно задает себе и мадам Розе о своей настоящей матери, а также его общение с реальными

и выдуманными мужчинами и женщинами, которые кажутся ему подходящими на роль идеального отца и матери. Но он тут же сам разрушает стремление найти свои корни, еще до того, как читатель узнает настоящее имя и историю его матери:

Je vais vous dire tout de suite que je n'ai jamais retrouvé ma mère, je ne veux pas vous donner de fausses émotions [Gary 1975, с. 166].

Сразу же скажу вам, что мать я так никогда и не отыскал, – не хочу вызвать у вас напрасных надежд [Гари 2010, с. 167].

Что касается отца мальчика, то не успев появиться, отец умирает. Очевидно, что поиск идентичности героя всего лишь ловушка и иллюзия, даже наоборот, возникает еще больше вопросов о подлинности личности Момо и мадам Розы. Кто же эти персонажи такие реальные и в то же время таинственные?

Многие фрагменты истории, рассказанной Эмилем Ажаром, представляют собой прямой интертекстуальный диалог с автобиографическим произведением Ромена Гари «Обещание на рассвете», проявляющийся в форме намеков, повторяющихся сцен и даже своеобразный стиль. Юмор, «перекочевавший» из «Обещания на рассвете» в историю Момо, стал еще ярче и позволил автору дистанцироваться, чтобы вновь рассказать, избегая пафоса, историю матери и сына. Таким образом, «Жизнь впереди» это, скорее, жизнь, уже пережитая и переоцененная автором, обладающим «faux rapiers».

Почему Гари испытывал потребность переписать «Обещание на рассвете»? Писатель объясняет это его желание в «Жизнь и смерть Эмиля Ажара»:

J'avais l'illusion parfaite d'une nouvelle création de moi-même par moi-même. Je faisais sentir le titre de mon Au-delà de cette limite votre ticket n'est pas valable. Je triomphais de ma vieille horreur des limites et des « une fois pour toutes [Gary 1981, с. 14].

Писатель, как и мадам Роза, «жертва de la criminalité des lois de la nature», по словам Момо. Роман, который упоминал Гари, был опубликован незадолго до появления Ажара, в нем описана драма стареющего немощного мужчины, пытающегося покончить с собой. Образ путешественника в конце заезда, о чем упоминается в названии романа, снова появляется в романе «Жизнь впереди». Действительно,

господин Шармет, бывший служащий компании железных дорог, единственный француз в доме, неожиданно навещает мадам Розу, он чувствует, что обречен и скоро умрет. Возможно, Гари воплотил себя, тоже стареющего, в образе этого пожилого француза. Писателю претит отношение публики к нему как к застывшему памятнику, и он готовится «descendre du train». Мысль, что возможности человека ограничены, что он не может стать другим, единственное спасение от страдания писатель видит в творчестве:

C'est comme si j'avais un habitant en moi. Je suis pris de hurlements, je me jette par terre. Je me cogne la tête pour sortir, mais c'est pas possible [Gary 1976, с. 9].

«Жизнь впереди» подтверждает желание писателя возродиться в образе Момо, но так, чтобы читатели ни о чем не догадались. В истории с Ажаром мы наблюдаем не просто стремление писателя остаться в тени, быть неузнанным, скорее, это была попытка поиска самого себя, самоидентификация. Гари хотел создать для себя еще одну личность, «скроенную» по его желанию, способную притягивать, интересовать и в итоге доказать свой талант. Безусловно, писателю была необходима признательность читателей. Таким образом, мы видим, что в своем авторском мифе, который он создавал, Гари никогда не разделял литературную составляющую от восприятия его текстов.

Стратегия Гари заключалась в том, чтобы использовать другое имя, псевдоним, и воплощением этой авантюры стал его кузен Поль Павлович. В это же время Гари дает многочисленные интервью, в которых создает образ человека, сочетающего в себе противоречия, неуловимого. Журналист Желенски берет у Гари интервью и удивляется, что писатель «соткан» из противоречий, он ему кажется анархистом и в то же время человеком, ратующим за порядок, революционером и консерватором, «левым» и одновременно «правым». Ромен Гари подтверждает эти характеристики и говорит:

Pour se trouver il faut d'abord se créer. Ainsi, lorsqu'on dit de moi: "c'est une forte personnalité", cela m'étonne: des personnalités, j'en ai vingt et je ne vois pas comment un conflit constant entre elles peut donner une seule forte personnalité" [Anissimov 2004, с. 37].

Чтобы найти себя, нужно сначала создать себя. Когда обо мне говорят: он сильная личность, это меня удивляет: личности, у меня их

двадцать, и я не понимаю каким образом постоянный конфликт между ними может привести к одной сильной личности.

Гари часто приукрашивает свою историю, он не всегда честен в своих интервью и выступлениях, так он сохраняет монополию над своими литературными автопортретами. Миф и мистификация неразрывно связаны с его образом.

Гари хотелось стать лучшим фокусником в мире, о чем он рассказывает в «Обещании на рассвете». Тема клоуна присутствует и в «Жизни впереди». Мальчик вспоминает цирк, который произвел на него огромное впечатление:

Mais pour moi c'étaient les clowns qui étaient les rois. Ils ressemblaient à rien et à personne. Ils avaient tous les têtes impossibles, avec des yeux en points d'interrogation [Gary 1975, с. 187].

Момо рассказывает также о клоуне:

...qui était en réalité deux, car il avait un double et ce que l'un faisait, l'autre aussi était obligé de le faire et ils essayaient d'y couper mais il avait pas moyen, ils avaient partie liée [Gary 1975, с. 188].

Образ клоуна в романе свидетельствует о постоянном стремлении Гари к двойственности, незримом присутствии, в данном случае, используя маску Ажара – Момо.

Клоун принадлежит миру воображения, он единственный способен держать смерть на расстоянии. Момо внимательно наблюдает за его игрой: клоун падает, затем встает и ему никогда не больно. Не случайно, когда мадам Роза умирает, мальчик ложится рядом с ней вместе с клоуном. Он ее уже сравнивал с большой куклой и затем, в трагический момент смерти он ее гримирует, после чего она напоминает мрачного клоуна, как бы бросая вызов смерти. Момо сожалеет:

Mme Rosa aurait été très drôle si elle était un clown mais elle ne l'était pas et c'était ça qui était dégueulasse [Gary 1974, с. 188].

Повествование романа ведет к смерти мадам Розы, мальчик много рассуждает на эту тему. Очевиден отказ Гари принять естественные законы природы: *La vie c'est pas un truc pour tout le monde*. Спасение не может прийти из области воображаемого:

Je commençais à comprendre que la meilleure chose pour moi, c'est d'aller vivre là où ce n'est pas vrai [Gary 1976, с. 14].

Эта мысль приводит писателя к постоянному переписыванию своей собственной истории, скрываясь под псевдонимами, воплощаясь в своих героях, чтобы обмануть смерть.

Клоуны, такие дорогие Момо, и постоянные перевоплощения Гари помогают писателю вновь обрести свое детство, писатель-ребенок, который не хочет становиться взрослым. Момо, когда узнает, что на самом деле ему 14 лет, больше не переживает из-за своего возраста, когда ему плохо, он обращается к клоунам за помощью.

Не случайно Гари вводит в нарратив текста историю, связанную с кино и посещением Момо сеанса дублирования фильма. Трудно добиться идеальной синхронизации звука и текста, поэтому звукорежиссер вынужден постоянно возвращать кадр назад.

Мальчик рисует в своем воображении сцены с молодой мадам Розы, он также видит себя еще совсем маленьким ребенком в объятиях своей настоящей матери, и он чувствует нежность и теплоту. Образ матери постоянно присутствует в мыслях и чувствах Момо. Интересно отметить, что имя приемной матери Момо Надин очень напоминает имя матери самого писателя Нина.

Прежде, чем представить себе мадам Розу молодой и здоровой, Момо замечает:

Les mots se mettaient aussi en marche arrière et disaient les choses à l'envers et ça faisait des sons mystérieux comme dans une langue que personne ne connaît et qui veut peut-être dire quelque chose [Gary 1975, с. 247].

Писатель ищет новый язык, чтобы выразить то, что нельзя выразить. Господин Хамиль говорит Момо, что мальчик обладает этой способностью выражать невыражаемое. Тема материнской любви, постоянно присутствующая в обоих романах, вновь возникает, когда Момо рассказывает свою историю Надин и ее мужу, своеобразный рассказ в рассказе, в котором в сжатом виде представлены все аспекты его жизни, стремления и очередная попытка отодвинуть время и смерть:

J'étais content parce que je parlais de madame Rosa et ça me fait toujours plaisir [Gary 1975, с. 214].

Заключение

Можно отметить, что в романе «Жизнь впереди» писатель стремится постоянно вернуться во времена своего детства, одновременно мучительное и идеальное. В самые трудные моменты своей жизни Гари, как и его герой мальчик Момо, пытается вновь почувствовать силу материнской любви. Ромен Гари, мечтая о нежности, воплощает себя в образе Момо, который заканчивает свой рассказ словами: «*Il faut aimer*».

В поисках признания Ромен Гари осознает свою принадлежность к французской культуре. Он станет признанным писателем, будет писать романы, но также создаст параллельный мир, в котором не будет границ. Благодаря своим псевдонимам Гари станет свободным и будет тем, кем ему захочется и когда захочется. Таким образом, писатель будет стремиться присутствовать во всех своих произведениях, будь то автобиографический роман, романизированная автобиография или его литературный автопортрет.

Автопортрет нарратора проявляется через многократные напоминания о прошлом, которые становятся понятны из предыдущих текстов писателя.

Например, среди постоянно повторяющихся тем в его романах всегда присутствуют тревога, боязнь одиночества и старости, безраздельная любовь матери и сына; темы, которые повторяются то у Гари, то у Ажара. Цель текста для Гари уже не только литературная, но, скорее, сознательная или подсознательная необходимость писать о себе, возвращаться в прошлое.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Гари Р.* Вся жизнь впереди. М. : Симпозиум, 2010. 240 с.
Гари Р. Обещание на рассвете. М. : Симпозиум, 2017. 352 с.
Кристева Ю. Бахтин, слово, диалог и роман // Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму. СПб. : РХГИ, 2001. С. 213–243.
Anissimov M. Romain Gary, le caméléon. Paris : Denoel, 2004. 752 p.
Gary R. La promesse de l'aube. Paris : Gallimard, 1980. 455 p.
Gary R. La vie devant soi. Paris : Mercure de France, 1975. 286 p.
Gary R. Pseudo. Paris : Mercure de France, 1976. 224 p.
Gary R. Vie et mort d'Emile Ajar. Paris : Gallimard, 1981. 42 p.
Lejeune Ph. Le pacte autobiographique. Paris : Seuil, 1975. 357 p.
Sacotte Mireille. Romain Gary et la pluralité des mondes. Paris : Presses universitaires de France, 2002. 185 p.

REFERENCES

- Gari R.* Vsja zhizn' vpered. M. : Simpozium, 2010. 240 s.
- Gari R.* Obeshhanie na rassvete. M. : Simpozium, 2017. 352 s.
- Kristeva Ju.* Bahtin, slovo, dialog i roman // Francuzskaja semiotika: Ot strukturalizma k poststrukturalizmu. SPb. : RHGI, 2001. S. 213–243.
- Anissimov M.* Romain Gary, le caméléon. Paris : Denoel, 2004. 752 p.
- Gary R.* La promesse de l'aube. Paris : Gallimard, 1980. 455 p.
- Gary R.* La vie devant soi. Paris : Mercure de France, 1975. 286 p.
- Gary R.* Pseudo. Paris : Mercure de France, 1976. 224 p.
- Gary R.* Vie et mort d'Emile Ajar. Paris : Gallimard, 1981. 42 p.
- Lejeune Ph.* Le pacte autobiographique. Paris : Seuil, 1975. 357 p.
- Sacotte Mireille.* Romain Gary et la pluralité des mondes. Paris : Presses universitaires de France, 2002. 185 p.

УДК 378.147.88

Д. А. Шевлякова

доктор культурологии, профессор,
заведующий кафедрой итальянского языка
факультета иностранных языков и регионоведения
МГУ имени М. В. Ломоносова;
e-mail: scevliakova@mail.ru

«ИТАЛИЯ ВО ФРАНЦИИ»: ПРОЕКТНЫЙ МЕТОД НА УРОКАХ ИТАЛЬЯНСКОГО ЯЗЫКА

Статья посвящена организации командной проектной деятельности в виде симулятивной игры «Италия во Франции». Проект – разработанная студентами модель самостоятельной туристической поездки во Францию с целью посещения древнеримских амфитеатров на территории современной Франции и ознакомления с произведениями итальянских художников, находящихся в Лувре. Проблематика данного проекта связана с кросс-культурным изучением двух точек зрения на цивилизационную роль Италии в Западной Европе.

Ключевые слова: проектная деятельность, преподавание итальянского языка, компаративная грамматика в преподавании.

D. A. Shevlyakova

Doctor of Cultorology (Dr. habil.), Professor,
Head of the Department of Italian, Faculty of Foreign Languages and Areal Studies,
Lomonosov Moscow State University; e-mail: scevliakova@mail.ru

“ITALY IN FRANCE”: PROJECT METHOD AT THE LESSONS OF ITALIAN

The article is devoted to the organization of team project in the form of a simulation game "Italy in France". The project is a model developed by students of a tourist trip to France with the aim of visiting the ancient Roman amphitheaters in the territory of modern France and getting acquainted with the works of Italian artists located in the Louvre. The problems of this project are related to cross-cultural study of two points of view on the civilizational role of Italy in Western Europe.

Key words: project activities; teaching the Italian language; comparative grammar in teaching.

Введение

Проектная деятельность студентов, обучающихся в вузе, является неотъемлемым компонентом образования нового типа, основанного на компетентностном подходе. В процессе учебы студенты должны овладеть различными компетенциями, в том числе системными и инструментальными; они должны уметь самостоятельно искать информацию, быстро обрабатывать большое количество данных, анализировать их и применять на практике в дальнейшей профессиональной деятельности. Проектная деятельность оптимально формирует данные компетенции, обладая следующими характеристиками: открытость проекта, вариативность, активная позиция студентов, сотрудничество и работа в команде, интерактивность, реалистичность, междисциплинарность, ключевая роль руководящего преподавателя [Сафонова, Подольский 2017].

Однако методические подходы к проектной деятельности в области преподавания иностранных языков сводятся к представлению информации о стране и ее культуре на языке в виде индивидуальных презентаций. В данной статье будет предпринята попытка ввести в проектную деятельность элементы собственно лингвистические, а также попытка кросскультурного анализа в такой достаточно деликатной и идеологически ангажированной сфере, как национальное культурное наследие и элементы иноязычных культур, ассимилированные в национальное наследие.

В работе хотелось бы разобрать на конкретном примере групповой проект «Италия во Франции», оформленный в виде симулятивной игры. Симулятивная игра – целенаправленное представление фрагмента действительности упрощенным образом. Симулятивная игра обладает рядом достоинств [Mauriras-Bousquet 1984]:

- 1) непосредственно связана с действительностью, например направлена на детальное изучение профессиональных действий;
- 2) требует активности со стороны участников, определяя область их инициативы более широко – случай создания так называемых открытых ролей (например, роли директора фабрики);
- 3) обладает монолитной структурой, т. е. подчиняется определенным правилам.

В процессе обучения симулятивные игры известны давно, но область их применения долгое время оставалась достаточно узкой – они

использовались главным образом при обучении штабных офицеров, градостроителей, конструкторов самолетов и судов и т. д. В среднем образовании симулятивными играми в широком масштабе начали пользоваться только в 60-е гг. прошлого столетия. Первоначально особое внимание им уделялось в США, затем в Великобритании, во Франции, в Канаде [Coleman 1990].

Принципы и этапы организации группового проекта

В нашем случае в виде группового проекта «симулятивная игра» был спланирован один из блоков самостоятельной работы студентов в курсе «Мир I иностранного языка (итальянский язык)», продолжительность – четыре семестра, по четыре академических часа, модуль «Искусство Италии», продолжительность два семестра, по четыре академических часа. Двум студенческим командам было предложено разработать модель гипотетической поездки студента, находящегося на обучении в Италии, но желающего посетить и близлежащую Францию; название проекта – «Италия во Франции». Объект поездки (проекта) – памятники архитектуры и живописи, сотворенные итальянскими художниками (Леонардо да Винчи) и древнеримскими архитекторами (по выбору команды) на территории современной Франции. Цели поездки (и проекта):

- 1) расширить свои знания по искусству Италии эпохи Античности и Возрождения;
- 2) познакомиться на практике с культурой соседней романской страны – Франции;
- 3) понять отношение французов и итальянцев к итальянскому культурному наследию во Франции и всю многогранность межкультурной коммуникации между двумя романскими странами в синхронии и диахронии.

Продолжительность поездки – 3–5 дней – краткосрочная. Тип поездки – «историко-культурный туризм» с минимальными элементами рекреационного отдыха (знакомство с французской кулинарной традицией).

Две команды получили задание, первая тематическая часть которого содержала различные предметы исследования – памятник (памятники) Античности, построенные древними римлянами на территории современной Франции в любом городе, кроме Парижа. Памятники

архитектуры студенты должны были выбрать самостоятельно и в презентации поездки обосновать свой выбор. Вторая тематическая часть задания содержала одинаковый предмет исследования – картины итальянского художника Леонардо да Винчи, представленные в Лувре.

Командам были поставлены следующие задачи для первой части (памятники античности на территории Франции):

- 1) выбрать объекты;
- 2) подготовить красивые слайды архитектурных памятников в высоком разрешении (для последующего формирования презентаций);
- 3) подготовить на итальянском языке краткую информацию, представить ее живо и интересно;
- 4) составить подраздел «Не все знают, что...» с подборкой запоминающейся информации любой эмоциональной наполненности: любопытной, неожиданной, пугающей, отталкивающей, забавной;
- 5) продемонстрировать, как включен объект римского зодчества в исторические традиции и современную жизнь города.

Задачи для второй части задания, одинаковой для обеих команд (картины Леонардо да Винчи в Лувре, описание, отношение к итальянскому гению, уехавшему в конце жизни во Францию, в итальянской и во французской культурах), были следующими:

- 1) подготовить красивые слайды живописных полотен в высоком разрешении;
- 2) найти на итальянском языке краткую информацию о картинах, представить ее ярко и интересно;
- 3) выявить отношение в коллективном бессознательном итальянцев к Леонардо и факту его переезда во Францию, для этого ставится ряд подзадач:
 - а) повторение материала по конспектам лекций по Леонардо да Винчи, уже прочитанной в модуле по истории искусства Возрождения;
 - б) просмотревое чтение итальянской статьи в многоязычной интернет-энциклопедии со свободным контентом «Wiki-pedia»;
 - в) выбор абзацев текста, где наиболее явно проступает отношение итальянцев к утерянному им Леонардо да Винчи;

- г) копирование выбранных абзацев в слайды с выделением жирным курсивом словосочетаний и предложений, которые вербально иллюстрируют это отношение;
- 3) в задаче выявить отношение к Леонардо да Винчи и факту его переезда во Францию во французском коллективном бессознательном, ставится ряд подзадач, аналогичных исследованию итальянского материала:
 - а) просмотрное чтение итальянской статьи многоязычной интернет-энциклопедии со свободным контентом «Wikipedia»;
 - б) выбор абзацев текста, где наиболее явно проступает отношение французов к итальянскому художнику Леонардо да Винчи;
 - в) копирование выбранных абзацев в слайды с выделением жирным курсивом словосочетаний и предложений, которые вербально иллюстрируют это отношение.

В случае с французским языком разрешено пользоваться автоматическими переводчиками, но с обязательным условием размещения французского оригинала и итальянского перевода на слайде на одном уровне, с выделением ключевых слов и выражений жирным курсивом. В качестве результата проделанной сопоставительной работы создается слайд-вывод, резюмирующий отношение во французском коллективном бессознательном к Леонардо Да Винчи, а более в общем, – к итальянской художественной культуре эпохи Возрождения, отношение в итальянском коллективном сознании к факту утраты величайшего гения Возрождения из пространства национальной культуры.

Кроме того, так как формат задания назывался «симулятивная игра», то командам предстояло решать и организационные, логистические задания:

- 1) планирование передвижения между объектами:
 - а) проезд Рим – Париж – Рим (поезда и междугородние автобусы, список интернет-ресурсов был предоставлен);
 - б) выбор способа проезда Париж – выбранный город – Париж (или возвращение в Италию из выбранного города);
- 2) планирование посещения объектов по дням, подготовка текста для презентации;
- 3) выбор недорогого хостела в Париже и в выбранном городе, подготовка информационных слайдов для презентации;

- 4) поиск по путеводителям недорогих заведений общепита с национальной (локальной) кухней в Париже и в выбранном городе, подготовка слайдов заведений и фирменных блюд, которые рекомендуются к дегустации.

Создание группового проекта было поручено группе II курса, направление подготовки «Лингвистика», которые только год изучают итальянский язык (уровень лингвистических компетенций А2–В1). Состав группы – 10 человек, которые были разделены преподавателем на две команды. На подготовку проекта было дано две недели, с обязательным представлением промежуточного варианта презентации преподавателю для обсуждения и корректировки.

Особенностью группового проекта было введение материала на незнакомом студентам-итальянистам, но типологически родственном романском языке – французском. Для этого на подготовительном этапе проекта проводилась следующая работа:

- 1) объяснялось, что в проекте предстоит работа исключительно с письменной речью, поэтому основная сложность – восприятие сильно отличающейся фонетической системы – снимается;

- 2) в связи с тем, что основной структурной единицей синтаксиса является глагол, на слайдах показывается система спряжений французских глаголов в настоящем времени, желательно – в зеркальном сопоставлении со спряжениями итальянских глаголов;

- 3) студенты учат окончания правильных глаголов в *Présent*, затем делают пару упражнений, где им предлагается перевести глагол с французского языка на русский в разных лицах (вразбивку) и без личных местоимений, например: *manges, mangent, mangeons, Elle mange, mangez, Je mange*, – таким образом формируется привычка к глагольной парадигме;

- 4) выучиваются глаголы *être* и *avoir*, так как они будут выступать как вспомогательные во всех сложных (составных) временах;

- 5) показывается принцип образования сложных времен, подчеркивается полная идентичность с образованием сложных времен в итальянском языке, при этом преподаватель отходит от классического объяснения, он просто показывает слайд, где представлены глагольные времена и наклонения, и просит студентов угадать, каким итальянским временам и наклонениям это соответствует (студенты с энтузиазмом включаются в игру);

6) показываются два простых прошедших времени – *Imparfait* и *Passé simple*, так как без них не обходится ни одно описание исторических памятников, опять-таки проводится параллель с соответствующими временами в итальянском языке – *Imperfetto* и *Passato Remoto* в итальянском языке. В качестве материала рекомендуются два учебника двуязычной грамматики французского языка, широко представленных в итальянской средней школе, неоднократно переизданных [Parodi, Vallacco 2015; Mirabelli 2011];

7) так как неполного представления системы французского глагола недостаточно для понимания текста, то студентам для поиска, просмотра, отбора и сортировки информации предлагается работать с автоматическими переводчиками («Trados», «Googletranslate»). При этом преподаватель делает «хитрый» ход – показывает, как плохо автоматический переводчик переведет с французского на русский язык (заранее подбирается материал со стилистическими ошибками, посмешнее), а затем тот же отрывок на глазах у студентов автоматический переводчик трансформирует на итальянский язык, выдавая более качественный результат в силу общей типологии переводимых языков;

8) ставится задача зеркального представления материала на двух языках в слайдах о Леонардо да Винчи с подчеркиванием ключевых словосочетаний в обоих языках (для промежуточного представления презентации преподавателю);

9) преподаватель предупреждает, что на защите проекта у студентов в презентации слайдов с материалами по французской части должен остаться материал только на французском языке, с которого они и будут делать текстовой и межкультурный анализ.

Процедура защиты проекта выглядела следующим образом: команда № 1 выступает с презентацией на итальянском языке, при этом работают все члены команды. После выступления они слушают вопросы и критику команды № 2, совещаются, определяют ответы на критику, назначают выступающих, отвечают на критику. Преподаватель перед началом презентации еще раз проговаривает регламент и дальше следит, чтобы никто его не нарушал, а также смотрит, чтобы критика и дискуссия не переросли в ссору с обвинениями. После выступления обеих команд преподаватель проводит финальное обсуждение, и уже обе команды выделяют сильные и слабые стороны обеих презентаций.

Для оценивания группового проекта приглашаются студенты старших курсов – пять человек. Они присутствуют, сохраняя молчание до финального обсуждения, в котором они принимают участие, а затем заполняют таблицу со следующими критериями, на основании которых был сформирован финальный балл и оценка за групповой проект:

- 1) культурно-историческая значимость маршрута, раскрытие темы, полнота охвата имеющегося материала 25 баллов («шаг» оценивания – 5 баллов: 0 5 10 15 25);
- 2) маркетинговая привлекательность маршрута (для потенциального пользователя); логистика маршрута, финансовая грамотность маршрута (25 баллов);
- 3) культура представления маршрута (презентация, 25 баллов);
- 4) лингвистическое обеспечение маршрута на итальянском языке (25 баллов).

Заключение

Подводя итоги, хотелось бы отметить следующие преимущества групповых студенческих проектов с симулятивными играми в развитии компетенций (компетенции приведены на основании образовательного стандарта МГУ имени М. В. Ломоносова Лингвистики, Интегрированный магистр [Образовательные стандарты МГУ 2018]):

1) в плане языковых компетенций: владение иностранным языком (итальянским) в устной и письменной форме для осуществления коммуникации в учебной, научной, профессиональной и социально-культурной сферах общения; владение терминологией специальности на иностранном языке; умение готовить публикации, проводить презентации, вести дискуссии и защищать представленную работу на иностранном языке;

2) в области инструментальных компетенций: владение навыками использования программных средств и работы в компьютерных сетях, использования ресурсов Интернет; владение основными методами, способами и средствами получения, хранения, переработки информации; в области системных компетенций: способность к поиску, критическому анализу, обобщению и систематизации научной информации, к постановке целей исследования и выбору оптимальных путей и методов их достижения навык анализа материала информационного характера: мотивация, контекст, адресат;

3) в области профессиональных компетенций: способность применять знания в области лингвистики, сопоставительного изучения языков и культур и межкультурной коммуникации, владение методологическими принципами и методическими приемами исследования в различных сферах профессиональной деятельности; владение навыками и умениями самостоятельного исследования основных закономерностей функционирования языков и развития культур в синхроническом и диахроническом аспектах, изучение особенностей устной и письменной иноязычной коммуникации в различных сферах общения с изложением аргументированных выводов способность выявлять источники возникновения конфликтных ситуаций в межкультурной профессиональной коммуникации.

Кроме вышеуказанных компетенций, подобные проекты мотивируют студентов на восприятие незнакомого романского языка (французского), закладываются основы сопоставительного романского языкознания, а также формируется навык изучения незнакомого романского языка на основании романского языка, изучаемого студентами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Сафонова К. И., Подольский С. В.* Проектная деятельность студентов в вузе: принципы отбора проектов и формирования проектных групп // Общество: социология, психология, педагогика. М., 2017. Вып. 9. С. 15–27.
- Образовательные стандарты МГУ. 035700 Лингвистика. URL : standart.msu.ru/node/95 (дата обращения: 05.10.2018).
- Coleman J. S.* Equality and achievement in education. Boulder : Westview Press Harvard, 1990. 340 p.
- Mauriras-Bousquet M.* Théorie et pratique ludique. Paris : Economica, 1984. 177 p.
- Mirabelli C.* Grammaire de la langue français pour italiens. Milano : Hoepli, 2011. 296 p.
- Parodi L., Vallacco M.* Grammathèque. Grammaticacon trasti vaper Italiani. Torino : CIDEB, 2015. 258 p.

REFERENCES

- Safonova K. I., Podol'skij S. V.* Proektnaja dejatel'nost' studentov v vuze: principy otbora proektov i formirovanija proektnyh grupp // Obshhestvo: sociologija, psihologija, pedagogika. M., 2017. Vyp. 9. S. 15–27.
- Obrazovatel'nye standarty MGU. 035700 Lingvistika. URL : standart.msu.ru/node/95 (data obrashhenija: 05.10.2018).

- Coleman J. S.* Equality and achievement in education. Boulder : Westview Press Harvard, 1990. 340 p.
- Mauriras-Bousquet M.* Théorie et pratique ludique. Paris : Economica, 1984. 177 p.
- Mirabelli C.* Grammaire de la langue français pour italiens. Milano : Hoepli, 2011. 296 p.
- Parodi L., Vallacco M.* Grammathèque. Grammaticacon trasti vaper Italiani. Torino : CIDEB, 2015. 258 p.

УДК 811.131.1

А. И. Назаренко

кандидат филологических наук, доцент каф. романских языков,
Дипломатическая академия МИД России, Москва;
e-mail: annushka_n@mail.ru

ЗАЩИТА МИНОРИТАРНЫХ ЯЗЫКОВ В ТРЕНТИНО – АЛЬТО-АДИДЖЕ И ВЕНЕТО: ПЛЮСЫ И МИНУСЫ

Рассматриваются проблемы языковых меньшинств в двух областях Северной Италии; дается информация о консультативном референдуме по вопросу получения автономии, прошедшем в Венето в октябре 2017 г. Отмечается, что в последние десятилетия жители Венето неоднократно призывали итальянское правительство признать их этническую идентичность и предоставить права, предусмотренные Рамочной конвенцией о защите национальных меньшинств Совета Европы. Особое внимание уделяется принятому Региональным советом Венето законопроекту, в котором жители области определяются как «национальное меньшинство», и, следовательно, планируется преподавание диалекта («венетского языка») в школах, использование его в госучреждениях и в топонимике, ориентируясь на модель Южного Тироля. В работе подчеркивается, что сегодня автономная провинция Южный Тироль, входящая в состав области Трентино – Альто-Адидже, представляет собой пример успешной интеграции языковых меньшинств и сосуществования трех официальных языков: немецкого, итальянского и ладинского. В статье привлекается внимание к инициативе правительства Австрии, которое в декабре 2017 г. объявило о своем намерении предоставить австрийское гражданство жителям Южного Тироля, заявившим о своей принадлежности к немецкой и ладинской языковым общинам. По мнению итальянского правительства, подобное решение неприемлемо, так как, в частности, оно приведет к дискриминации италоязычного населения провинции.

Ключевые слова: миноритарные языки; языковые меньшинства Италии; языковая политика; Южный Тироль; Венето; венетский диалект; бразильский венетский; ладинский язык; цимбрский язык; язык мокено.

A. I. Nazarenko

PhD (Philology), Associate Professor, Department of Romance Languages,
Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs
of the Russian Federation, Moscow; e-mail: annushka_n@mail.ru

PROTECTION OF THE MINORITY LANGUAGES IN TRENTINO – ALTO ADIGE AND VENETO: BENEFITS AND COSTS

The article concerns the problems of linguistic minorities in two regions in Northern Italy. It gives the information on the non-binding Venetian autonomy referendum that took place in October 2017. It is specially noted that in the recent decades the Venetians

have been calling on the Italian government to recognize their ethnic identity, expecting to obtain rights guaranteed by the Framework Convention for the Protection of National Minorities. Much attention is given to the bill approved in December 2016 by Regional Council of Veneto that describes Venetians as “national minority” and announces the intention to teach the dialect (“Venetian language”) in schools and to use it in the Public Administration, following the model of Alto Adige (South Tyrol). It is stressed that now the autonomous province of South Tyrol is an example of successful integration of linguistic minorities and the coexistence of three official languages: German, Italian and Ladin. It is reported that recently the Italian government and the Regional Council of Trentino – Alto Adige promulgated a series of laws and bills that protect the Ladin language. The article draws attention to the fact that in December 2017 the Austrian government announced its intention to grant Austrian citizenship to residents of South Tyrol who declared that they belong to the German and Ladin language communities. According to the Italian government, such a decision is unacceptable, since, in particular, it will lead to the discrimination of the Italian-speaking population of the province.

Key words: minority languages; linguistic minorities in Italy; language policy; South Tyrol; Veneto; the Venetian dialect; Brazilian Venetian; the Ladin language; the Cimbrian language; the Mocheno language.

В октябре 2017 г., когда всеобщее внимание было приковано к проведению референдума о независимости в Каталонии, в двух областях северной Италии – Ломбардии и Венето – прошли консультативные референдумы по вопросу получения этими регионами автономии. В Венето инициативу поддержали 98 % жителей. День для голосования был выбран не случайно: именно 22 октября 1866 г. Венето вошло в состав Итальянского королевства. Символическое электронное голосование по вопросу выхода области из состава Италии уже проводилось в Венето в марте 2014 г., и тогда около 80 % принявших в нем участие высказались за отделение. И голосование 2014 г., и Октябрьский референдум 2017 г. не имели юридической силы, однако пресса уже придумала название для возможного выхода Венето из состава Италии, назвав его *Venexit*.

Venexit – это вопрос будущего, но языковое самоопределение области уже состоялось. В декабре 2016 г. Региональный совет большинством голосов принял законопроект, в котором от государства требовалось признать этническую идентичность жителей Венето и предоставить им права, предусмотренные для национальных меньшинств Рамочной конвенцией о защите национальных меньшинств Совета Европы [Progetto di legge n.116 URL], подписанной Италией в 1997 г. (в 2000 г. Италия подписала также «Европейскую хартию

региональных языков или языков меньшинств», но до сих пор не ратифицировала ее). Следующими шагами должны были стать преподавание диалекта («венетского языка») в школах, использование его в госучреждениях и в топонимике, включая изготовление дорожных указателей с обозначением населенных пунктов. Как и ожидалось, правительство оспорило законность решения Регионального совета, которое выходило за рамки полномочий региональных органов и нарушало ряд конституционных принципов.

Лингвистическая составляющая играет немаловажную роль в политической борьбе в сегодняшней Италии, поскольку одной из причин, способствующих сохранению разобщенности страны, является сильная раздробленность на языковом уровне. Конечно, сегодня уже все жители говорят на «стандартном» итальянском, но при этом во всех областях, провинциях, отдельных городах продолжают существовать диалекты, столь различающиеся, что порой даже жители небольшой деревушки не понимают диалект соседей. В наши дни диалекты становятся для многих итальянцев своего рода символом идентичности, и активно используются не только людьми старшего поколения, но и молодежью – в семье, в общении с друзьями.

Идея признания венетского диалекта миноритарным языком очень популярна среди населения области. В статье 6 Конституции Италии говорится о том, что «при помощи соответствующих мер Республика охраняет языковые меньшинства», но Законом 482 от 1999 г. итальянский парламент официально признал такой статус только за 12-ю языками. Это албанский, каталонский, немецкий, греческий, словенский, хорватский, французский, франкопровансальский, фриуланский, ладинский, окситанский и сардинский. Жители Венето категорически не согласны с подобной «дискриминацией»: они убеждены, что в наши дни более чем полмиллиона человек разговаривают не на диалекте, а на языке той самой великой Венецианской Республики, существовавшей более 1000 лет, с конца VII в. по 1797 г.

Но даже если рассматривать возможность признания «венетского языка», то какому из диалектов, существующих в пределах самой области Венето, отдать предпочтение? Диалекту Падуи, Венеции, Вероны или Виченцы? И как при этом не обидеть жителей маленьких городков, таких как Баоне, Бардолино или Леньяго? Такие резонные вопросы задавали противники законопроекта, принятие которого

вызвало протесты и полемику среди политиков, общественных деятелей, лингвистов и журналистов. Сторонников законопроекта такие детали не волнуют. «В принципе, мы более или менее понимаем диалекты разных городов, как-нибудь разберемся», – говорят они.

Существует и еще один веский аргумент в пользу признания венецкого диалекта миноритарным языком: его носителями являются более миллиона человек в Южном полушарии, в бразильских штатах Риу-Гранде-ду-Сул и Санта-Катарина. Потомки иммигрантов, прибывших из северных областей Италии на юг Бразилии на рубеже XIX–XX вв., до сих пор разговаривают на так называемом бразильском венецком (*vêneto brasileiro*), который с 1995 г. называется также «тальян» (*Talian*) [A luta para salvar os dialetos ... URL]. Тальян – это результат смешения нескольких венецких диалектов, в котором отмечается влияние португальского, которое, однако, не нарушает его лексико-грамматическую структуру. В Бразилии изданы грамматики и словари языка тальян. 13 ноября 2009 г. власти города Серафина-Корреа (население которого составляет 12700 человек) в штате Риу-Гранде-ду-Сул приняли Закон, согласно которому тальян получил статус ко-официального языка наряду с португальским [Lei N°2615 ... URL]. В Законе особо подчеркивается, что запрещены любые формы дискриминации, связанные с использованием официального или ко-официального языка. После принятия Закона изучение в городе языка тальян было включено в школьную программу. В 2014 г. Министерство культуры Бразилии признало этот язык частью культурного наследия страны, он был включен в Регистр языков Бразилии. В 2015 г. вышло второе издание словаря языка тальян. В южных регионах Бразилии существует более 500 радиопрограмм на этом языке.

В Бразилии тальян часто называют именно *романским языком*, и жители Венето хотят, чтобы и итальянское государство признало их диалект миноритарным языком. Чувство несправедливости усиливает и тот факт, что две соседние с Венето области Трентино – Альто-Адидже / Южный Тироль и Фриули – Венеция-Джулия являются автономными, а немецкий, ладинский, словенский, хорватский и фриуланский признаны государством миноритарными языками. В Трентино – Альто-Адидже наряду с итальянским официально признано использование немецкого языка (вторым подобным регионом является Валле д'Аоста, где официально признан французский).

Во время референдума 2017 г. многие политические деятели Венето подчеркивали, что их целью не является отделение от Италии, как в случае Каталонии и Испании. Образцом для Венето является именно соседняя область Трентино – Альто-Адидже / Южный Тироль. Это единственная область Италии, в которой обе провинции – Больцано (которую также называют Южный Тироль, или Альто-Адидже) и Тренто – обладают статусом автономии и пользуются правами, которыми на остальной территории страны наделены только области. Обязательства Итальянской Республики перед автономиями закреплены в статье 5 Конституции Италии [Costituzione della Repubblica italiana URL]. Венето ориентируется на соседний регион и в вопросах борьбы за права венецкого диалекта.

В 1919 г. почти 90 % населения Южного Тироля – части австрийской земли, присоединенной к Италии после Первой мировой войны – было немецкоязычным, тем не менее, в последующие два десятилетия, совпавшие с периодом правления Муссолини, в Южном Тироле проводилась насильственная италянизация, а немецкий язык и культура подавлялись и запрещались. После Второй мировой войны, благодаря «Парижскому соглашению», подписанному в 1946 г. представителями Италии и Австрии Де Гаспери и Грубером, регион получил территориальную автономию и признание за жителями основных языковых и культурных прав: им предоставлялось право обучения на родном языке; немецкий и итальянский языки могли равноценно использоваться в общественных учреждениях.

Однако в последующие десятилетия путь к соблюдению и охране прав языковых меньшинств в Южном Тироле был долгим и нелегким. Этот вопрос уже рассматривался нами в статье «Южный Тироль и Венето: поиски идентичности в эпоху глобализации» [Назаренко 2017]. Важную роль сыграла поддержка Австрии, которая в качестве международного гаранта неоднократно поднимала вопрос о правах немецкоязычного населения провинции в ООН.

Наконец, в 1992 г. проблема статуса Южного Тироля была окончательно решена, и сейчас эта провинция является примером удачной интеграции и сосуществования нескольких языковых групп. В провинции Больцано равноправие немецкого и итальянского языков гарантируется в сфере работы госучреждений, обучения, предоставления общественных услуг, сфере страхования, в деятельности

нотариальных контор, суда, полиции, армии. Однако, наряду с составляющим большинство (64 %) немецкоязычным и италияязычным (24,5 %) населением, в Южном Тироле официально признана третья этническая группа – ладины, проживающие в двух горных долинах Валь Гардена и Валь Бадиа [Delibera N.210 ... URL]. Для работы в госучреждениях в провинции Больцано обязательно знание итальянского и немецкого языков, а также основ ладинского языка. Для ладиноязычных граждан гарантировано использование их родного языка в судопроизводстве. В детских садах, начальной и средней школе обучение ведется на родном языке преподавателями, для которых этот язык является родным. Со второго или третьего класса начальной школы начинается изучение второго языка. С 1989 г. ладинский язык признан в госучреждениях ладиноязычных долин; обучение в школах здесь ведется частично на немецком, частично на итальянском, дополнительно проводятся занятия по ладинскому языку и культуре. В городке Ортисеи в долине Валь Гардена еще в 1954 г. был открыт первый ладинский культурный центр, а с 1972 г. издается еженедельная газета *La Usc di Ladins* (Голос ладинцев).

15 ноября 2017 г. Палата депутатов итальянского парламента окончательно одобрила в третьем чтении Закон о поправках в Устав области Трентино – Альто-Адидже / Южный Тироль об охране ладиноязычного меньшинства. Поправки касаются состава правительства (джунты) провинции Больцано. По существовавшему законодательству в него входили два вице-председателя: один немец и один итальянец. Поправка предусматривает, что если один из членов правительства (не председатель) является ладинцем, то он также назначается вице-председателем. Поправки касаются и основных госучреждений: оба заместителя председателя должны принадлежать к языковым группам, отличным от той, к которой принадлежит председатель, таким образом, автоматически гарантируется представительство всех трех языковых групп.

Законопроект был представлен группой депутатов из Южного Тироля и один из них, Д. Альфрайдер, представляющий Народную партию Южного Тироля (*Südtiroler Volkspartei – SVP*), которая защищает интересы немецкоязычного и ладинского населения Южного Тироля, назвал решение итальянского парламента «историческим» [Ok definitivo Camera ... URL].

Однако у законопроекта было и немало противников, так что дискуссии в парламенте длились почти год. Например, неоднократно подчеркивалось, что, продолжая защищать права латинов, проживающих в провинции Больцано, которые и так достаточно защищены законами автономии, парламентарии забывают латинов, проживающих на других территориях. Латины проживают и в долине Валь ди Фасса, относящейся уже к провинции Тренто, а также в провинции Беллуно области Венето и в области Фриули-Венеция-Джулия. В этих областях они уже не признаны в качестве этнической группы, как в Больцано.

В статье «Южный Тироль и Венето: поиски идентичности в эпоху глобализации» мы уже отмечали, что, в отличие от провинции Больцано, в провинции Тренто языковые меньшинства не объявлены этническими группами, а выделены по территориальному признаку: местам проживания. «Таких групп в провинции три: это латины из Валь ди Фасса, а также цимбры, проживающие в восьми общинах на юго-востоке провинции Тренто и жители трех общин к востоку от Тренто, говорящие на языке мокено. Цимбрский язык и мокено, в отличие от латинского, являются языками германской группы. Мокено часто называют диалектом цимбрского языка, но итальянские лингвисты рассматривают его как отдельный язык» [Назаренко 2017].

В Статут Автономии региона Трентино – Альто-Адидже (статьи 15, 92, 102) внесены следующие положения по охране языковых меньшинств на территории провинции Тренто:

- гарантия получения из денежных фондов провинции финансирования на проведение мероприятий по охране и развитию культуры населения, говорящего на латинском, цимбрском и мокено;
- право оспаривать в областном суде Тренто административные действия органов государственного управления, которые нарушают принцип равноправия между проживающими в провинции носителями итальянского, латинского, цимбрского языков и языка мокено;
- расширение сфер применения существующих положений по охране и продвижению культуры латинов (включая соблюдение топонимики и уважение к традициям населения), а также населения, говорящего на цимбрском и мокено; гарантия обучения на латинском, цимбрском и мокено в школах

общин провинции Тренто, где говорят на этих языках [Statuto speciale ... URL].

Начиная с 1999 г., в провинции Тренто был принят целый ряд законов и указов, направленных на охрану прав трех языковых меньшинств, охватывающих все сферы: от топонимики до билингвизма, от школьного обучения до продвижения культурных ценностей. При правительстве провинции была создана специальная Служба по развитию и поддержке местных языковых меньшинств, обеспечивающая связь населения с государственными институтами и находящаяся в постоянном контакте с политиками, представляющими интересы латинов, цимбров и мокено.

Помимо латинских культурных центров, в провинции с 2004 г. действуют Институт культуры Мокено и Цимбрский Институт культуры, которые, согласно законодательству провинции, наделены правом решающего голоса в вопросах грамматики, лексики и орфографии, возникающих в процессе стандартизации местных языков [La tutela delle minoranze ... URL].

С 2009 г. на местном телевидении работает канал TML (Tele Minoranze Linguistiche) – цифровой канал для языковых меньшинств провинции Тренто. Канал предлагает выпуски новостей на латинском, цимбрском и мокено, а также ряд других программ, посвященных культуре и проблемам трех языковых меньшинств. Канал доступен также в Интернете [TML. La televisione ... URL].

24 мая 2018 г. в Трентино – Альто-Адидже был принят Закон о защите и укреплении прав языковых меньшинств – цимбров, латинов и мокено – во всей области, а не только в провинции Больцано. Прописанные в Законе инициативы включают, в частности, поддержку использования миноритарных языков в печати и СМИ, поощрение изучения миноритарных языков взрослыми, работу по переводу на миноритарные языки и лексикографические исследования. В тексте Закона особо отмечается, что власти области будут расширять межгосударственное и межрегиональное сотрудничество с латинами, проживающими на других территориях, особенно с общинами Кортина д'Ампеццо, Ливиналлонго дель Кольт, Колле Санта Лючия [Legge regionale ... URL]. Речь идет об общинах, находящихся уже на территории области Венето, где латины проживают в 39 общинах провинции Беллуно. В 1999 г. администрация провинции открыла Службу

языковых меньшинств, с 2007 г. в ней работает офис, прием населения в котором ведут сотрудники, говорящие на ладинском языке.

Отметим, что в некоторых общинах провинций Верона и Виченца также говорят на цимбрском языке. Как видим, население области Венето тоже разнородно, и в связи с этим возникает вопрос: как будут охраняться и гарантироваться права языковых меньшинств – ладинов и цимбров – в случае признания «венетского языка» официальным?

Проблема миноритарных языков и защиты прав языковых меньшинств чрезвычайно сложна: как, защищая права одних, не ущемлять при этом права других? В последнее время всё больше говорится о том, что в Южном Тироле итальянский язык вытесняется немецким. В ходе парламентских дебатов 2017 г. депутат от партии «Вперед, Италия!» М. Бьянкофьоре начала свое выступление с провокационного заявления: «*La vera minoranza discriminata sul territorio altoatesino è quella di lingua italiana*» (По-настоящему дискриминируемое меньшинство на территории Альто-Адидже – это италоязычное меньшинство. – *Перевод авт.*) [Tutela ladini ... URL]. Еще один депутат от партии «Вперед, Италия!», Л. Малан, в своем блоге приводит примеры переименования в провинции с итальянского на немецкий ряда топонимов, которые относятся еще ко временам Австро-Венгерской империи.

В этом контексте у итальянского правительства вызывает особое опасение недавняя инициатива правительства Австрии, касающаяся возможности предоставления, наряду с итальянским, австрийского гражданства жителям Южного Тироля, заявившим о своей принадлежности к немецкой и ладинской языковым общинам.

По мнению итальянского правительства, подобное решение неприемлемо, так как, в частности, приведет к дискриминации италоязычного населения провинции. В итальянской прессе последствия инициативы правительства Австрии сравнивались с тем, что могло бы произойти, если бы Италия решила в одностороннем порядке предоставить свое гражданство всему италоязычному населению швейцарского кантона Тичино [Doppio passaporto ... URL].

Как мы видим, проблема защиты миноритарных языков в наши дни требует осторожного и взвешенного подхода, так как часто судьбы этих языков зависят от политической конъюнктуры, что может приводить к обострению отношений как внутри полиэтнических стран, так и между соседними государствами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Назаренко А. И.* Южный Тироль и Венето: поиски идентичности в эпоху глобализации // Языковая политика многонациональных государств в эпоху глобализации. Проблема малых и исчезающих языков : материалы Российской науч.-практ. конф. с междунар. участием. Казань, 2017. С. 174–188.
- A luta para salvar os dialetos europeus no Brasil. URL : opinioenoticia.com.br/brasil/luta-para-salvar-os-dialetos-europeus-no-brasil/ (дата обращения: 03.01.2019).
- Costituzione della Repubblica italiana. URL : www.senato.it/documenti/repository/istituzione/costituzione.pdf (дата обращения: 03.01.2019).
- Delibera N.210 del 27.01.2003. Utilizzo della lingua ladina da parte degli enti pubblici e negli atti normativi. URL : lexbrowser.provincia.bz.it/doc/20141121/it/1571/delibera_n_210_del_27_01_2003.aspx (дата обращения: 03.01.2019).
- Doppio passaporto, accelerata di Vienna. URL : www.altoadige.it/cronaca/bolzano/doppio-passaporto-accelerata-di-vienna-1.1533115 (дата обращения: 03.01.2019).
- La tutela delle minoranze linguistiche storiche di Trento. URL : www.minoranzelinguistiche.provincia.tn.it/normativa/tutela_comunita_linguistiche/ (дата обращения: 03.01.2019).
- Legge regionale 24 maggio 2018, N. 3 Norme in materia di tutela e promozione delle minoranze linguistiche cimbra, mòchena e ladina della Regione autonoma Trentino-Alto Adige/Südtirol 1. URL: www.regione.taa.it/normativa/codice/LR_2018_3_it.pdf (дата обращения: 03.01.2019).
- Lei Nº2615, del 13 de novembro de 2009. URL : leismunicipais.com.br/a/rs/s/serafina-correa/lei-ordinaria/2009/262/2615/lei-ordinaria-n-2615-2009-dispoe-sobre-a-co-oficializacao-da-lingua-do-talian-veneto-brasileiro-a-lingua-portuguesa-no-municipio-de-serafina-correa-rs (дата обращения: 03.01.2019).
- Ok definitivo Camera a modifiche Senato relative alla minoranza ladina. Alfreider (Svp), voto storico. URL : www.ansa.it/trentino/notizie/2017/11/15/ok-definitivo-camera-a-modifiche-statuto_6f8861ff-044c-4663-b30b-b08aff84afdd.html (дата обращения: 03.01.2019).
- Progetto di legge n.116. URL : www.consiglioveneto.it/crvportal/pageContainer.jsp?e=144&p=37%20&c=11&t=0&n=37&idTipoPratica=-1&n_pdl=116&Submit2=Ce (дата обращения: 03.01.2019).
- Statuto speciale per il Trentino – Alto Adige. URL : www.regione.taa.it/Moduli/933_STATUTO%202018.pdf (дата обращения: 03.01.2019).
- TML. La televisione delle minoranze linguistiche. URL : www.tmltv.it/index.php (дата обращения: 03.01.2019).

Tutela ladini, Ottobre: “Sconfitta l’opposizione ideologica della Biancofiore” // La voce del Trentino. 11.01.2017. URL : www.lavocedel trentino.it/2017/01/11/tutela-ladini-ottobre-sconfitta-l-opposizione-ideologica-della-biancofiore/ (дата обращения: 03.01.2019).

REFERENCES

- Nazarenko A. I.* Juzhnyj Tirol' i Veneto: poiski identichnosti v jepohu globalizacii // Jazykovaja politika mnogonacional'nyh gosudarstv v jepohu globalizacii. Problema malyh i ischezajushhih jazykov : materialy Rossijskoj nauch.-prakt. konf. s mezhdunar. uchastiem. Kazan', 2017. S. 174–188.
- A luta para salvar os dialetos europeus no Brasil. URL : opiniaoenoticia.com.br/brasil/luta-para-salvar-os-dialetos-europeus-no-brasil/ (data obrashhenija: 03.01.2019).
- Costituzione della Repubblica italiana. URL : www.senato.it/documenti/repository/istituzione/costituzione.pdf (data obrashhenija: 03.01.2019).
- Delibera N.210 del 27.01.2003. Utilizzo della lingua ladina da parte degli enti pubblici e negli atti normativi. URL : lexbrowser.provincia.bz.it/doc/20141121/it/1571/delibera_n_210_del_27_01_2003.aspx (data obrashhenija: 03.01.2019).
- Doppio passaporto, accelerata di Vienna. URL : www.altoadige.it/cronaca/bolzano/doppio-passaporto-accelerata-di-vienna-1.1533115 (data obrashhenija: 03.01.2019).
- La tutela delle minoranze linguistiche storiche di Trento. URL : www.minoranzelinguistiche.provincia.tn.it/normativa/tutela_comunita_linguistiche/ (data obrashhenija: 03.01.2019).
- Legge regionale 24 maggio 2018, N. 3 Norme in materia di tutela e promozione delle minoranze linguistiche cimbra, mòchena e ladina della Regione autonoma Trentino-Alto Adige/Südtirol 1. URL: www.regione.taa.it/normativa/codice/LR_2018_3_it.pdf (data obrashhenija: 03.01.2019).
- Lei N°2615, del 13 de novembro de 2009. URL : leismunicipais.com.br/a/rs/s/serafina-correa/lei-ordinaria/2009/262/2615/lei-ordinaria-n-2615-2009-dispoe-sobre-a-co-oficializacao-da-lingua-do-talian-veneto-brasileiro-a-lingua-portuguesa-no-municipio-de-serafina-correa-rs (data obrashhenija: 03.01.2019).
- Ok definitivo Camera a modifiche Senato relative alla minoranza ladina. Alfreider (Svp), votostorico. URL: www.ansa.it/trentino/notizie/2017/11/15/ok-definitivo-camera-a-modifiche-statuto_6f8861ff-044c-4663-b30b-b08aff84afdd.html (data obrashhenija: 03.01.2019).
- Progetto di legge n.116. URL : www.consiglio Veneto.it/crvportal/pageContainer.jsp?e=144&p=37%20&c=11&t=0&n=37&idTipoPratica=-1&n_pdl=116&Submit2=Ce (data obrashhenija: 03.01.2019).

- Statuto speciale per il Trentino – Alto Adige. URL : www.regione.taa.it/Moduli/933_STATUTO%202018.pdf (data obrashhenija: 03.01.2019).
- TML. La televisione delle minoranze linguistiche. URL : www.tmltv.it/index.php (data obrashhenija: 03.01.2019).
- Tutela ladini, Ottobre: “Sconfitta l’opposizione ideologica della Biancofiore” // La voce del Trentino. 11.01.2017. URL : www.lavocedeltrentino.it/2017/01/11/tutela-ladini-ottobre-sconfitta-lopposizione-ideologica-della-biancofiore/ (data obrashhenija: 03.01.2019).

Сетевое электронное научное издание

ВЕСТНИК Московского государственного лингвистического университета	VESTNIK of Moscow State Linguistic University
Гуманитарные науки	Humanitarian Sciences
Выпуск 9 (825)	Issue 9 (825)

Ответственный редактор выпуска 9 (825)
доктор филологических наук, профессор И. А. Семина

Редактор Е. М. Евдокимова
Компьютерная верстка: Ю. Л. Герасимова
Дизайн обложки: А. Г. Проскуряков

ФГБОУ ВО МГЛУ
Подписано в печать 03.09.2019
Формат 60x90/16. Усл. печ. л. 15,5.
Заказ № 90/19

Адрес редакции:
119034, г. Москва, ул. Остоженка, д. 38, стр. 1
Тел.: (499) 245 33 23
E-mail: ipk-mglu@rambler.ru

«Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки» входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим отраслям науки и / или группам специальностей научных работников:

10.02.00 – Языкознание
10.01.00 – Литературоведение
24.00.00 – Культурология

«Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки» является преемником сборников научных трудов с 1940 года и, начиная с 2002 года, следующих выпусков «Вестника Московского государственного лингвистического университета»: «Лингвистика», «Языкознание», «Филологические науки», «Языкознание и литературоведение», «Восточные языки», «Философия», «Филология и культурология».

© ФГБОУ ВО МГЛУ, 2019

Издание зарегистрировано 10 июня 2016 г. Эл № ФС77-66051 Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Доменное имя сайта: vestnik-mslu.ru

Учредитель: ФГБОУ ВО МГЛУ

За аутентичность цитат отвечают авторы.

Перепечатка материалов возможна при обязательном письменном согласовании с редакцией издания. Ссылка на издание при перепечатке обязательна.